С. К. КАБАНОВ

КУЛЬТУРА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЮЖНОГО СОГДА III-VI вв.

— ФАН —

.2
В

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

С. К. КАБАНОВ

КУЛЬТУРА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЮЖНОГО СОГДА III—VI вв.

ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗОНЕ ЧИМКУРГАНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1981

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Джангальтепа — развалины древнесогдийского поселения 8
Аултепа — руины согдийского замка 38
Руины поселений III—VI вв. 80
Памятники изобразительного и прикладного искусства 96
Заключение 114

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Ю. Ф. Буряков

Рецензенты
кандидаты исторических наук
Р. Р. Мукашева, К. К. Кубаков, Б. Д. Кочнев

Сергей Кузьмич Кабанов

КУЛЬТУРА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЮЖНОГО СОГДА III—VI вв.

По материалам исследований в зоне Чимкурганского водохранилища

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии, Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *Э. Р. Балаян*
Художник *В. И. Владимиров*
Технический редактор *Э. М. Сагдиева*
Корректор *Н. В. Хазова*

ИБ № 1094

Сдано в набор 26.11.80. Подписано к печати 4.1.81. Р04501. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 2000. Заказ 255. Цена 1 р. 30 к.

Типография Издательства «Фан» УзССР. Ташкент, проспект М. Горького, 79. Адрес Издательства: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

К $\frac{10602—1578}{М355(04)—81}$ 114—80 0507000000

©Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

Между двумя древними земледельческими оазисами долины Кашкадарьи — Кешем (современный Шахрисабзский оазис) и Нахшебом (Каршинский оазис) — простирается степная равнина с редкими вкраплениями орошенных в древности земель, расположенных вблизи водных потоков, стекающих с северных склонов Гиссарского хребта. Только возле русла Кашкадарьи почти непрерывной цепью возвышаются руины древних поселений, земли которых орошали воды реки в удобных для отвода каналов местах. На одном из таких участков, в обширной котловине, расположенной примерно на одинаковом расстоянии от Шахрисабза и Карши, с глубокой древности возникали земледельческие поселения. Эту котловину между кишлаками Чимкурган и Бирдаля (рис. 1) ирригаторы выбрали для сооружения одного из крупных водохранилищ Узбекистана, названного Чимкурганским.

Естественная котловина, заполненная теперь водами водохранилища, представляла широкую пойму реки (рис. 2, *1*), обрамленную пятью террасами, из них четыре нижние, очень извилистые, с южной стороны совмещающиеся, подступают к берегу крутыми обрывами[1]. С северной стороны берег более пологий, надпойменная низменность частично была занята возделанными полями, ступени террас местами сглажены. У краев террас и на низменности расположены бугры — развалины древних поселений: на площади 40—45 км² выявлено больше 20 памятников[2].

В 1955—1957 гг. в зоне водохранилища работал небольшой археологический отряд Института истории и археологии Академии наук УзССР. За три полевых сезона были выявлены и зафиксированы памятники, попавшие в зону затопления и подтопления. На некоторых памятниках были проведены разведочные, а на двух объектах — Аултепа (рис. 1,*5*) и Киндаклитепа (рис. 1,*9*), — более крупные раскопки стационарного типа.

[1] При характеристике природных условий использованы некоторые данные М. Ф. Байковой, приведенные в отчете об инженерно-геологических исследованиях в зоне Чимкурганского водохранилища.

[2] Кабанов С. К. Археологические памятники зоны Чимкурганского водохранилища,— «Изв. АН УзССР», серия обществ. наук, 1957, № 2, с. 75—83.

В результате исследований Чимкурганского отряда в средней части долины Кашкадарьи, ранее не известной в археологическом отношении, были выявлены памятники, датированные с первых веков до нашей эры до XII—XIII вв. (в верхних наслоениях многослойных развалин поселений). Однако не все памятники можно было учесть: одни не были видны в рельефе, другие могли быть приняты за естественные неровности. Позже воды стали вымывать на

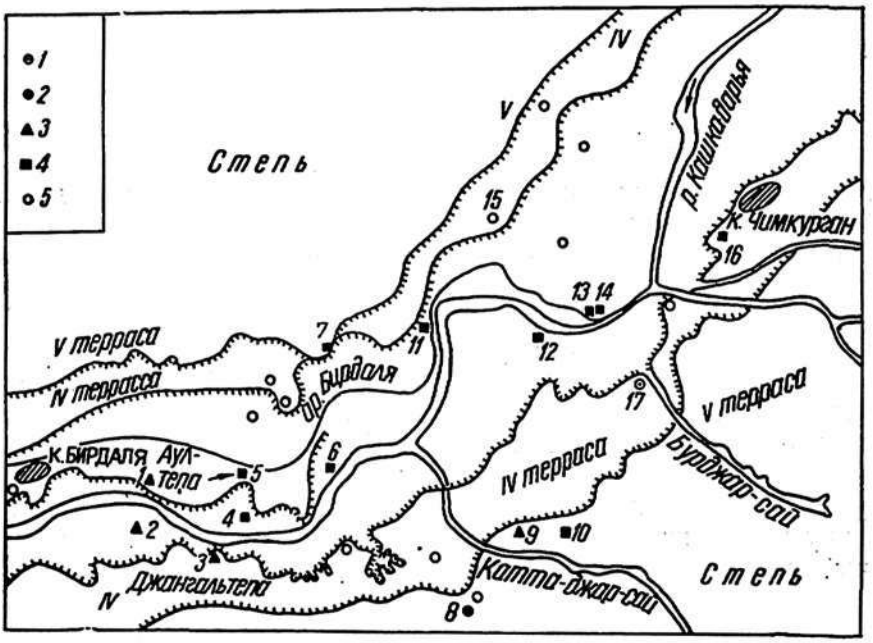


Рис. 1. Схема расположения археологических памятников в зоне Чимкурганского водохранилища:

1—развалины поселения эпохи поздней бронзы (17); *2*—Калайтепа—развалины поселения I в. до н. э.—II в. н. э. (8); *3*—развалины поселений с наслоениями III—VI вв.; *4*—развалины поселений с наслоениями V—VI вв.; *5*—памятники, обследованные без раскопок.

берегах культурные наслоения с важными для истории края материалами. Так, в 1967 г. З. И. Усманова на юго-восточном берегу водохранилища впервые в долине Кашкадарьи обнаружила россыпь древних черепков, датированных IV—III вв. до н. э.[3] В 1971 г. на том же участке берега у устья Бурджарсая (рис. 1) С. К. Кабанов при участии Т. Р. Агзамходжаева выявил признаки еще более древнего поселения — периода поздней бронзы. В 1972 г. руины этого поселения исследовал Х. Дуке; предположительно он датирует его первой третью I тысячелетия до н. э.[4]

---

[3] Усманова З. И. К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш. — ИМКУ, вып. 10. Ташкент, 1973, с. 52—57.

[4] Краткое сообщение об этих работах см. в сб. «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 2. Л., 1972, с. 55.

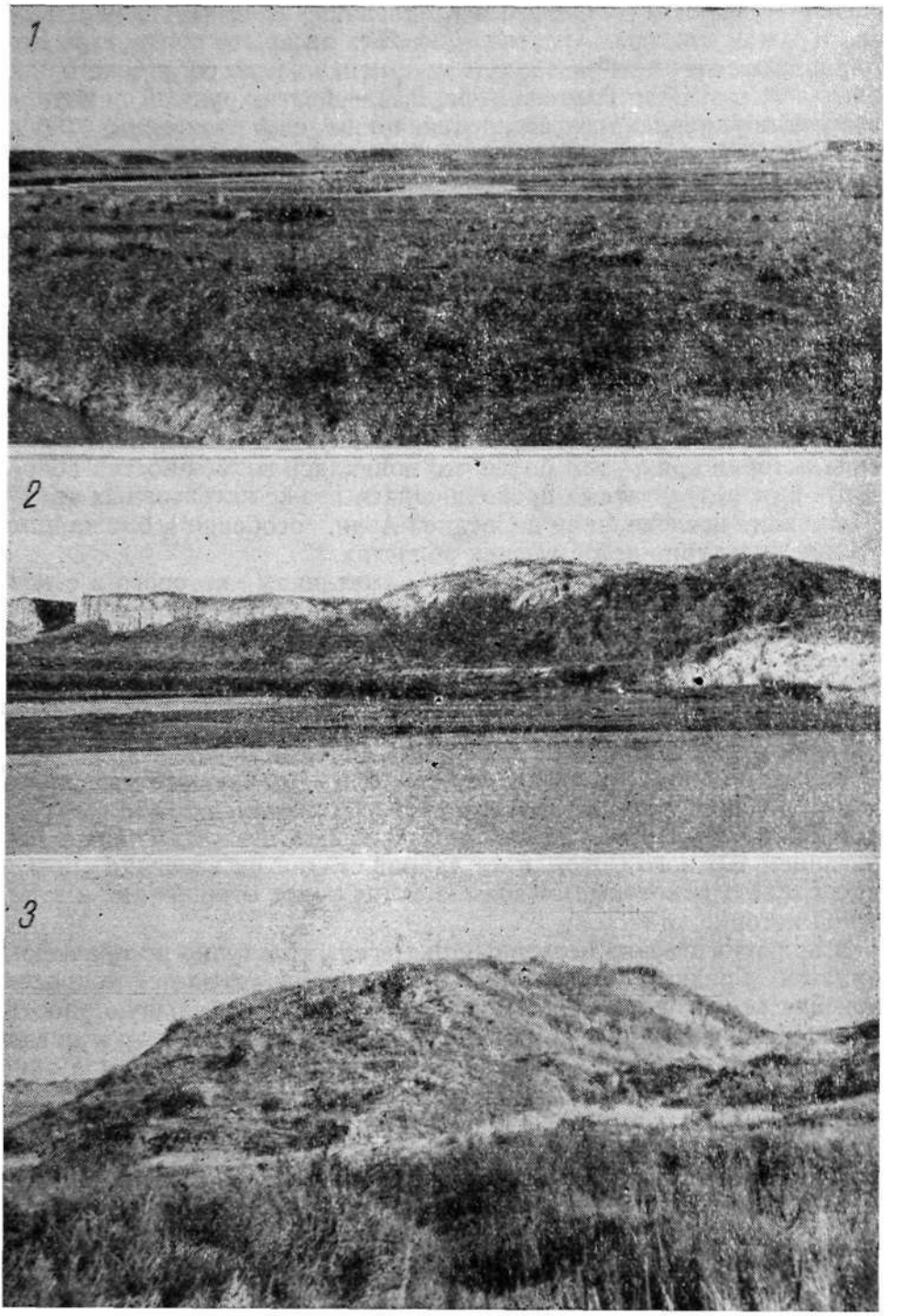


Рис 2. Пойма р. Кашкадарьи в зоне Чимкурганского водохранилища (*1*), Джангальтепа (вид с севера) (*2*), Аултепа (вид с юго-востока) (*3*).

Основные объекты нашего исследования — два памятника, Аултепа и Джангальтепа. Аултепа (рис. 2,*3*) раскрыто полностью. Как выяснилось, это были развалины монументального согдийского здания V—VI вв. Джангальтепа (рис. 2,*2*) — более крупный памятник, развалины укрепленного поселения, но на нем проведены относительно небольшие раскопочные работы. Основной материал для характеристики его нижних наслоений получен уже во время строительных работ, при разборке тепа весной 1958 г. Этот памятник более древний, датируется III—V вв. В обследованной зоне выявлены руины и других сельских поселений, в которых обнаружены наслоения, по характеру содержащихся в них культурных остатков близкие к Аултепа или Джангальтепа; некоторые из них однослойные, относятся ко времени одного из них.

Несмотря на давность археологических исследований в зоне Чимкурганского водохранилища, материалы этих работ сохранили свое значение и в настоящее время станут новым вкладом в изучение истории края, тем более что появилась возможность сопоставить их с результатами проводившихся позже интенсивных археологических исследований в Средней Азии, особенно в ближайших к Кешу культурно-исторических областях.

Период истории Средней Азии, памятникам которого в основном посвящена предлагаемая монография,— один из малоизученных и очень сложных по сущности происходивших в то время (III—VI вв.) процессов: период разложения рабовладельческого общества и зарождения элементов феодальных отношений, период развития сложных этнических процессов и политических взаимоотношений. Объем исследований, на которых основан предлагаемый труд, в общем довольно значителен. Полученные материалы характеризуют уровень развития производительных сил и культуру населения долины Кашкадарьи с ее оазисами, известной теперь под названием Южного Согда, и на данной стадии их изучения позволяют сделать некоторые выводы о социальных отношениях и этнической истории края.

В археологических исследованиях всех культурно-исторических областей Средней Азии все больше внимания уделяется вопросам изучения сельских поселений. Следует отметить большую работу, проведенную в Хорезме и обобщенную в монографическом исследовании;[5] в этой же книге приведены и материалы изучения сельских поселений других областей в направлении развития их композиционно-планировочных схем и реконструкции структуры общества. Новейшие исследования сельских поселений освещены в ряде сообщений на Всесоюзной научной конференции в Пенджикенте[6].

---

[5] Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976.

[6] Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР 26—31 августа 1977 г. Душанбе, 1977, с. 48—53, 69—72 и др.

Проведены опыты по систематизации сведений о сельских поселениях Нахшеба[7] и Северной Бактрии[8].

В течение ряда лет близ южных берегов Чимкурганского водохранилища работает Кешская археолого-топографическая экспедиция Ташкентского государственного университета, изучающая сельские поселения периода раннего средневековья, синхронные или близкие по времени Джангальтепа и Аултепа. Сделан первый шаг в области типологической классификации этих памятников[9], однако крупных раскопок еще нет. Стационарные работы позволят сотрудникам этой экспедиции уже в ближайшем будущем существенно дополнить материалы исследований Чимкурганского отряда 1955—1958 гг. и использовать их в более широком плане для восстановления истории края.

---

[7] Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977 (ниже — Нахшеб).

[8] Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 42—83; Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978; Ртвеладзе Э. В. О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии.— ВДИ, 1978, № 4.

[9] Дресвянская Г. Я., Сагдуллаев А. С., Усманова З. И. Классификация раннесредневековых памятников среднего течения Кашкадарьи. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана, с. 69—70.

ДЖАНГАЛЬТЕПА — РАЗВАЛИНЫ ДРЕВНЕСОГДИЙСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В низовой части водохранилища, на южном берегу реки находился крупный бугор, известный под названием Джангальтепа. Этим названием (в переводе — «тепа с зарослями») развалины древнего поселения обязаны колючему кустарнику тамариску, покрывавшему значительную часть его поверхности. Памятник находился на краю четвертой террасы, там, где ее обрыв подступал к реке.

Джангальтепа в плане подпрямоугольное, вытянутое в направлении с юга на север, с сужением в северной части (рис. 3); протяженность его с юга на север 110 м, с востока на запад 70—80. Поверхность Джангальтепа бугристая, часть его была занята кладбищем, высота 4—7 м над уровнем четвертой террасы; южная часть тепа значительно выше северной.

В 1955 и 1957 гг. на Джангальтепа в верхних наслоениях памятника было заложено два разведочных раскопа; во время строительных работ 1958 г. осуществлялся археологический надзор, в ходе которого удалось заложить еще один разведочный раскоп уже в нижних слоях памятника.

Археологические раскопки в верхних наслоениях. Раскоп 1 находится в северо-восточной части тепа, на небольшом, выделяющемся в рельефе бугре, на самом краю обрыва; в нем раскрыты лишь незначительные остатки зданий двух строительных периодов. Площадь раскопа 80 м^2. В верхнем строительном горизонте, соответствующем последнему периоду жизни поселения, до глубины 50 см, после снятия дернового слоя и рыхлого грунта с примесью золы и керамики обнаружили остатки трех стен. Длина восточной 3,2 м, сложена из сырцового кирпича размером 50×27×7 см, толщина стены — два кирпича, положенных вдоль. Вторая стена массивнее, ширина ее 1 м, кладка в основном глинобитная, иногда встречался и кирпич разных размеров, видимо, сборный и ломаный; найдены кирпичи размером 46×33×7 и 48×25 см. В высоту обе стены сохранились всего на 2-3 ряда кладки. Третья из стен верхнего горизонта глинобитная, проложена с востока на запад, севернее двух описанных кирпичных стен; толщина ее 35 см, в длину

прослежена на 4 м 25 см. Сохранившиеся отрезки стен верхнего горизонта различны по характеру кладки, поэтому нет уверенности в том, что они — остатки одного здания.

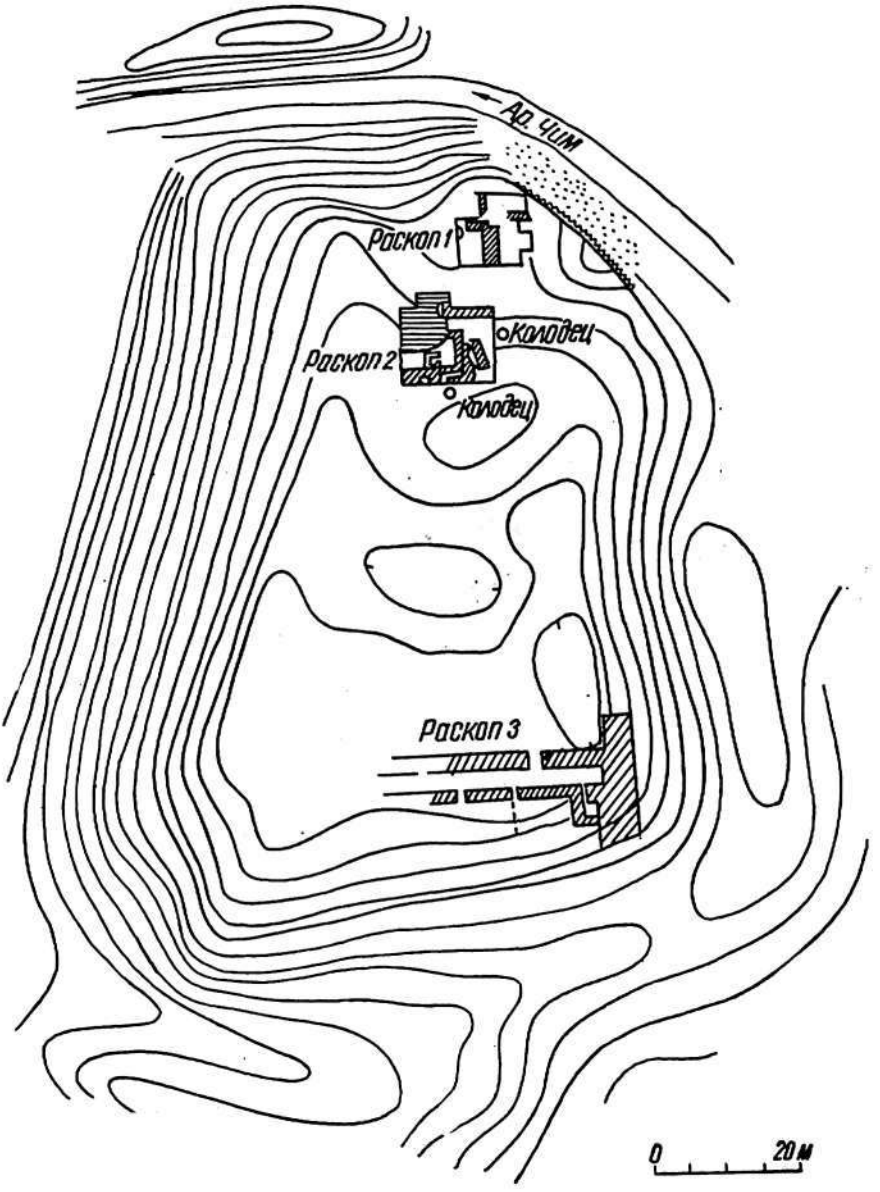


Рис. 3. Джангальтепа. План.

Во втором горизонте, на глубине 0,5—1,5 м, больше конструктивных остатков, однако и они не дают возможности восстановить

хотя бы некоторые черты планировки бывших здесь сооружений. В северной части раскопа найдены остатки большого помещения, стены которого в значительной части покрыты коркой обожженной земли. Наслоения помещения состоят из завала глины с примесью золы, угля, фрагментов толстостенной керамики станковой работы. Пол обнаружен на глубине 1,5 м от поверхности, весь устлан обожженной землей, золой, углем.

В южной половине раскопа раскрыты две стены (рис. 4), образующие северо-восточный угол другого большого помещения. Вос-

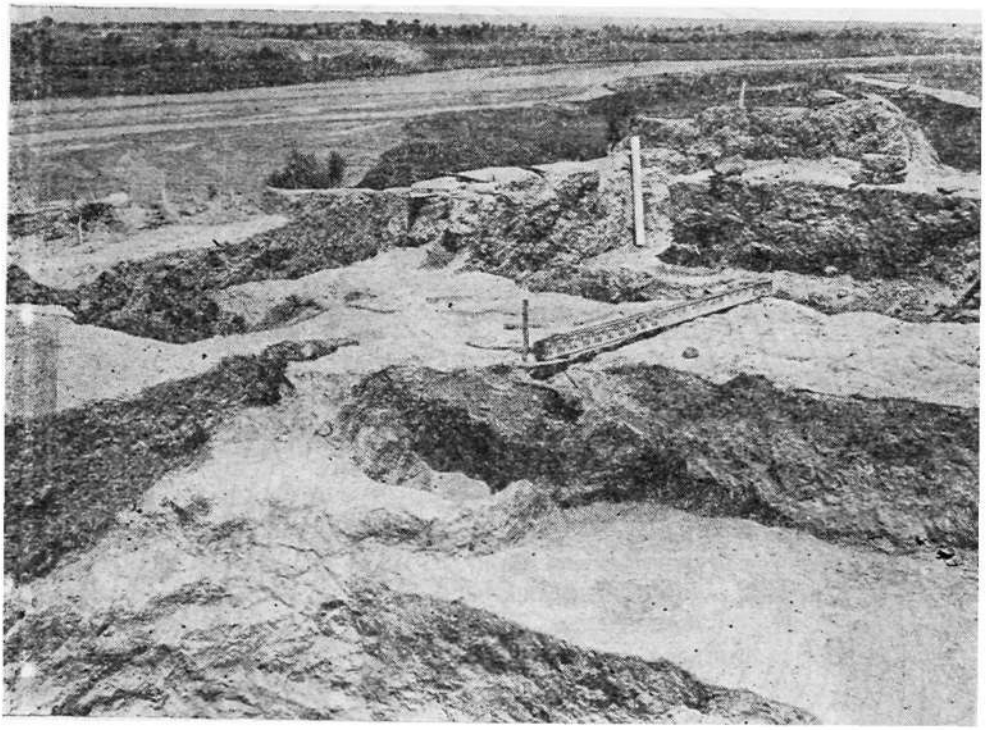


Рис. 4. Джангальтепа. Раскоп 1, вид с юго-запада. В центре—очаг в углу помещения.

точная стена очень массивная, толщина 165 см. Характерна ее структура: глинобитная кладка укреплена рядами сырцового кирпича размером 40 x 30 x 7 см, 50 x ? x 6 и др., разделенными интервалами в 13—15 см. На поверхности сохранившейся части стены отмечена кладка из сырцового кирпича размером 45 x 30,5 x 7 см. Толщина северной стены помещения 103 см, кирпичной кладки в ней не отмечено. В высоту обе стены сохранились до 50—60 см.

На глубине 125 см от поверхности хорошо определяется плотный пол помещения. В углу расчищен очаг из глины, прямоугольный в плане. Возле очага обнаружена большая яма более позднего происхождения, диаметром 3,3 м, заполненная рыхлым завалом из глины

с примесью керамики, золы и угля, прослеживаются прослойки органических остатков. Дно ямы расчищено на глубине 3,1 м от поверхности, ниже идет слой глины с пятнами обожженной земли толщиной 50 см, а под ним — тонкая прослойка зеленоватого цвета от осадков растворенных органических веществ. Плотный темно-желтый материковый лесс обнаружен на глубине 360 см от поверхности; это уровень террасы, на которой стоит тепе. Незначительность конструктивных остатков в раскопе свидетельствует о многих перестройках в последние периоды существования поселения.

Второй раскоп (рис. 5) заложен к югу от первого, вверх по склону тепа; площадь его 120 м^2. Под плотным дерновым слоем оказался рыхлый серый грунт — смесь глины, золы и органических остатков. На глубине 75 см, у восточного края раскопа, раскрыта довольно массивная глинобитная стена, прослеженная в длину на 3 м, в высоту на 60—70 см. Южная часть стены разрушена, северная завершается выступом в виде пилястры шириной 1,2 м, обращенным на север, внутрь помещения. К западу от выступа расчищена неглубокая ниша, западный угол которой является и углом оконтуриваемого помещения. Западная стена его четко отслаивается лишь на 85-сантиметровом отрезке.

Пол помещения открыт на глубине 150 см от поверхности. В прикрывавших пол наслоениях, как обычно, было много золы, попадался уголь. В углу ниши обнаружен очаг в виде пятна обожженной земли диаметром 30 см с остатками глиняного валика.

Стены плохой сохранности. Казалось бы, стена с выступом станет надежной опорой при выявлении конструктивных частей сооружения, однако нам даже не удалось точно установить ее толщину. Южнее ниши, на уровне остатков стены, отмечена яма, заполненная рыхлым завалом, при расчистке которого мы не обнаружили отслаивающейся поверхности, внешней по отношению к стене с выступом и нишей; выяснилось только, что толщина этой стены не могла быть больше 1,3 м и меньше 0,7. При расчистке ямы раскрыли небольшой угловой участок стены, относящийся к другому, продолговатому коридорообразному помещению в середине южной части раскопа.

В средней части раскопа не обнаружено продолжения стен здания, остатки которого расчищены в восточной части. Здесь на уровне 50 см от поверхности выявлены стены другого здания, менее капитального, уровень пола которого был на 25 см выше пола у стены с выступом. Размер помещения 5 × 4 м, оно вытянуто с востока на запад. Стены пахсовые, толщиной 40 см, только под западной стеной обнаружена подкладка из сырцового кирпича в один ряд; размер кирпича 42×29×6 см. При возведении здания в восточной части использовали стену более древнего сооружения. Юго-западный угол помещения огорожен особой глинобитной стенкой, в результате чего образовалась отдельная камера размером 2 × 1,2 м с узким проемом в восточной стене.

Наслоения вскрытого помещения необычны для жилого. Пол покрыт слоем золы толщиной до 40—50 см. В небольшом угловом

помещений стены частично покрыты обожженной коркой, в наслоениях видны комки обожженной земли. Керамики в наслоениях до-

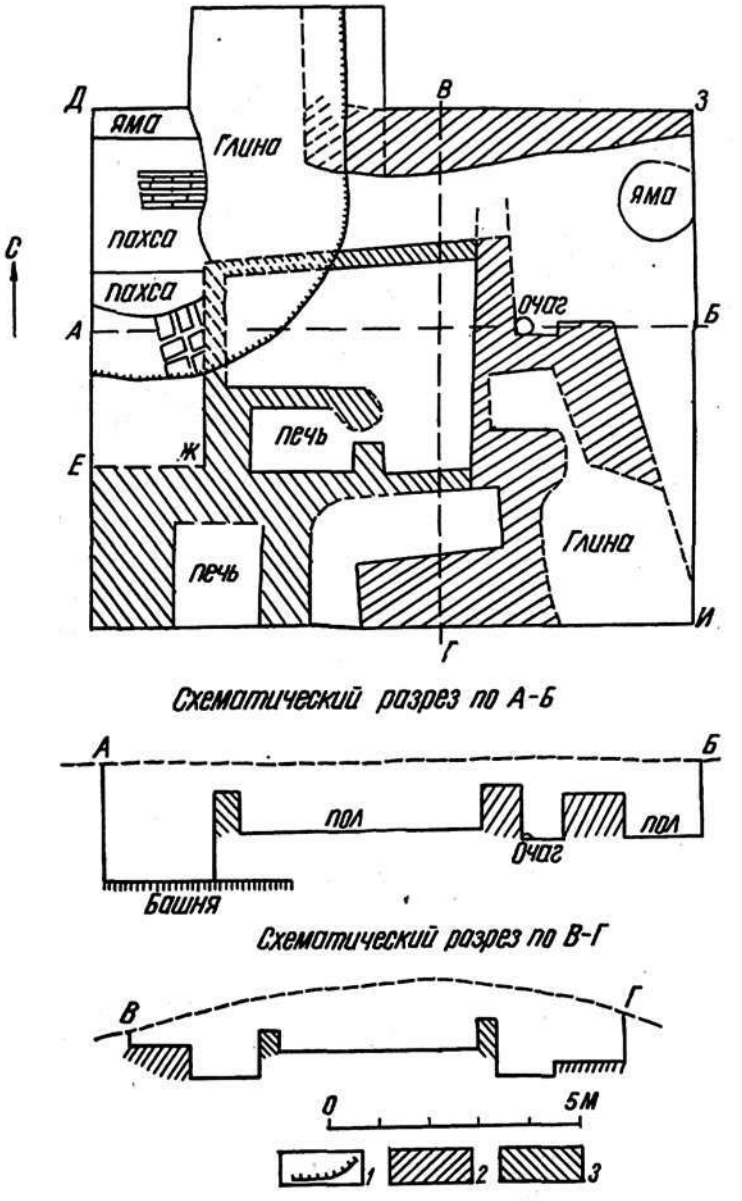


Рис. 5. Джангальтепа. План и схематические разрезы раскопа 2:

1—поверхность башни (боковая); *2*—стены второго строительного периода; *3*—стены третьего строительного периода.

вольно много, но лишь во фрагментах; явно бракованной посуды не обнаружено. Возможно, здесь обжигали посуду домашнего изготов-

ления. О производственных работах, связанных с обжигом, свидетельствует часть печи, раскрытой за южной стеной помещения. В длину печь вскрыта на 2 м, ширина ее 1,8 м. Стены печи обожжены, вся сохранившаяся (до 60 см) часть заполнена зольным завалом.

К западу от описанного помещения с золой, в пределах раскопа, обнаружен завал без конструктивных остатков. Эту западную часть раскопа и решено было углубить для исследования нижних слоев. Для расширения углубляемой площади пришлось снять западную часть помещения; ширина площади стала 4,8 м, длина 7.

Как видно из описания второго раскопа, здесь на небольшой глубине обнаружены остатки построек двух строительных периодов.

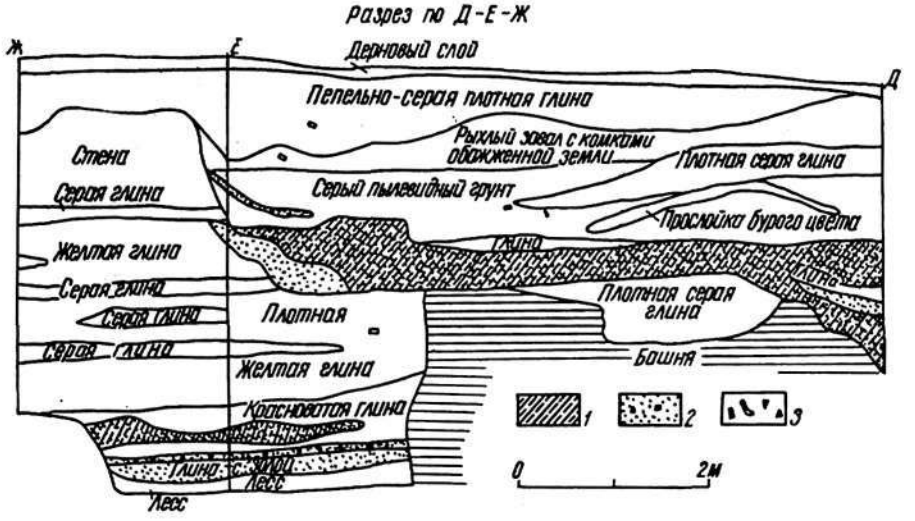


Рис. 6. Разрез к плану раскопа 2:

1—органические остатки; *2*—зола, уголь; *3*—керамика.

В верхних отложениях вдоль западной стенки раскопа открыт завал, состоящий преимущественно из серого грунта различной плотности (рис. 6, разрез по Е—Д). На глубине 120 см впервые на Джангальтепа найдена медная монета, сильно окислившаяся, позднее определенная как нахшебская[1]. Еще глубже (на 50 см) найдена вторая медная монета лучшей сохранности: еще до расчистки можно было различить характерное для нахшебских монет изображение головы, повернутой вправо. На оборотных сторонах изображения не сохранились.

На глубине 170 см, примерно соответствовавшей уровню пола у стены с выступом, обнаружен слой органических остатков с золой толщиной до 70 см, под которым и было раскрыто еще более древнее сооружение.

---

[1] Кабанов С. К. Нахшебские монеты V—VI вв. — ВДИ, 1961, № 1, с. 137—144.

В южной половине углубляемой части раскопа на глубине 225 см отмечена кладка из сырцового кирпича размером 50—55 × × 32—35 × 7—8 см. Она выложена по окружности, причем внешняя поверхность обращена к южному краю раскопа, следовательно, была вероятность обнаружить в пределах раскопа значительный сектор окружности какого-то сооружения, условно названного башней. Кладка шла в три ряда по горизонтали, причем два внешних уложены по длине — ложком — по отношению к внешней поверхности башни, один ряд перпендикулярно к ней. За кирпичной кладкой внутри башни положена очень плотная желтая пахса с красноватым оттенком, разделенная швом на два блока.

С обнаружением башни, занявшей почти всю площадку глубинной части раскопа, отпала возможность дальнейшего сплошного вскрытия наслоений до материкового лесса. Следовало только установить высоту сохранившейся части башни и выяснить ее субструкцию. Для этого в пределах глубинной части раскопа продолжали углублять место возле южной стороны башни, где от нее до южного края раскопа оставался промежуток шириной 175 см, заполненный завалом.

В верхней части шурфа открылся почти метровый слой плотной желтой глины с прослойками серой. Под слоем желтой глины найдена красноватая с прослойкой органических остатков и золой. На этом уровне открыто основание кладки башни, в высоту башня сохранилась здесь до 1,6 м. Ниже основания башни отмечены еще две тонкие рыхлые прослойки общей толщиной 2,5 см; они продолжаются и под башней, что, видимо, является признаком подбоя или следствием недостаточной выровненности площадки, подготовленной для постройки здания. Рыхлый грунт прикрывал материковый лесс равномерно желтого цвета. Толщина культурного слоя в данном месте 3,2 м.

Установлены некоторые особенности кладки башни. Поверхность башни не строго вертикальная, а слегка наклонная, расширяющаяся книзу. На расстоянии 1,6 м от основания башня сужается кверху на 22 см. Сверху сохранилось пять рядов кирпичной кладки, причем один ряд уложен по длине, другой по ширине кирпича и т. д. Ниже — почти сплошная пахса до самого основания; отмечен один слабо выделяющийся кирпичный ряд.

В пределах раскопа очертания башни выявлены полностью. Сооружение, условно названное нами башней, в плане не круглое: восточная поверхность почти плоская, переход к плоскости от круговой поверхности в южной части совершен в виде плавного закругления; в плане сооружение, видимо, было овальным. В восточной части остатки башни, включенные в стену второго строительного периода, сохранились на значительно бо́льшую (3,6 м) высоту, чем в южной. Это сооружение не входило в систему оборонительных стен, так как находилось довольно далеко от края тепа; назначение его не разгадано.

Итак, в дополнение к материалам раскопа 1 в раскопе 2 установлен еще один строительный период, представленный основанием

башнеобразного сооружения. В керамическом материале этому периоду соответствовал фрагмент кубка, не свойственного верхним наслоениям, однако эта находка не дает основания для датировки открытого сооружения и нижних наслоений памятника. Лишь позднее, во время строительных работ, был получен довольно большой комплекс керамического материала, характеризующего нижние

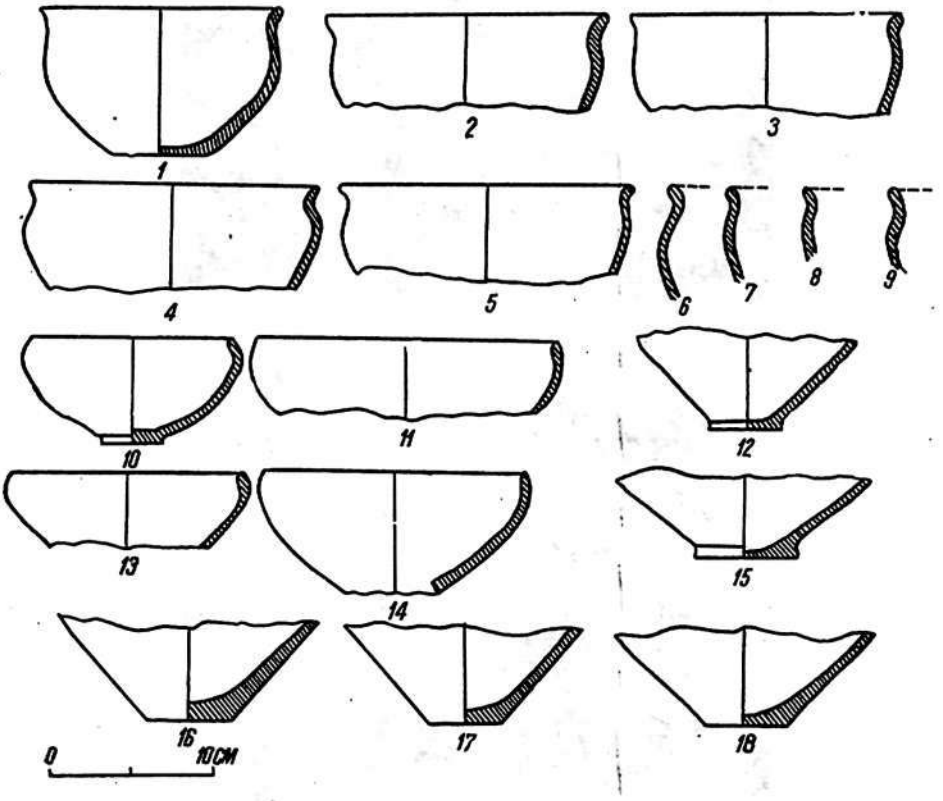


Рис. 7. Тонкостенная керамика из раскопа 2.

наслоения развалин древнего поселения. Сначала мы рассмотрим материалы раскопок в верхних наслоениях.

Керамический материал обоих раскопов довольно обильный. Изделий станковой работы примерно столько же, сколько и посуды домашнего изготовления.

Одна из наиболее характерных керамических форм в материалах верхнего слоя Джангальтепа — сосуды типа миски без поддона и с фигурным бортиком, с ложбинкой под краем устья (рис. 7, *1—9*). Сосуды тонкостенные, хорошего обжига, покрыты серым ангобом. Донце обычно узкое, стенки полого расширяются к плавно закругленному корпусу (рис. 8, *1—2*). Размеры их различны, диаметр устья 12—18 см, высота 6,3—10,5 см, большие похожи на миски, маленькие на пиалы.

Отмечены чаши на невысоком поддоне с закругленным внутрь краем бортика (рис. 7, *10—15*). Сохранившаяся почти полностью

чаша (рис. 7, *10*) из желтой глины с красноватым оттенком покрыта серым ангобом и полоской красной краски снаружи и внутри

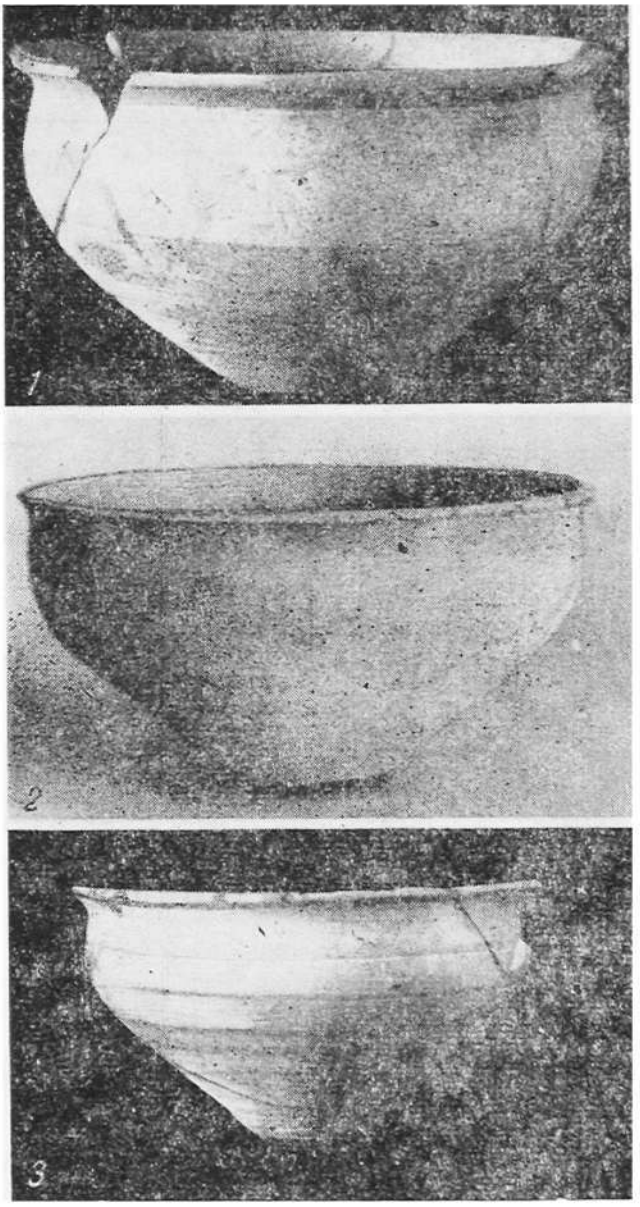


Рис. 8. Сосуды типа миски:
1–2 из Джангальтепа, *3*—из Малого Кызтепа.

около края. Высота сосуда 6 см, диаметр устья 12,3, диаметр дна 4 см. Другие чаши этого типа несколько крупнее — до 18 см в диаметре. Обычно чаши покрывались плотным красным ангобом, встре-

чался и серый раствор отмученной глины. Найден один фрагмент чаши, покрытый внутри темно-коричневой краской.

Характерны также сосуды типа чаш с узким дном, прямыми круто расширяющимися стенками и широким устьем (рис. 9, *7—9*). Обычно на сосудах этого вида резко выделяются круговые валики, образовавшиеся при изготовлении их на круге. В глиняной массе большая примесь белых частиц, видимо, раздробленного кварцита, ангоб серый. Сосуды разных размеров, высота наиболее крупного

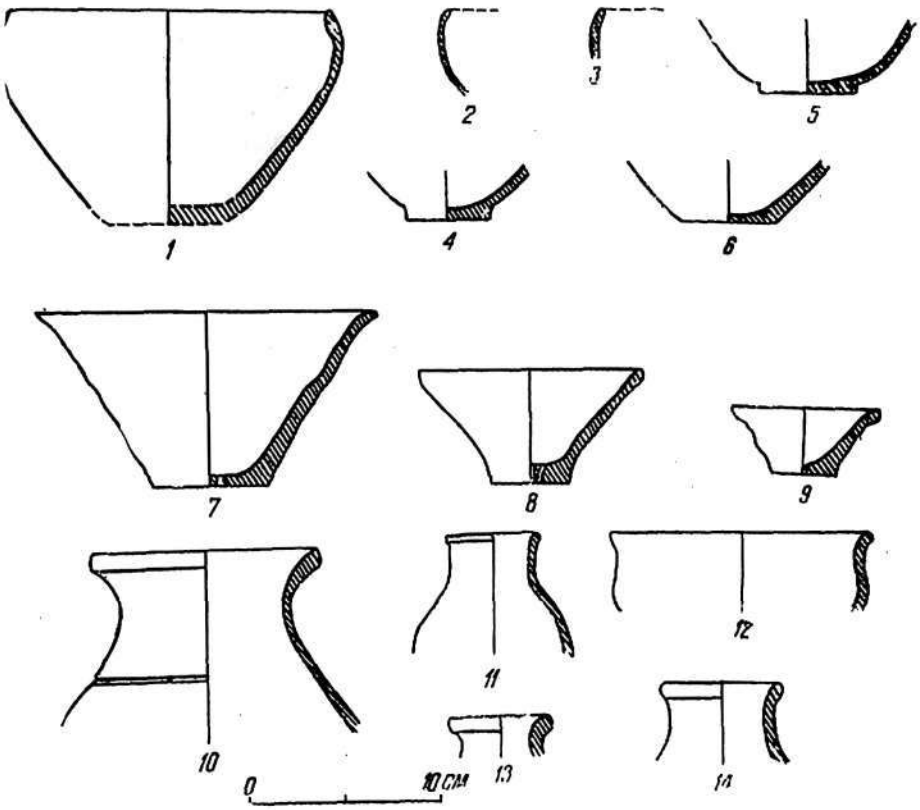


Рис. 9. Тонкостенная керамика из раскопа 1.

из них 8,5 см, диаметр устья 17,5 см; наименьшего соответственно 3,8 и 7,5 см.

Обычно на донышках этих сосудов видны следы нити, которой срезали их со станка, и отверстие (в одном случае — два), расположенное не строго в центре донышка. Большое количество находок таких сосудов свидетельствует о широком употреблении их в хозяйстве, возможно, в качестве цедилок при изготовлении молочных продуктов типа сыра или творога.

Кувшины найдены в небольших фрагментах, по которым можно восстановить только формы их верхних частей (рис. 9, *10—11*). Крупные кувшины короткогорлые, красноглиняные, покрытые белым ангобом, а в верхней части иногда украшены полосой красной

краски. Горлышки их в разрезе напоминают скобы, нижний конец которых круто опускается вниз, незаметно переходя в слабо выра-

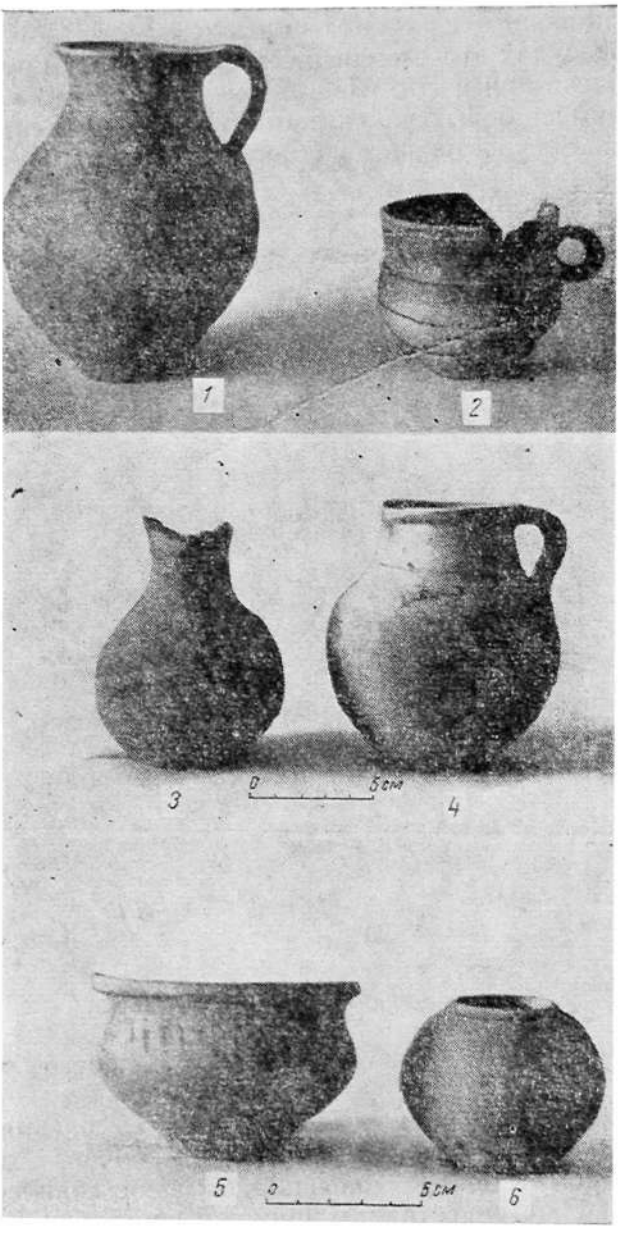


Рис. 10. Кувшины (*1*, *3—4*), сосуд типа кружки (*2*) и миниатюрные сосуды (*5—6*) из верхних наслоений.

женные плечики. Ручки сосудов пластинчатые, с хорошо выраженной ложбинкой на верхней поверхности.

Из небольших кувшинов один найден почти целый (рис. 10,*1*). Он из красной глины, снаружи и внутри покрыт серым ангобом. Донышко узкое, корпус объемистый, с плавным переходом к шейке, также плавно переходящей в профилированный наружу венчик. Ручка пластинчатая, в виде скобы, верхним концом прикрепленная к венчику, нижним—к расширенной части корпуса. Высота сосуда 16,5 см, диаметр устья 7,5. Отмечены небольшие кувшины и других форм (рис. 10, *3—4*). Найдены небольшие сосуды и других видов: почти целая кружка с широким устьем, прямым бортиком, чашевидным корпусом и пластинчатой ручкой в виде колечка

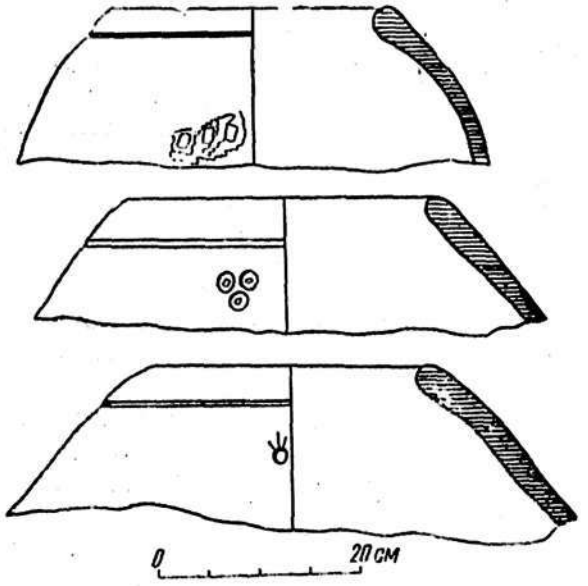


Рис. 11. Хумы со знаками из верхних наслоений.

(рис. 10, *2*). Снаружи верхняя часть сосуда покрыта красным ангобом. Характерны миниатюрные сосуды в виде кувшинчиков, горшочков, мисочек (рис. 10, *5—6*), изготовленных в хорошей гончарной технике.

В большом количестве встречались обломки крупных сосудов станковой работы: плечики некоторых из них украшены волнистыми линиями. На обломках наиболее крупных сосудов (хумы) отмечено три знака (рис. 11): один в виде трех прямоугольных вдавлений, второй в виде трех кружков, третий в виде кружка с отведенными вверх тремя короткими линиями. Хумы изготовлялись на станке и подправлялись рукой. Все они без горловины, с круто загнутой внутрь верхней частью корпуса, с еле намеченным неглубокой ложбинкой венчиком.

. Как уже указывалось, примерно половину всего керамического материала составляли обломки посуды лепной работы, преимущественно котлов или котлообразных сосудов. Котлы лепились из глины с очень большой примесью шамота (толченая керамика), сверху

обычно покрывались серым ангобом, встречались и без ангоба. В изломе часто видно два слоя: внешний — красный, внутренний—черный или серый, что свидетельствует о неравномерности обжига. Наиболее часто встречаются обломки котлов с широким устьем, слегка расширяющимися стенками корпуса и обычно с небольшим плоским дном. Иногда попадаются и широкодонные сосуды с сужающимися кверху стенками. Формы венчиков крупных сосудов весьма разнообразны — от круто вогнутых до отогнутых. Ручки также различны: в виде пластинчатых и круглых в сечении выступов дугообразных налепов, имеющих, возможно, только декоративное значение, есть и проушные ручки.

Сосуды ручной лепки весьма разнообразны по назначению и форме: найдены сосуды типа сковород с довольно высоким бортиком, круглодонные сосуды типа пиал, одна из них на трех ножках, миниатюрный сосуд на поддоне, стержни высоких чаш (курильниц?).

Обнаружен почти целый довольно слабо и неравномерно обожженный сосуд с широком дном, чуть расширяющимся кверху корпусом и слегка суженным устьем. Дно и прилегающие стенки взяты от старого сосуда; эту основу снаружи и внутри обложили слоем глины, затем образовавшуюся более толстую стенку наращивали до придания сосуду законченной формы (рис. 12). В верхней части корпуса сделаны четыре пластинчатые ручки. Сосуд слеплен очень грубо; он асимметричен, окружность дна неправильная, края устья неровные. Высота сосуда 11,4 см, диаметр 8,5, диаметр дна 10 см. Способ ручной лепки сосуда с использованием готового дна известен и по этнографическим данным[2].

Довольно часто встречались крышки котлов без орнамента или с орнаментом в виде точечных углублений или волнистых линий (вдавления), нанесенных закругленной палочкой. Найдена крышка, украшенная шиповидными налепами (рис. 13, вверху слева); такое украшение встречали в целом ряде памятников Каршинского оазиса, чаще всего на сосудах иного вида — курильницах[3].

Одна из своеобразных керамических форм — изделия типа чирагов-светильников; это небольшой овальный резервуар шириной до 8 см, с прямыми бортиками высотой до 4 см; ручка в виде горизонтального стержня с выступом на конце (рис. 13), иногда в виде небольшого пластинчатого выступа.

В отличие от Аултепа, где найдены лишь две очажные подставки, в наслоениях Джангальтепа эти предметы встречались очень часто. Они лепились из глины с примесью шамота, обжигались уже в процессе использования, поэтому очень неравномерно; изделия не прочны. Все подставки пластинчатые, но одинаковых или парных не отмечено: они различаются и размерами и формой (рис. 14, *1*). У основания они обычно овальные, иногда встречаются почти

[2] Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 28—29.

[3] Кабанов С. К. Нахшеб..., рис. 11, *3*.

круглые и подпрямоугольные, с закругленными углами, вершина их в виде узкого ребра.

Высота подставок примерно равна ширине и обычно колеблется в пределах 12—15,5 см. Найдена одна миниатюрная, возможно, игрушечная подставка, вдвое меньше обычных.

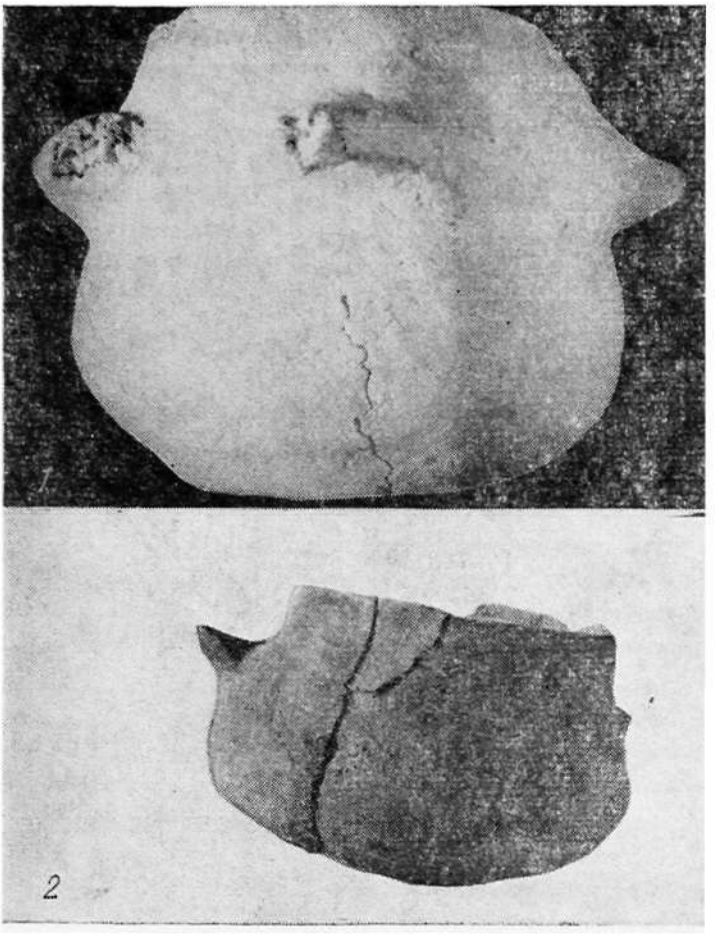


Рис. 12. Сосуды лепной работы из верхних наслоений.

Описываемые очажные подставки всегда с округлыми вдавлениями у оснований их лицевых сторон. Вдавления наносились до обжига затупленным, видимо, деревянным острием, довольно небрежно, прямо и вкось по отношению к поверхности; они различной глубины, иногда виден только след острия, иногда встречаются сквозные отверстия. Вдавления наносились с обеих сторон, чаще всего по два, причем на одной стороне расположены рядом, на другой — наискось по отношению друг к другу; чаще всего в середине подставки, на одной из них около краев. Встречаются не только парные, но и одиночные и тройные вдавления, причем на одной стороне может быть три вдавления, на другой два. Почти на всех

подставках заметны явные признаки воздействия огня (в виде копоти или обожженных пятен). Можно считать установленным, что их использовали в качестве подставок для вертелов[4], причем стержни с мясом клали на ребро подставки или вставляли в углубления на плоскостях.

Из производственного инвентаря найдены пирамидальные подвески — грузики для вертикального ткацкого станка (рис .14, *2*), примерно такие же, как и из наслоений Аултепа (рис. 14, *3*).

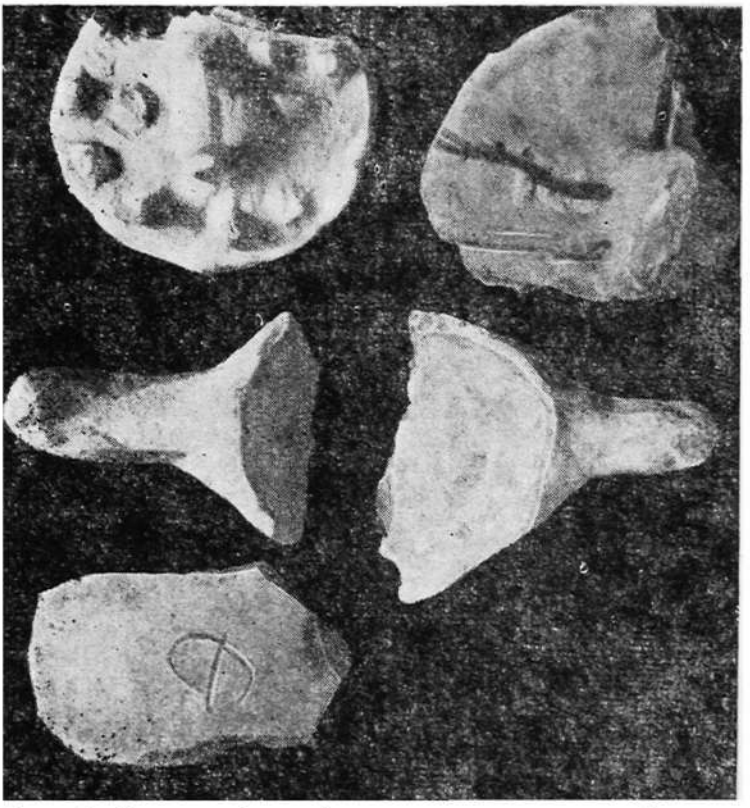


Рис. 13. Крышки (вверху) и светильники; внизу—фрагмент сосуда со знаком.

Важное место в призводственно-бытовом инвентаре, несомненно, занимали изделия из камня. Найден довольно крупный нижний камень ручного жернова диаметром 40 и толщиной 10 см. Камень из крупнозернистого гранита, с ровной верхней поверхностью. Встречены шестигранные каменные терки, преимущественно из глинистых сланцев, одна из сиенита, другая из гранита, в виде диска. Обычно в терках две сильно заглаженных рабочих поверхности с отчетливо выраженными гранями. Остальные грани выражены слабо или не видны, отчего вместо шестигранника получается утолщен-

[4] Григорьев В. Г. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, с. 8.

ный диск. Длина граней терок 4—6 см. Из глинистых сланцев изготовлены точила для ножей.

В двух разведочных раскопах на Джангальтепа выявлен довольно большой комплекс материалов, характеризующий культуру верхних наслоений памятника. Их дополняют находки, собранные при археологических наблюдениях во время разборки тепе. К ним относятся чаши, покрытые красным ангобом (рис. 15, *1—3*); похожие чаши найдены и в раскопах. Обнаружен почти целый сосуд типа кринки (рис. 15, *4*) из розовой глины, снаружи покрытый

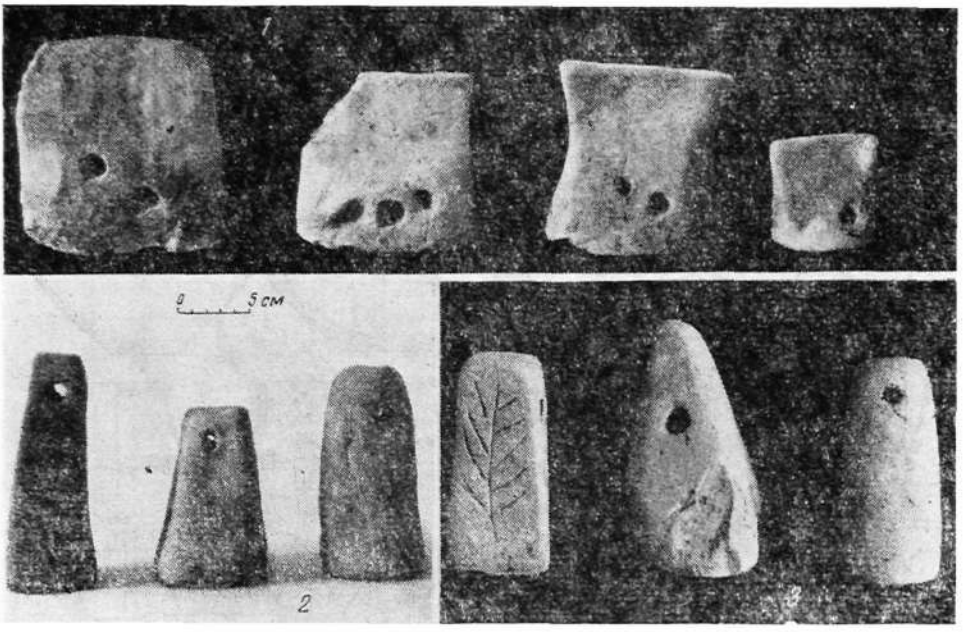


Рис. 14. Очажные подставки из раскопа 2 (*1*), подвески для ткацкого станка из Джангальтепа (*2*) и Аултепа (*3*).

тонким слоем серого ангоба, а сверху, у устья, снаружи и внутри еще полоской красного ангоба. Дно небольшое, корпус объемистый, стенки в виде скоб, широкое устье обрамлено профилированным наружу венчиком. Высота сосуда 13,7 см, диаметр корпуса 13,5 см. По плечикам проведена орнаментальная полоса в виде волнистой линии и над ней ряд мелких насечек. Следует отметить, что наиболее характерным орнаментом для сосудов комплекса Джангальтепа является именно полоска из одной или двух круговых волнистых или зигзагообразных линий в сочетании с круговым рядом насечек между этими линиями или над верхней из них.

Пополнилась коллекция сосудов типа кувшинов. Как уже указывалось, для комплекса Джангальтепа характерны кувшины с короткой, плавно расширяющейся книзу шейкой (рис. 15, *6—7*). К типу кувшинов можно отнести узкогорлый сосуд с короткой шейкой и

объемистым корпусом (рис. 15, *8*); под шейкой — миниатюрные ушки, декоративные или для подвешивания и орнаментальная полоска из волнистой линии и ряда насечек. Сосуд из розовой глины, сверху покрыт плотным красным ангобом.

На станке изготовляются в хорошей гончарной технике и очень небольшие и даже миниатюрные сосуды; некоторые из них найдены в хорошей сохранности. Характерна форма сосудика в виде миски с

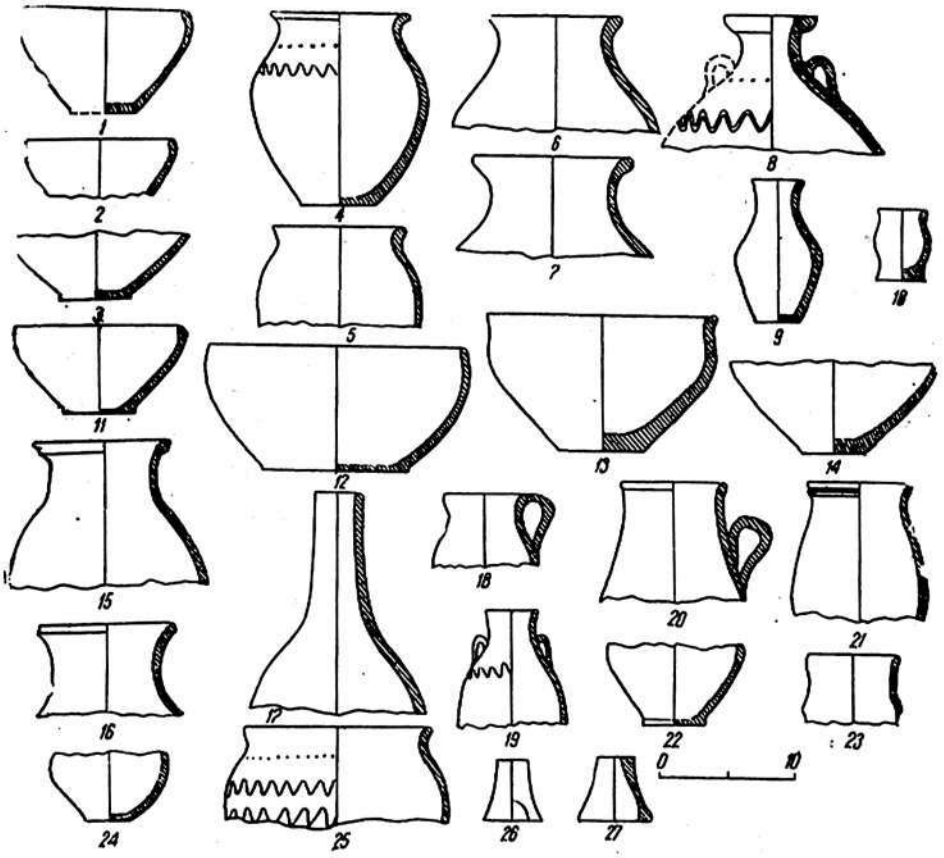


Рис. 15. Тонкостенная керамика:

1–10—из верхних наслоений; *11–27*—из нижних.

фигурным бортиком и отогнутым венчиком (рис. 10, *5*); сосудик из хорошо промешанной и обожженной глины, сверху покрыт белым ангобом, по венчику и бортику проведена полоска красной краски с потеками. Высота сосуда 6 см, диаметр устья 10, диаметр дна 4 см. Второй сосудик — сфероидальной формы (рис. 10,*6*) со срезами для дна и устья, обрамленного валиком. Высота сосудика 6,5 м, диаметр корпуса 7,2, диаметр дна и устья по 3,5 см.

Миниатюрные сосудики станковой и лепной работы встречались нам в некоторых памятниках Каршинского оазиса, например, в на-

слоениях Мудинтепа[5]. Назначение их не установлено, возможно, они предназначались для хранения разных пищевых специй и парфюмерии или изготовлялись как детские игрушки. В одном из миниатюрных сосудов обнаружена желтая краска (охра?).

Среди крупных керамических форм можно различить три основных вида. Прежде всего это сосуды с широким корпусом (диаметр 35—40 см) и суженным устьем (рис. 16, *1,2*) диаметром до 20 см.

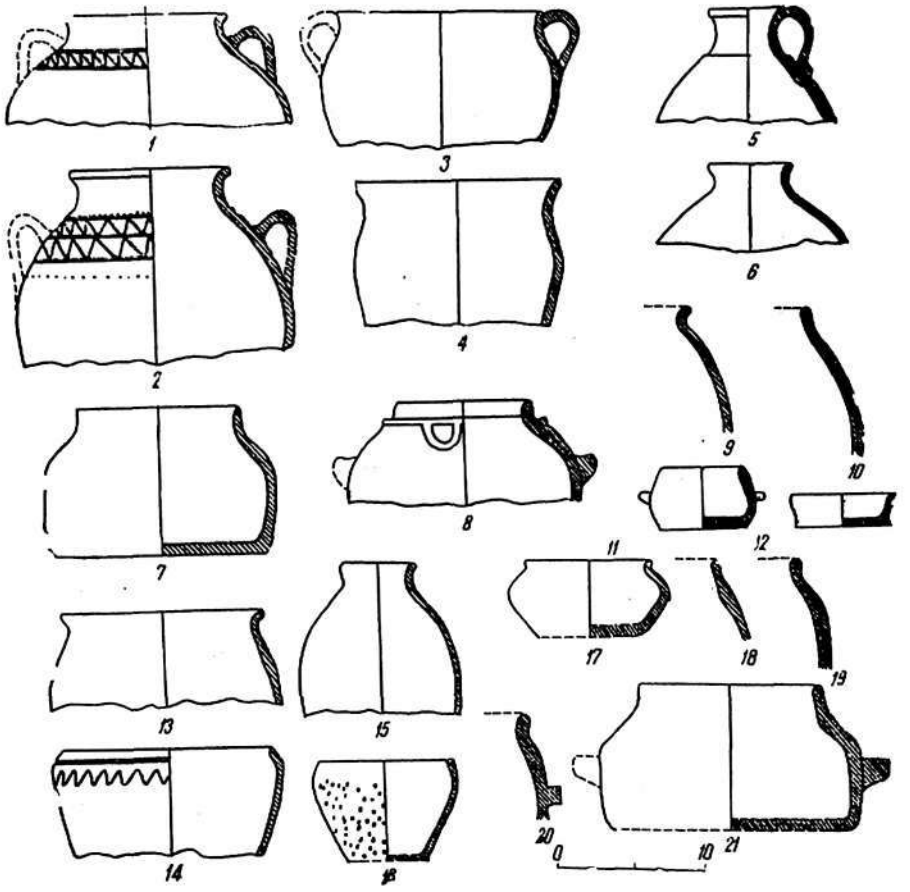


Рис. 16. Толстостенная керамика:
1—12—из верхних наслоений; *13—21*—из нижних.

На плечиках часто нанесен орнамент в виде поясков волнистых линий с круговыми рядами насечек в различных сочетаниях по отношению к ним. Сосуды хорошего обжига, покрыты красным или серым ангобом. Обычно такие сосуды снабжены пластинчатыми ручками в виде ушек, а иногда и отверстиями под венчиком для подвешивания, несмотря на крупные размеры.

---

[5] Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II. Ташкент, 1950, с. 99.

Для Джангальтепа весьма характерны и сосуды с широким устьем, по ширине почти равным корпусу, с фигурными, слабо изогнутыми, стенками (рис. 16, *3,4*); обычно снаружи такие сосуды покрывались серым ангобом. По-видимому, в них готовили тесто.

Отметим толстостенный (до 1 см) кувшинообразный сосуд с изящным, как бы выточенным горлышком, отделенным от тулова неширокой ступенькой (рис. 16, *5*).

Из керамики лепной работы наиболее часто встречались фрагменты котлов, причем полностью удалось восстановить форму лишь одного из них (рис. 16, *7*). Котел из глиняной массы розового цвета с большой примесью шамота. Дно плоское, диаметром 28 см, внизу стенки почти вертикальные, вверху слегка суженные, образующие слабо выраженные плечи. Широкое устье обрамлено вертикально поставленным бортиком. Высота сосуда 20 см, диаметр устья 22 см.

В крупных фрагментах встретился другой котел (рис. 16, *8*), очень толстостенный (до 2 см), из розовой глины, как обычно, с большой примесью шамота; снаружи и внутри покрыт серым ангобом. Особенность данного сосуда — наличие декоративного валика под вертикально поставленным бортиком устья сосуда, причем под круговым валиком в двух фрагментах отмечены еще налепы в виде полуколечек, верхними концами примыкающие к валику. Подобный способ украшения глиняного котла, возможно,— имитация ручек металлических котлов. Ручки описанного котла — в виде круглого выступа.

Другие котлы найдены лишь в относительно небольших фрагментах (рис. 16, *9, 10*). Размеры их приближаются к описанному, а отличаются они лишь формой венчика, отогнутого или слегка загнутого в различных вариантах. Обнаружены ручки котлов в виде пластинок с раздвоенным концом, валиков, изогнутых дугами концами вниз. Крышки к котлам и другим сосудам — это разных размеров диски из глины с пластинчатой ручкой в середине.

Почти все сосуды плоскодонные, изредка встречались и с закругленным дном, один из них найден почти целым (рис. 12, *2*). Сосуд из розовой глины с примесью шамота, неравномерного обжига, снаружи и внутри покрыт серым ангобом. Дно полусферическое, неустойчивое, корпус слегка сужается к верху, устье обрамлено почти вертикальным бортиком; ручки пластинчатые. Никакого признака воздействия огня на сосуд не отмечено; видимо, это был котел, не бывший в употреблении. Высота сосуда 11 см, диаметр корпуса 18, устья 14 см.

Пополнилась коллекция светильников; один из них взят почти целым, кроме отломанной ручки. Светильник представляет собой плоский сосуд, овальный, длиной 12,5 см, высотой 3,5 см. Резервуар образован бортиком высотой 2 см, на дне сосуда — следы воздействия огня. Ни в одном из светильников не отмечены носики для фитиля. Очень похожий светильник найден в слое Каунчи II[6].

---

[6] Григорьев В. Г. Указ. соч., с. 26, рис. 34.

Раскоп в нижних наслоениях памятника. Итак, в результате раскопок в верхних наслоениях получен большой комплекс археологических материалов, в некоторой мере характеризующий особенности материальной культуры общества в последний период обживания этого поселения. Оставался открытым вопрос о времени его возникновения. Материалы к решению этого вопроса были получены лишь во время разборки тепе. После снятия грунта на глубину до 4 м (половина из этой толщи изрыта поздним кладбищем) был заложен небольшой раскоп (рис. 3, раскоп 3), в котором расчистили часть одного из зданий периода основания поселения. О времени строительства здания свидетельствует то обстоятельство, что оно построено непосредственно на материковом лессе.

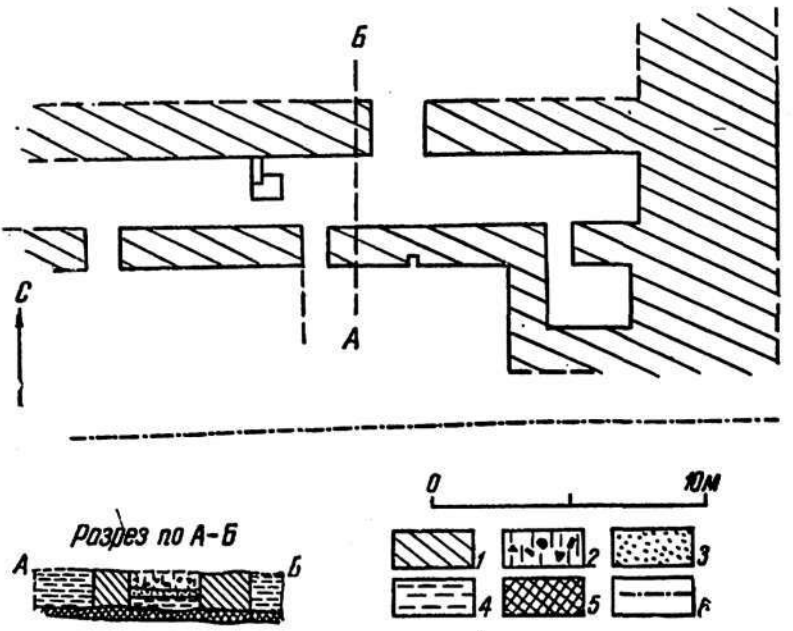


Рис. 17. Джангальтепа. План и разрез раскопа 3:

1—глинобитные стены; *2*—завал с керамикой; *3*—зола; *4*—завал из желтой глины; *5*—материковый лесс; *6*—линия выклинивания.

На расчищенном участке, вблизи северного края тепа, вскрыт коридор на протяжении 21 м, в направлении с востока на запад, и два помещения, расположенные к югу от него, одно из них расчищено полностью, второе частично (рис. 17). Стены глинобитные, в высоту сохранились до 1,4 м. В центральной части коридора, в завале, обнаружен фрагмент кладки из сырцового кирпича, не связанный со стенами, видимо, упавший сверху во время разрушения здания. Размер кирпича в кладке 54 х 32 х 7 см, такой же, как и в башне из раскопа 2. Ширина коридора 245 см, толщина северной стены 195, южной 145—155 см. С северной стороны вскрытого участка коридора обнаружен лишь один проем шириной 190 см, видимо, ведший во двор, так как в 5 м севернее стены найдена

большая мусорная яма. В южной стене коридора на этом же отрезке оказалось три проема, два из них шириной 95 см, один (западный) 138 см; все они вели в помещения.

Коридор заполнен завалом в основном из глины, с прослойками органических остатков, золы и фрагментами керамики. Наиболее интересен по характеру отложений и составу находок завал, заполнивший восточную часть коридора, особенно на отрезке между входами в помещение. Под слоем глины с керамикой толщиной 60 см выявлен слой золы почти без находок, лежащий на завале из глины толщиной 60 см,под которой обнаружен пол коридора, почти совпадающий с поверхностью материкового лесса.

Как уже указывалось, полностью было раскрыто только одно помещение, вход в которое находился в восточной части коридора. Помещение оказалось небольшим — 314×232 см, вытянутое с запада на восток. В верхней половине заполнявших его наслоений найден завал из глины с примесью керамики; на полу лежал слой толщиной 50—60 см, состоявший из золы и перегоревшей земли темно-бурого цвета.

Второе помещение, расположенное западнее первого, полностью оконтурить не удалось. Раскрыта только поверхность северной стены помещения, к востоку от проема, соединявшего его с коридором; длина стены 6,5 м, почти в середине ее над полом обнаружена небольшая (25×25 см) ниша.

С востока коридор ограничен капитальной глинобитной стеной толщиной 5,25 м; за стеной отмечены рыхлые завалы. Возможно, что в первый период существования поселения эта стена окружала его, в дальнейшем же стена разрушилась. В западном конце коридора его стены прослеживались еще на 10—15 м; по-видимому, коридор был проложен вдоль всего южного края поселения.

Инвентарь коридора с прилегающими помещениями и двором однороден, поэтому мы его можем рассмотреть в целом как комплекс нижнего, наиболее древнего слоя Джангальтепа. Значительное место здесь занимает тонкостенная керамика станковой работы, по облику мало чем отличающаяся от соответствующих видов керамики верхних слоев. Прежде всего, примечательны чаши хорошего обжига, красной глины, покрытые красным же ангобом; правда встретился и один фрагмент с темно-коричневым, почти черным, ангобом. Эти чаши на невысоком поддоне, с полого расширяющимся кверху корпусом, слегка загнутым у края устья (рис. 18, *1—2*). По форме они несколько приземистее чаш верхних слоев; высота их около 7 см, диаметр устья 12—14 см. Встретилась и более крупная чаша этого вида (рис. 18, *3*): высота ее 9 см, диаметр устья 19,3 см.

Из серой глины с небольшой примесью кварцитовых (?) включений изготовлены уже знакомые нам сосуды типа чаш с фигурным бортиком, обычных и для верхних наслоений. Экземпляры, найденные в комплексе коридора, отличаются меньшей изогнутостью бортика и более узким дном (рис. 15, *13, 14*).

Чаши с отверстием в середине дна (цедилки) из комплекса коридора не отличались от сосудов этого вида из верхних слоев, только встречались они реже; размер цедилок из нижних слоев тепе

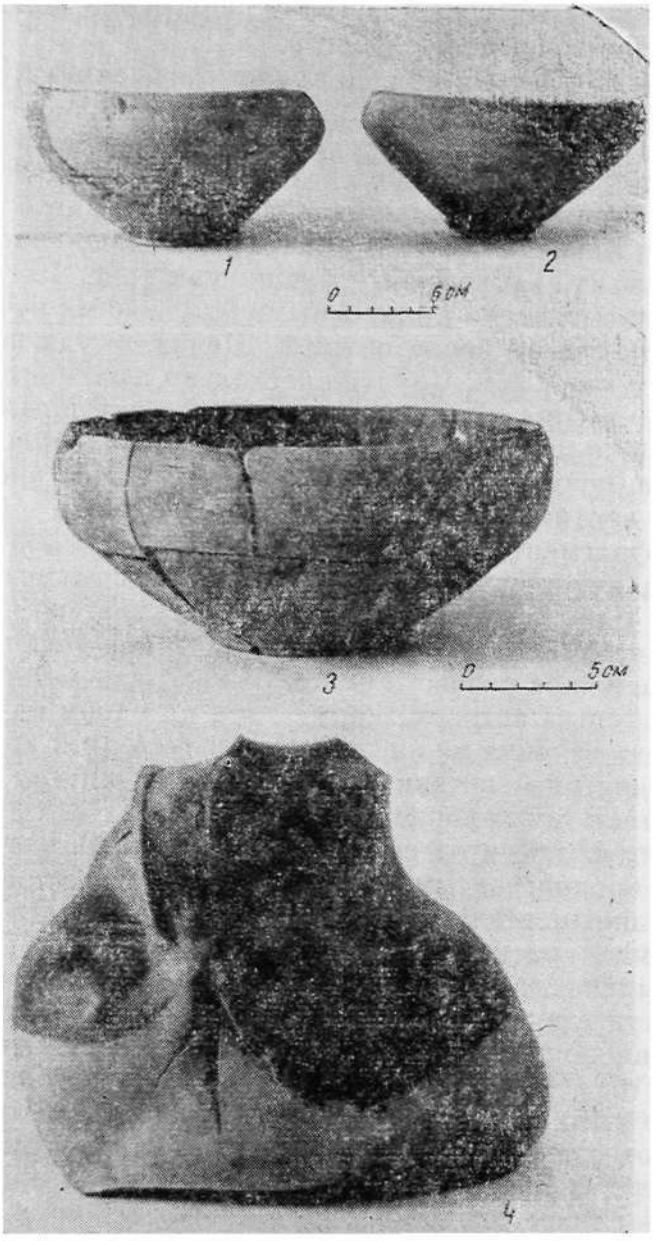


Рис. 18. Чаши (*1—3*) и фрагмент кувшина (*4*) из нижних наслоений.

7—23 см в диаметре устья. Кувшины отмечались лишь в мелких фрагментах, существенных особенностей не подмечено, все они такие же, как и сосуды этого типа из верхнего слоя; правда, венчики

кувшинов из нижнего слоя профилированы без плавных закруглений, несколько угловато; кроме того, чаще использовался красный ангоб.

Встретился фрагмент узкогорлого сосуда (рис. 15, *17*) из розовой глины, покрытый серым ангобом. Примерно половину окружности горлышка покрывает алебастр.

В угловом помещении найден крупный фрагмент кувшинообразного сосуда с врезанной после обжига стрелкой под ручкой (рис. 18, *4*). Сосуд с довольно широким горлышком и шаровидным корпусом. Обжиг неравномерный, срез местами светло-желтый, местами розовый, причем сквозь тончайший белый ангоб просвечивает цвет черепка. Верхняя часть сосуда покрыта ярко-красной краской. Другой фрагмент — узкогорлый кувшинчик (рис. 15, *19*), характерен удлиненным туловом и проушными маленькими ручками на плечиках. Венчик срезан после обжига. Шейка сосуда покрыта красной краской с потеками. Найдено несколько фрагментов тонкостенных сосудов весьма характерных форм, с фигурными стенками. Один из них — с постепенно сужающимся в верхней части туловом без плечиков, почти прямым, с маленькой ручкой (рис. 15, *20, 21*), другой — с вертикальным кольцевым бортиком (рис. 15, *23*). Обнаружен фрагмент сосуда с поддоном (рис. 15, *22*) от одного из сосудов типа кувшинчика; это единственный фрагмент сосуда (не считая чаш) с поддоном в комплексе Джангальтепа. Сосуды данной группы изготовлены в хорошей гончарной технике, глина — различных оттенков розового цвета, обжиг равномерный. Все сосуды покрыты серым ангобом; кроме того, на одном из них (сосуд с ручкой) вдоль венчика видна полоска полустертой красной краски снаружи, а внутри — потеки этой же краски; внутри чашевидного сосуда — потеки темно-коричневой краски.

Из мелких фрагментов склеена значительная часть узкогорлого сосуда с продолговатым в срезе корпусом (рис. 16, *15*). Сосуд из красной глины с примесью включений белого цвета (кварцита?), покрыт плотным красным ангобом.

Из керамики станковой работы отметим еще весьма оригинальный сосуд в виде чаши с плоским дном без поддона, прямыми, полого расширяющимися вверх стенками и чуть загнутыми краями устья (рис. 16, *16*). Форма сосуда несколько необычна, но еще необычнее то, что все дно и весь корпус усеяны в беспорядке нанесенными отверстиями диаметром 3 мм; отверстия нанесены острием изнутри сосуда до обжига, каждое из них приходится примерно на 1—1,5 см площади дна и стенок. Снаружи каждое отверстие окружено валиком. Кажется несомненным, что подобный сосуд мог применяться только для процеживания жидкостей. Высота сосуда 13,4 см, диаметр дна 10,5, диаметр устья 17,4 см. Сосуд из светло-желтой глины, хорошего обжига, снаружи покрыт розовым ангобом, а край устья еще и полоской коричневой краски. При раскопах в Пенджикенте также встретились обломки сосудов

с отверстиями в стенках и донышке, причем отверстия такого же размера[7].

Керамика лепной работы комплекса коридора почти вся в мелких фрагментах, поэтому восстановить особенности многих керамических форм невозможно. Глина для изделий домашней работы всегда с большой примесью шамота, обжиг иногда неравномерный. Снаружи и внутри сосуды покрыты ангобом, сквозь который обычно видны бугорки от толченой керамики. Полностью восстановлена форма только одного небольшого котла с полуовальными в срезе невысокими стенками, образующими объемистый корпус (рис. 16, *17*). Высота котла 10 см, диаметр устья 16 см. От более крупных котлов найдены лишь фрагменты, не дающие возможности с уверенностью восстановить их форму; это сосуды со слабо выраженными венчиком и плечиками (рис. 16, *18—20*). По-видимому, они похожи на сосуды этого вида из верхнего слоя (рис. 16, *7, 8*) и на найденный в нижнем слое, но вне комплекса коридора котел (в фрагменте) со стенками толщиной около 2 см. Особенность этого последнего котла — относительно хорошо выраженные плечики (рис. 16, *21*); стенка корпуса почти вертикальная, дно несомненно плоское, ручка в виде пластинчатого выступа с раздвоенным концом.

В наслоениях коридора почти целыми взяты три очажные подставки, из них две — такие же, как описанные выше из верхних наслоений. Третья очажная подставка сильно отличается от всех ранее найденных изделий этого вида не только на Джангальтепа, но и в Каршинском оазисе. Высота подставки 13 см, ширина 28, т. е. примерно в два раза шире обычных подставок, толщина основания 10,4, вершины 2,5 см. Глина хорошего обжига, красного цвета, ангоб серый.

Кроме необычных размеров, данная подставка отличается еще и особой обработкой верхних углов, каждый в виде головы барана с тремя пластинчатыми накладками. Одна из них положена поверх вершины в виде гребня, две других ниже, наискось по отношению к верхней (рис. 19,*1*). Нижние накладки сохранились частично, лишь по оставшемуся следу видно, что они закручены вниз незамкнутым овалом, в виде рогов барана. Впереди овала накладки пластинчатый налеп, изображающий ухо барана. Определенным элементом условности является наличие узких длинных гребней, занимающих почти всю верхнюю площадку, оставляя свободной лишь середину. В середине каждой из боковых поверхностей у основания сделано по два относительно неглубоких вдавления, из них на одной стороне наискось по отношению друг к другу, на второй — рядом. Подставка долго стояла на горячей поверхности очага, о чем свидетельствует почернение всей ее нижней части на высоту до 2,5 см.

---

[7] Бентович И. Б. Керамика Пенджикента. — МИА, 37. М.—Л., 1953, с. 142.

Г. В. Григорьев на Каунчитепа находил обломки очажных подставок с изображениями голов барана; он попытался реконструировать такую подставку[8], в основных чертах очень напоминающую нашу. Вероятно, такие подставки не были предметами

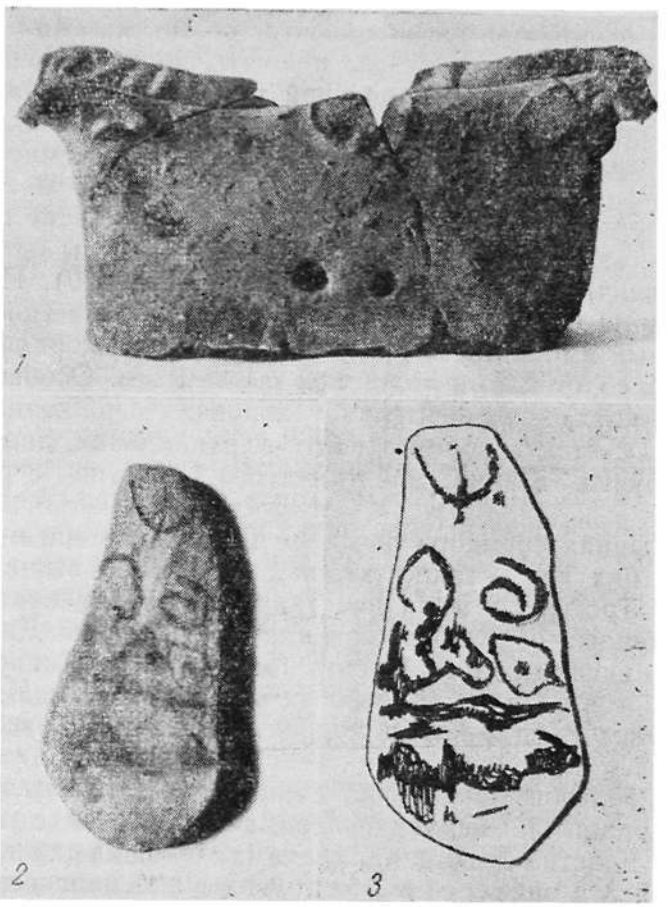


Рис. 19. Очажная подставка с зооморфными изображениями (*1*); магические знаки (?) на гальке (*2*, *3*) (фотография и прорисовка).

обихода: следует согласиться с интерпретацией Г. В. Григорьева подобных подставок, как предметов культа, связанных с пережитками тотемизма[9]. Возможно даже, что в промежутки между гребнями клали концы палочки, на которой жарили мясо, однако в данном случае это действие могло иметь лишь символическое значение.

[8] Григорьев Г. В. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, с. 24.

[9] Там же, с. 26.

В том же завале, где обнаружены фрагменты описанной подставки, найдена и обыкновенная галька длиной 6,8 см, слегка суженная к одному краю и расширенная к другому. На ровной поверхности этой гальки красной краской (охра?) нанесены знаки (рис. 19, 2). М. Е. Массон полагает, что они имели магическое значение.

Рис 20. Курильницы:

1–3–из верхних наслоений; *4–6*–из нижних.

Закончим описание комплекса коридора рассмотрением чашикурильницы на высоком стержне и всех находок этого вида, сделанных нами на Джангальтепа.

Курильница (рис. 20, 6) из светло-розовой глины, с большой примесью шамота, сверху покрыта белым ангобом. Рабочая часть сосуда — с плоским дном и наклонно поставленными, почти без закругления стенками. Основание — в виде опрокинутой вниз такой же по форме чаши меньших размеров. Стержень невысокий,

поверх его — декоративный круговой налепной валик с нанесенными острием вдавлениями, от которого вверх отведены еще четыре радиальных валика (также с точечными вдавлениями). Валики делят поверхность сосуда на четыре сектора; в каждом из них по три шиповидных налепа, расположенных в виде треугольников. Как уже указывалось, чаши с подобным шиповидным орнаментом мы находили на ряде памятников Каршинского оазиса, лучше всего сохранилась чаша из Мудинтепа[10], найденная в наслоениях III—V вв. Высота описываемой курильницы 14 см, диаметр устья 12 см. Вне коридора, но на его уровне обнаружены в относительно хорошей сохранности еще две курильницы на стержне, слепленные более грубо (рис. 20, *4*, *5*).

В верхнем слое две курильницы на стержне сохранились почти полностью, одна из них на массивном коническом стержне, на вершине украшенном накладным круговым валиком (рис. 20, *2*). Рабочая часть сосуда — с широким устьем, закругленными стенками и плоским дном. Высота сосуда 16,5 см, диаметр устья 12 см. Вторая курильница из верхних слоев слеплена очень грубо, так что даже центры стержня и рабочей части явно не совпадают. Стержень конический, чаша с плоским дном и наклонно поставленными прямыми стенками (рис. 20, *3*). Обломки курильниц встречались довольно часто; мы отметим лишь один, который относится именно к этому виду изделия. Речь идет о стержне сосуда, не массивного, как обычно, а полого внутри, с ажурными, искусно вылепленными стенками, с тремя ярусами арочных, овальных и бойницевидных вырезов (рис. 20, *1*). К сожалению, найти верхнюю часть этой курильницы не удалось; в этом случае мы, несомненно, имели бы шедевр лепной техники.

Почти все описанные курильницы носят следы воздействия огня, чем подтверждается их назначение. Курильницы из Джангальтепа, как мы увидим ниже, сильно отличаются от сосудов этого типа из Аултепа обликом и в большинстве случаев техникой изготовления: преимущественно это сосуды грубой лепки, однако лучшие из них, как сосуд из комплекса коридора, поражают своеобразием декоративной обработки.

Курильницы широко применялись в обиходе земледельческого населения Кеша и Нахшеба в III—VI вв., о чем свидетельствуют частые их находки на многих городищах. Это были домашние жертвенники, в них совершалось ритуальное воскуривание ароматических трав в связи с окончанием или началом важных хозяйственных мероприятий для обеспечения их успеха[11]. Предполагается, что шиповидные налепы на сосудах этого вида служили в качестве оберегов[12].

---

[10] Кабанов С. К. Нахшеб..., рис. 11, *3*.

[11] Кабанов С. К. Раскопки сельского поселения III—V вв. н. э. близ Каршн.—СА, 1978, № 1, с. 189—190.

[12] Исамиддинов М., Сулейманов Р. Х. Комплекс ритуально-культовой керамики IV—V вв. из Южного Согда.—ИМКУ, вып. 13. Ташкент, 1977, с. 69.

Из раскопа, заложенного при ведении строительных работ, получен основной материал для характеристики нижнего слоя памятника. Некоторые дополнительные данные из нижнего слоя получены при наблюдениях непосредственно над строительными работами, при разборке тепе.

Почти целыми взяты два кувшинчика станковой работы. Один из них с шаровидным корпусом, крутыми плечиками, широким горлышком и сильно профилированным наружу венчиком (рис. 21, *1*). Под горлышком — две миниатюрные ручки для шнура. Сосуд из желтой глины слабого обжига, в верхней части, внутри и снаружи покрыт темно-коричневым ангобом. На плечиках орнамент в виде круговой волнистой линии. Из-за рыхлости черепка ангоб сохранился лишь частично. Высота сосуда 12 см, диаметр устья 8 см. Второй кувшинчик более крупный, из желтой глины, почти весь, кроме донной части снаружи, покрыт плотным ангобом. Корпус приближается к шаровидной форме, но сужение в донной части и шейка выявлены более отчетливо (рис. 21, *2*). Венчик отогнут, ручка пластинчатая, прикрепленная к венчику и верхней части корпуса. Высота сосуда 15,2 см, диаметр устья 9 см.

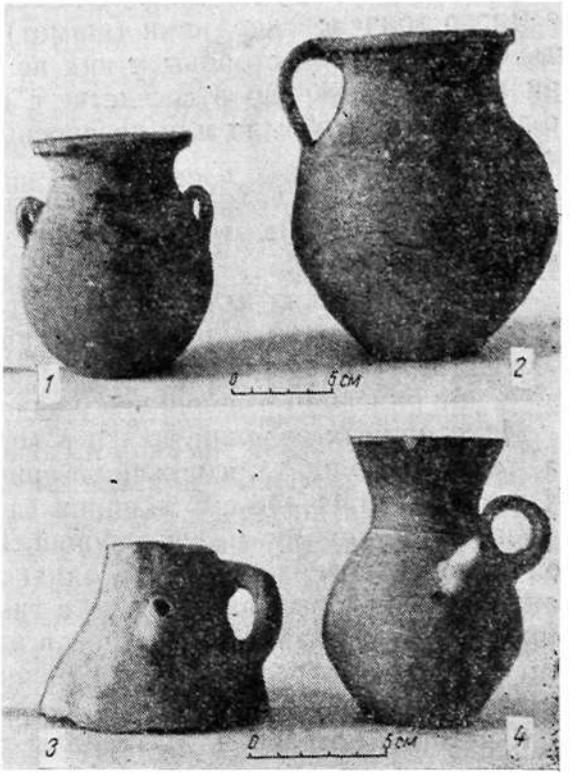


Рис. 21. Кувшинчики (*1—2*) и поильники (*3—4*) из нижних наслоений.

К типу кувшинчиков относятся и поильники для детей, один из них взят в хорошей сохранности (рис. 21, *4*). Кувшинчик со слегка вытянутым в высоту корпусом, широким устьем-раструбом и шейкой в виде плавного сужения. Ручка маленькая, в виде колечка для пальца, прикреплена к плечику сосуда; носик — слева от ручки. Поильник из желтой глины, покрыт серым ангобом, поверх которого в верхней части сосуда, снаружи и внутри, нанесена обмазка темно-красного цвета, с потеками по корпусу. Высота сосуда 9,6 см, диаметр устья 5,5 см.

Очень похожий кувшинчик обнаружен в нижних наслоениях Пенджикента: этот сосуд[13] отличается от описанного поильника только отсутствием носика и наличием узкого поддона.

Другой поильник, от которого найдена только верхняя часть (рис. 21, *3*), лепной работы; сосуд более крупный, с сужающейся к верху шейкой, без венчика.

Во всех наслоениях довольно часто встречались обломки крупных керамических изделий лепной работы с плоским дном и бортиком по краям высотой до 8 см, толщиной у основания до 6 см, сужающихся к верху до 2,5 см; толщина до 2 см. Как обычно, в глине много толченой керамики (шамот). Эти изделия овальной формы, с одной узкой стороны у них не было бортика. Находились они преимущественно в соседстве с обожженной землей и золой; по-видимому, это были или переносные очаги, или приспособления для сушки зерна.

Особо отметим находку двух фрагментов кубков (рис. 15, *26*, 27), очень редких на этом памятнике; выше уже отмечена одна находка этого вида.

Из керамических изделий нам осталось рассмотреть только изделия типа пряслиц и пуговиц (застежки), в довольно большом количестве встречавшихся во всех наслоениях; мы их рассмотрим ниже, при описании изделий этого вида из Аултепа.

Из каменных изделий, как и в верхних слоях, найдены жернова, терки и точила для ножей. Жернова очень крупные, диаметр их доходил до 44—46 см, толщина до 12 см, настолько тяжелые, что их с трудом мог нести рабочий. Встречались жернова с плоской рабочей поверхностью, но однако в большинстве случаев их нижний камень был выпуклый, с гнездом для оси вращения, а верхний — вогнутый, с отверстием в центре. Фрагменты зернотерок отмечались очень редко. Терки каменные, шестигранные, типа описанных выше.

К истории поселения. Материалы разведочных раскопок и наблюдений над строительными работами на Джангальтепа дали возможность лишь в самых общих чертах восстановить историю поселения. Наиболее древними из элементов его плана, выявленных в ходе работ, являются коридор с прилегающими к его южной стороне помещениями и мощная крепостная стена восточнее коридора. На этом же уровне в северной части поселения обнаружены остатки башнеобразного сооружения, а в середине, между коридором и башней, отмечены отдельные крупные здания, толщина глинобитных стен которых доходила до 1,6 м. Из этих наблюдений следует, что поселение возникло как выстроенное по заранее намеченному плану крупное укрепление оседлых земледельцев, обладавших устойчивыми навыками в строительном деле. В дальней-

---

[13] Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг., Труды Таджикской археологической экспедиции, т. IV.—МИА, 124, М.—Л., 1964, с. 229, рис. 21, *4*.

шем эти первоначальные постройки разрушились, поверх них выстроили другие, быть может, менее капитальные. К постройкам второго периода относятся фрагменты стены с пилястрой, обнаруженные в раскопе 2. Наконец, еще менее капитальные стены, отмеченные в верхних наслоениях, являются признаками строений последнего строительного периода; с их разрушением поселение было оставлено.

Таким образом, стратиграфические наблюдения дают картину непрерывной и интенсивной жизни поселения. Мы выявили лишь немногие элементы планировки сооружений, которые не дают оснований для каких-либо попыток реконструкций жилых комплексов или фортификации ни для одного из периодов его развития, однако все же сами по себе настолько характерны (прежде всего, коридор и овальная в плане башня, хотя бы и частично раскрытая), что в будущем, с проведением систематических раскопок на крупных поселениях в долине Кашкадарьи, они с несомненностью будет опознаны и тогда появится возможность реконструировать утраченные древние сооружения Джангальтепа.

Хотя нам не удалось в достаточной мере выявить особенности планировки древних сооружений, собранные предметы инвентаря дают возможность установить многие специфические его особенности, даже несмотря на некоторую «односторонность» материалов: подавляющая их часть — изделия гончарного производства, представленного двумя основными видами: ремесленным и домашним производством. Изделия ремесла, выполненные в хорошей технике, свидетельствуют о его высоком уровне развития и об уже довольно развитом обмене. Вместе с тем было развито и домашнее гончарное производство, изделия которого, в общем объеме составляющие примерно половину находок, отличаются разнообразием форм, а многие являются и показателями умелости домашних мастеров или, возможно, мастериц: как известно из этнографических материалов, именно женщины в сельских местностях Средней Азии занимались гончарством[14]. Изделия лепной работы сохранили специфические для данной культуры особенности, такие, как широкодонные котлы или шиповидные налепы на курильницах и крышках.

При рассмотрении материалов раскопок уже отмечались некоторые различия в особенностях керамических форм из нижних и верхних наслоений. Из этих сопоставлений видно, что выявленные различия не особенно значительны и не свидетельствуют о существенных переменах в культуре обитателей поселения. Следовательно, поселение существовало непрерывно, этнический состав его жителей не изменялся. Не доказывает это и очень продолжительный период существования поселения. К вопросу о датировке наслоений Джангальтепа мы обратимся после рассмотрения материалов раскопок на одном из соседних памятников — Аултепа.

---

[14] Пещерева Е. М. Указ. соч., с. 15.

АУЛТЕПА — РУИНЫ СОГДИЙСКОГО ЗАМКА

Аултепа находилось вблизи кишлака Наймансарай, примерно в 0,5 км севернее реки, на краю третьей террасы, образовавшей уступ высотой около 4 м. Уже в первый год (1955) работ Чимкурганского отряда на этом памятнике был заложен разведочный раскоп. В результате раскопок установлено, что бугор является развалинами капитального здания с относительно хорошо сохранившимися стенами. В полевой сезон 1956 г. остатки здания были раскрыты полностью[1].

Аултепа — это относительно небольшой бугор, округлый в плане (рис. 22), с заметно выделяющимся юго-восточным углом, в котором еще до раскопок была видна стена из сырцового кирпича. Как оказалось, остальные наружные углы этого четырехугольного здания не сохранились. Высота бугра от подошвы с юга 7 м, но над террасой он возвышался только на 3 м; на уровне террасы площадь памятника около 800 м,[2] склоны тепа довольно крутые. Наибольшая протяженность верхней площадки с запада на восток 28 м, с севера на юг 26 м. Верхняя площадка, как и склоны, в общем ровная, только изрыта неглубокими поздними ямами, а на восточной стороне слегка выделялся вал, отделенный от остальной площадки небольшим рвом. Несомненно, что все эти признаки микрорельефа недавнего происхождения. Подъемной керамики на тепа не обнаружено.

От края террасы памятник отделен подковообразной в плане ложбиной, образовавшейся в результате выборки грунта для постройки здания. Эта ложбина являлась, видимо, и признаком рва, которым здание было окружено со всех сторон, кроме южной. С юга к обрыву террасы примыкала заболоченная низина, над которой и возвышалось здание, как бы возведенное на отдельном бугре. Этот останец материкового лесса являлся стилобатом здания.

---

[1] В раскопках принимали участие научный сотрудник Кашкадарьинского краеведческого музея в г. Карши Т. Г. Салихова и лаборант А. Н. Златомрежев.

В 30—40 м севернее Аултепа начинались развалины другого поселения, похожие на группу расплывшихся бугров разного размера, общей протяженностью до 100 м. Среди неправильной формы бугров намечается прямоугольная площадка размером 20×30 м, вытянутая с севера на юг. Бугры прорезаны недавно проведенным арыком, что еще более усложнило его рельеф. На отмеченной выше площадке был заложен раскоп, в верхнем слое которого обнаружены фрагменты поливной керамики XVIII—XIX вв.

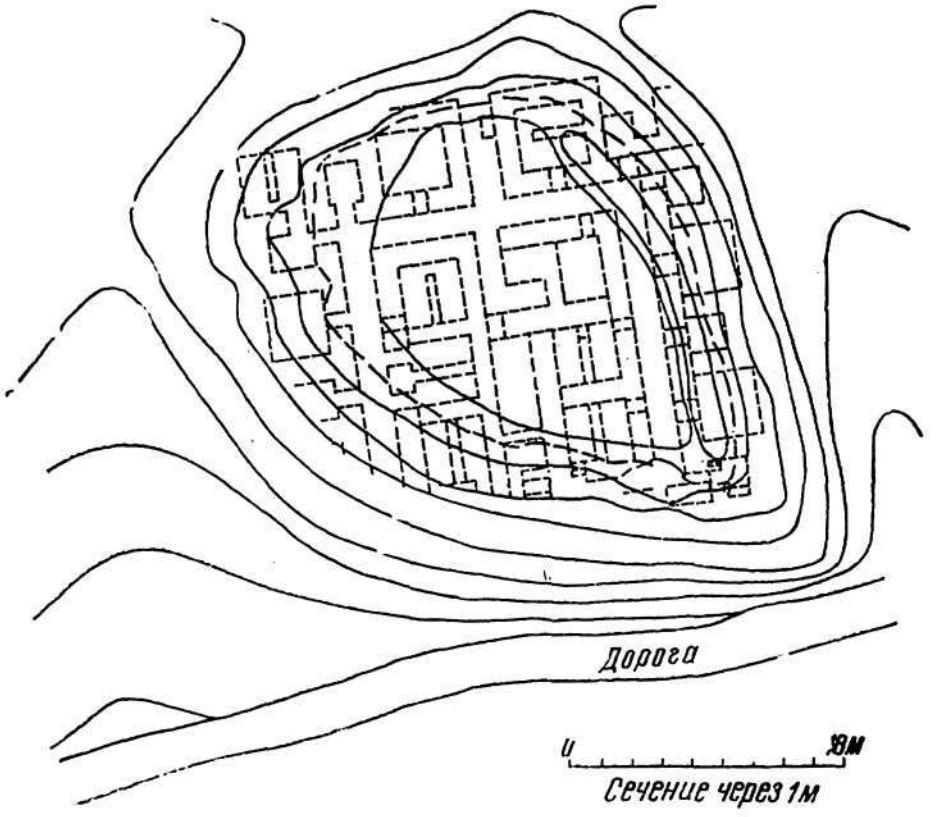


Рис. 22. Аултепа. План (пунктиром показаны контуры здания).

Название Аултепа возникло от находившегося возле него небольшого поселения — аула; несомненно, что упомянутые развалины и есть остатки недавнего аула.

Аултепа — это развалины отдельно стоящего здания, непосредственно к которому не могли примыкать другие постройки из-за окружавшего его с трех сторон рва, имевшего, видимо, оборонительное значение, а с одной стороны (южной) внешняя стена была возведена на краю террасы. Хозяйственные постройки (стойла для скота, склады) могли быть только за рвом, на уровне третьей террасы; они были разрушены обитателями более позднего поселения.

Археологическое вскрытие памятника и его архитектурный облик. С поверхности остатки здания были прикрыты слоем доволь-

но плотного перекопанного завала из серого комковатого грунта с небольшим содержанием малохарактерной керамики; толщина завала нигде не превышала 1 м.

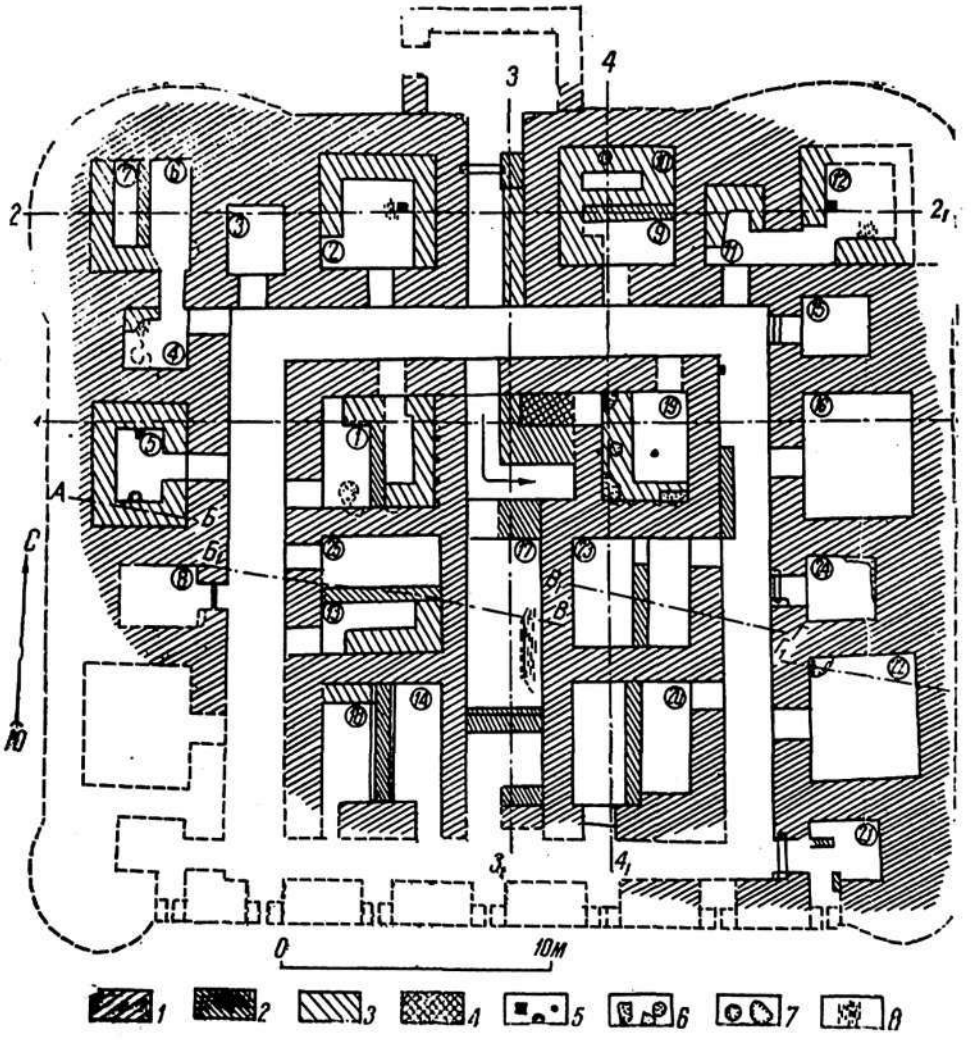


Рис. 23. План здания (пунктиром показаны элементы реконструкции):

1—стены из пахсы; *2*—стены из сырцового кирпича; *3*—суфы; *4*—ил с песком (болотная глина); *5*—гнезда столбов; *6*—зольные ямы; *7*—ямы; *8*—обожженная земля; линией точка—тире показана контрольная полоса (линия разреза по А—Д, см. рис. 26).

Для удобства изложения сначала дадим общую характеристику планировки остатков здания; нумерация помещений на плане (рис. 23) и разрезах (рис. 24) сохранена в порядке их вскрытия.

Здание прямоугольное, вытянутое с востока на запад, возможно, с башенными выступами на углах; ориентировка сторон здания по странам света почти правильная, с небольшим смещением по часовой стрелке. Организующим архитектурным элементом внут-

реннего пространства был обходной коридор с длиной сторон около 20 м, охватывающий центральный жилой массив со всех сторон. Центральный массив состоит из шести помещений, разделенных на восточную и западную части двумя узкими проходными помещениями. Одно из них, как мы увидим ниже, было лестничной клеткой, другое, по-видимому, хозяйственным помещением.

На внешней стороне коридора расположены дверные проемы в помещения, обрамляющие центральный массив с севера, запада и

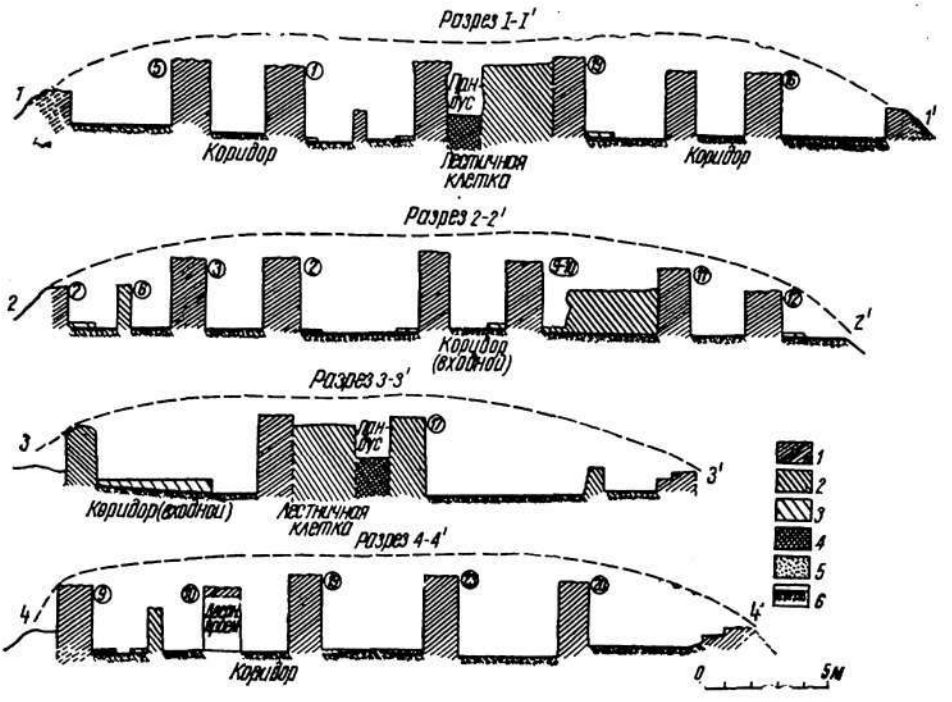


Рис. 24. Аултепа. Схематические разрезы к плану:

1—стены из пахсы; *2*—стены из сырцового кирпича; 3—суфы; *4*—болотная глина; *5*—ямыс золой; *6*—пол.

востока и расположенные в один ряд, соответственно с каждой стороны. Южная сторона внешнего обвода, как мы условно будем называть ряды помещений, примыкавших к внешним стенам здания, не сохранилась, однако есть основания (о них ниже) полагать, что к югу от южного сектора коридора аналогичного ряда не было. Характерная особенность планировки внешнего обвода — правильное чередование больших и малых помещений.

Вход в здание находился в середине северной стены; место одного из небольших помещений занимал входной коридор, который вместе с лестничной клеткой и упомянутым хозяйственным помещением являлся осью симметрии плана здания.

Сверху вскрытие велось по квадратной сетке (2×2 м), а с уровня сохранившихся стен — по помещениям. Описание раскопок мы начнем с входа в здание, с северной его стороны.

Как указывалось выше, с юга высота Аултепа 7 м, с севера — 3 м. Северный склон низкий и пологий, под ним обнаружен очень плотный грунт с большой примесью органических остатков, признаком которых является зеленоватый оттенок наслоений. При расчистке грунта удалось обнаружить наружную поверхность стены здания, хорошо отслаивающуюся от завала. Отслаивающаяся внешняя поверхность стены прослежена на протяжении 4 м от входа к западу, дальше отслаивание прекращается и намечается как бы выступ, правда, нечеткий, кладки стены немного наружу. В высоту наружная поверхность сохранилась до 1,5 м, с ее обнаружением удалось точно установить толщину наружной стены здания — 1,5 м. Массивностью эта стена лишь немного превышала внутренние стены, достигавшие в толщину 1,4 м.

В 1,2 м от входа к западу обнаружены остатки глинобитной стены толщиной 85 см, прослеженной в длину на 1,4 м и примыкающей снаружи к стене здания. Позднее, при расчистке наружной стены, к востоку от входа была отмечена примерно такая же примыкающая стена: в двух этих стенках видны остатки какого-то предвратного сооружения.

Судя по вертикальным выемам в углах входа, он, видимо, был украшен каменными, терракотовыми или деревянными вставками в пахсовую стену. Стены входного коридора обнаружены уже на глубине 30 см, ширина его 2,1 м, длина 6,85 м. Возле северного конца восточной стены расчищен выступ в сторону коридора, сложенный из сырцового кирпича размером 48—50×28—30×8—10 см, характерным для всех кладок из этого материала на Аултепа. Выступ пристроен к стене коридора без перевязки, расположен в 1,3 м от собственно входа в здание; ширина выступа 85 см, следовательно, здесь коридор сужен до 1,25 м; в этом месте и находилась дверь в здание.

На глубине 1 м, в коридоре возле сужающего его выступа, обнаружен завал из камней, сырцового кирпича и обожженной земли. В этой части стенки коридора покрыты коркой обожженной земли. В завале перед суженной частью входного коридора, среди камней, найдены почти целый камень от ручного жернова и два крупных фрагмента зернотерок.

В узкой части проема, в самой двери, расчищен сплошной завал высотой 60 см из сырцового кирпича, подвергшегося воздействию огня: видимо, это признак рухнувшей арки входа. В западной стене коридора, против выступа, обнаружена вертикальная ложбина шириной 16 см, глубиной 5 см, прослеженная в высоту на 1,5 м. Несомненно, эта ложбина — след косяка от дверной рамы. За ложбиной на высоте 1,4 м видно прямоугольное углубление (13 × 15 см, в глубину 17 см), являвшееся гнездом засова. Раскрыты и явные признаки массивного деревянного порога, в виде углубленной поперечной полосы на полу шириной 36 см, с глубокими гнездами в обеих стенах, из которых извлечен коричневый тлен от дерева.

За суженной частью входного коридора, вдоль восточной стены, расчищена суфа шириной 70 см и высотой 35 см, над ней в стене раскрыты признаки лестницы в виде ступенчато расположенных выбоин, образовавшихся, по-видимому, от деревянных ступенек и выпавших из-под них комков пахсы.

Пол входного коридора отделен от пола внутреннего (обходного) ступенькой; пол внутреннего коридора на 20 см ниже.

К западу от входного коридора расположено довольно большое (4,3 × 4,07 м) помещение (на плане — 2). Сверху при вскрытии этого помещения до глубины в 1 м был снят поверхностный слой, состоявший из серо-желтого грунта комковатой структуры. Ниже обнаружена глина с небольшим количеством обломков толстостенной керамики. Возле пола найдено много обломков керамики и костей, в северной части — обломки сырцового кирпича. В грунте примесь золы и органических остатков.

На полу помещения вдоль всех стен, кроме южной, в середине которой обнаружен проем, ведущий в коридор, устроена невысокая (15—20 см) суфа, в западной стороне не достигавшая южной стены; ширина суфы 0,85—1 м. В середине восточной стороны помещения, в 0,3 м от края суфы на полу обнаружено прямоугольное (40 × 30 см, глубина 8 см) углубление с коричневым древесным тленом. Несомненно, это — гнездо столба, однако парного ему углубления в противоположной части помещения не оказалось, там четко выявлялась поверхность пола без признаков углубления. В высоту стены помещения сохранились на 2,5 м, местами осталась глиняная штукатурка.

К западу от помещения 2 расчищена небольшая (2,5 × 2,1 м) комната (3), заполненная завалом из глины с небольшим количеством керамики. В этой комнате относительно хорошо сохранился дверной проем, перекрытый полуциркульной аркой, образованной торцами веерообразно уложенных сырцовых кирпичей[2]. Пролет арки 1,02 м, высота проема 1,9 м.

В северо-западном углу здания раскрыто помещение квадратное в плане, с длиной стороны 3,8 м. В нем расчищен завал из темно-желтой земли, причем уже на небольшой глубине посредине замечена стенка толщиной 50 см из сырцового кирпича, уложенного в один ряд торцом наружу (рис. 25,*1*). Эта стенка делила угловое помещение на две почти равные, соединенные проемом комнаты (на плане — 6 и 7). После раскрытия пола выяснилось, что вдоль западной и южной стенок помещения тянулась невысокая суфа, которая после возведения перегородки оказалась в западной комнате. О том, что перегородка возведена в ходе использования здания, свидетельствует наличие сплошного слоя штукатурки на северной стене помещения. В восточной комнате на уровне пола, у входа, расчищена ниша шириной 60 см, глубиной 40 и высотой 50 см. Вход

---

[2] Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н. э. в долине Кашкадарьи.— СА, 1958, № 3, с. 146, рис. 3.

из коридора в описанное помещение лежал через соседнее с юга небольшое помещение 4.

В южной стене углового помещения, отделяющей его от помещения 4, расположенного уже в западном секторе внешнего обвода, под западным склоном тепа, выявлена характерная особенность кладки стен: пахса в ней проложена рядами сырцового кирпича,

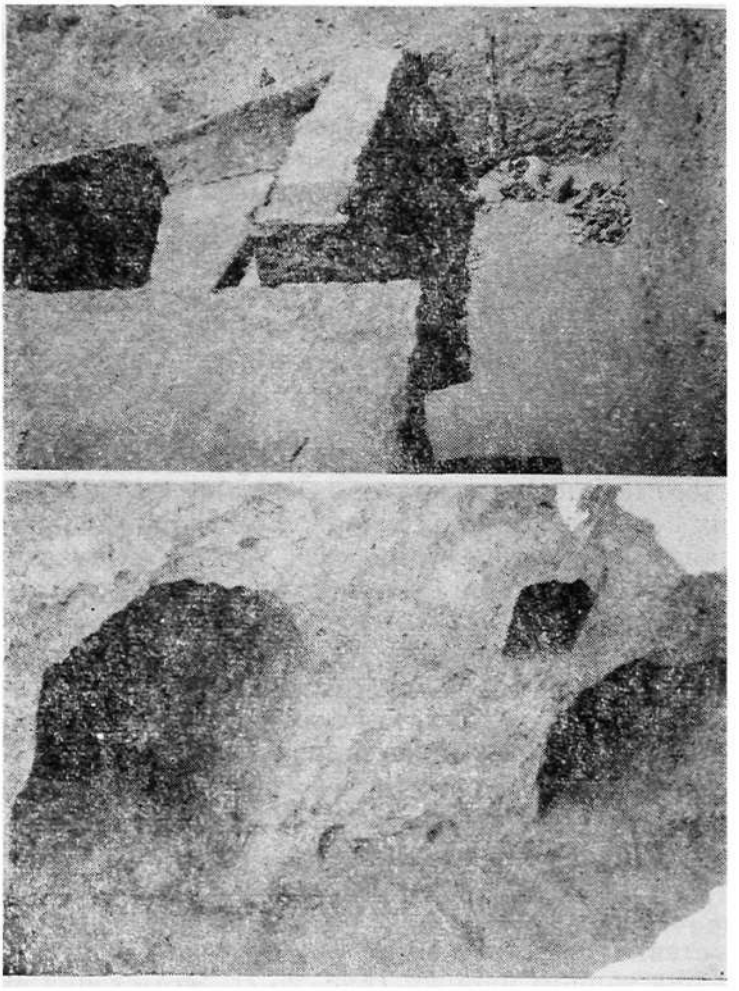


Рис. 25. Аултепа:

1—помещения 6—7; *2*—слева вход на лестничную клетку с пандусом, ведущим на второй этаж; справа вверху—ниша, внизу—пролом в помещение 1.

обычного для данного памятника (48—50×28—30×8—10). Позднее подобная комбинированная кладка открыта во многих помещениях внешнего обвода.

Помещение 4 небольшое (2,5 × 2,1 м), слегка вытянутое с востока на запад, с двумя проемами в северо-восточном углу, один (в восточной стене) из которых вел в коридор, второй (в северной

стене) — в уже описанное помещение, находившееся в угловой (северо-западной) части здания. Пол помещения обнаружен на глубине 2,3 м от уровня сохранившейся части восточной стены; западная стена, остатки которой расположены ниже по склону, сохранились в высоту на 1,2 м. Пол плотный, серый, в северо-западном углу расчищены глинобитная суфа (высота 10 см) и возле нее пятно обожженной земли.

Характерная особенность напластований помещения 5, расположенного южнее помещения 4,— наличие признаков обрушения со стороны коридора; в составе завала отмечены большие прослойки

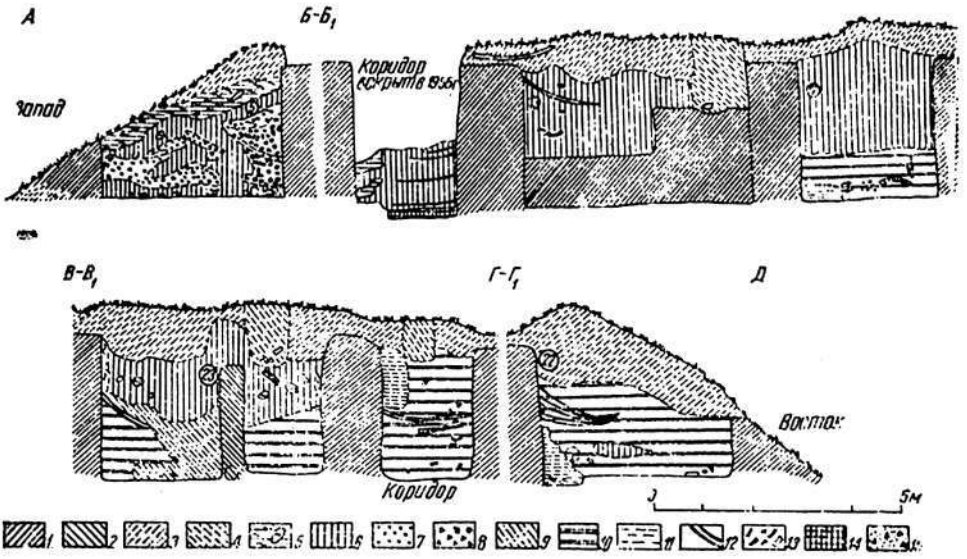


Рис. 26. Аултепа. Стратиграфический разрез по линии А—Д:

1—стены из пахсы; *2*—стены из сырцового кирпича; *3*—поверхностный слой из желто-серого грунта комковатой структуры; *4*—поздние погребения; *5*—органические остатки; *6*—плотный желтый грунт; *7*—мелкие комки плотной глины; *8*—комки плотной глины с обломками сырцового кирпича; *9*—плотный серый грунт; *10*—завал из серой глины; *11*—завал из рыхлой глины; *12*—отмученная глина; *13*—обломки глиняной посуды и кости; *14*—материковый лесс; *15*—зола, уголь.

из комков пахсы, видимо, от разрушенных стен (рис. 26). На стенах различается три слоя глиняной штукатурки. На полу обнаружено огромное количество черепков посуды, преимущественно хумов. Вдоль всех стен проложена суфа высотой 15 см и шириной до 1 м. На полу возле северной суфы, примерно около ее середины, раскрыто квадратное углубление (32 × 32 × 12 см) с ровными стенками, в котором обнаружен коричневый тлен — признак сгнившего дерева. Несомненно, это углубление являлось гнездом для деревянного столба, поддерживавшего, вероятно, балочное перекрытие. Предполагалось, что и в южной половине помещения будет открыто такое же гнездо от столба, однако там отмечена только выбоина глубиной до 15 см, несколько смещенная к западу. Таким образом, вопрос о перекрытии пока не решен. Кроме керамики, на полу

этого помещения было много золы. Размер помещения 4,2 × 3,7 м, вытянутость с севера на юг. Южнее сохранилось небольшое помещение 8 и один угол следующего помещения. Всего под западным склоном тепа раскрыты остатки четырех отдельных помещений.

Переходим к рассмотрению вскрытия помещений восточной половины внешнего обвода.

К востоку от входного коридора расчищено помещение, почти квадратное в плане (4,3 × 4,1 м), симметричное помещению 2, но в отличие от него разделенное на две половины — южную и северную (на плане помещения 9, 10). Это помещение разделено стеной из сырцового кирпича, уложенного в один ряд торцами наружу, толщина стены 50 см; соединяющий обе части помещения проем находится возле западной стены, ширина проема 80 см. В отличие от помещения 6—7, где между промежуточной стенкой и северной стеной обнаружена штукатурка, здесь в месте смыкания стен штукатурки не оказалось. Все помещение заполнено довольно плотной и однородной желтой глиной с небольшой примесью малохарактерной керамики.

Характерно устройство пола в этом помещении. Собственно пол есть только в передней комнате (9), в западной части которой начинается обычная невысокая (15—17 см) суфа, продолжающаяся почти по всей площади комнаты 10, кроме небольшого прямоугольного углубления в середине. Видимо, обитатели этого помещения, входя в него, оставляли обувь в первой комнате (9), затем проходили во внутреннюю половину уже без обуви и садились, опустив ноги в углубление.

Устройство суфы вдоль промежуточной стенки во внутренней комнате свидетельствует о том, что эта стенка воздвигалась одновременно с сооружением здания; это подтверждает отсутствие штукатурки в месте смыкания стен. Возле северной стены комнаты 10 в суфе обнаружено круглое углубление диаметром 55 см, глубиной 15 см, наполненное золой; видимо, обогревательное устройство типа сандала.

К востоку от описанного помещения обнаружена небольшая (2,6 × 2 м) комната (на плане 11), вытянутая с севера на юг. Всю северную часть помещения занимает суфа. Проем в восточной стене комнаты вел в еще одно помещение — 12, несомненно, угловое, сохранившееся частично: большая его часть оказалась за линией выклинивания, но и сохранившаяся свидетельствует о том, что это была угловая (северо-восточная) комната, в плане здания соответствующая угловому (северо-западному) помещению 6—7, однако в отличие от него не разделенная промежуточной стенкой. В направлении с севера на юг размер помещения 4,05 м; несомненно, что помещение было квадратным или почти квадратным. Вдоль стен были устроены широкие суфы; на полу обнаружено гнездо от столба.

По восточному фасу здания, южнее помещения 12, раскрыто небольшое (2,45 × 2,05 м) помещение 15. Пол, как обычно, плотный,

с алебастровыми (?) включениями. Для исследования пола в юго-восточном углу, возле стены, небольшая площадка (0,5 × 0,5 м) была углублена до материкового лесса, обнаруженного всего на глубине 22 см от пола; между полом и лессом отмечена плотная засыпка из комковатой глины, без отслаивания от стен. Стены возводились на лессе, без фундамента.

Высота проема — всего 1,62 м (обычно 1,9 м) и ширина — 1 м. На северной стене штукатурка не сохранилась, хорошо видна кладка стен: до 61 см над полом — кладка из пахсы, затем ряд из сырцовых кирпичей, положенных плашмя длинной стороной наружу; выше — опять кладка из пахсы. При расчистке проема на полу обнаружено углубление от истлевшего деревянного бруса (порога) и в соответствующих местах стен — углубления, в которые были вставлены его концы; размер углублений 18 × 13, глубина 20 см.

В помещении 16 также хорошо выявляется структура стен: внизу, у пола, кладка из пахсы толщиной 80 см перекрыта двумя рядами сырцового кирпича, положенного плашмя, затем опять полоса пахсовой кладки толщиной 70 см, выровненная вверху одним рядом кирпича.

Пол помещения неровный, слегка приподнятый в северной части помещения. В северо-восточном углу пол на площади 1 м^2 снят для исследования грунта. Под полом обнаружена тонкая прослойка, насыщенная алебастровыми (?) включениями, глубже — глина, в которой едва выявляется поверхность стен, без отслаивания, до глубины 25 см. Следовательно, подтверждается, что стены возведены на материковом лессе, без фундамента.

В середине восточного фаса вскрыто небольшое помещение 24, находившееся между двумя большими комнатами (16 и 22); размер помещения 2,35 × 2,05 см. В стенах хорошо выявляется комбинированная кладка. Характерно устройство проема, соединяющего помещение с восточным сектором коридора: вначале необычно широкого (1,1 м), затем, суженного до 85 см. Как почти во всех расчищенных проемах, здесь обнаружена поперечная яма от порога и пазы от него в стенах.

В помещении 22 обнаружен завал, неоднородный во всех частях помещения. В южной его части видны плотные наслоения из желтой глины до глубины 30—50 см от пола, где обычно грунт становится более рыхлым, с примесью золы и керамики. В северной части обнаружен рыхлый завал из желто-серой глины, перемежающейся полосами отмученной глины. Около пола — также рыхлый грунт с примесью золы, керамики, кусков сырцового кирпича. В северо-западном углу обнаружена яма, заполненная рыхлой землей с фрагментами костей. В остальной части помещения пол ровный, твердый, зольного оттенка.

На южном склоне тепа, у восточного края, выявлено помещение 21, по размеру примерно равное ранее раскрытым небольшим помещениям (3, 12, 15), но отличающееся от них планировкой. В нем отмечено два проема, глубокая ниша и два столбика из сырцового

кирпича, обрамлявших проемы. Один из них, в западной стене (южнее ниши), был с деревянной дверью, о чем свидетельствует наличие ложбины для порога, из которой извлечен тлен; этот проем выводил в южный конец восточного сектора коридора. Второй проем был в южной стене и вел на юг, однако в длину он сохранился не полностью, кладка его южного края находилась на линии выклинивания стены. Порога в этом втором проеме не было. По аналогии с планировкой сохранившихся помещений в северо-западном и северо-восточном углах можно было бы предположить, что этот проем ведет в большое угловое помещение, однако ряд наблюдений этого не подтверждает: планировка южной части здания не аналогична другим частям, лежащим по внешней стороне обходного коридора; на этом вопросе мы остановимся ниже, здесь отметим только, что наличие столбика из сырцового кирпича у одной из стен южного проема дает основание предположить, что здесь была такая же ниша, как и в северо-западном углу этого же помещения 21, только не глухая, а открытая с внешней стороны.

Мы описали помещения, примыкающие к внешним стенам здания, по внешнему обводу. Теперь рассмотрим помещения центрального жилого массива. Здесь шесть крупных жилых помещений, пять из них разделены перегородками на две комнаты с отдельными выходами в коридор.

В северо-западном углу центрального массива раскрыто помещение 1, заполненное завалом рыхлого грунта с примесью органических остатков и керамики. Пол засыпан обломками керамических изделий, в основном толстостенных сосудов. Около пола обнаружены остатки перегородки из сырцового кирпича, разделявшей помещение на две почти равные части. Перегородка пристроена к уже заштукатуренной южной стене помещения, в северной его части был проем, соединявший обе комнаты; в целом размеры помещения 4,15 × 3,85 м. В восточной комнате вдоль восточной и южной стен прослежена суфа шириной 80 см, высотой 12—15 см. В западной части обнаружен только фрагмент суфы; здесь же в южной стене около пола, раскрыты полукруглая ниша шириной 56 см, глубиной 40 и высотой 35 см. В юго-западном углу помещения, напротив дверного проема, на слое рыхлой земли толщиной 12—14 см, расчищена куча угля, горелого дерева и прутьев; замечены витки от сгоревшей корзины. Здесь же найдены и сгоревшие семена вишни.

Находившийся в западной стене вход в помещение заложен очень плотной глиной с сырцовым кирпичом. В северной стене помещения обнаружен пролом в коридор на высоте 60 см от пола, шириной 1 м и высотой 90 см. О некоторых перестройках в этом помещении свидетельствует и своеобразная кладка западной стены: верхняя ее часть сложена из чередующихся слоев желтой и зеленоватой глины, толщина каждого слоя 10—15 см.

Следует отметить, что в восточной стене помещения, на высоте 2 м от суфы, обнаружены гнезда (4 шт.) деревянных балок, распо-

ложенные в 60—65 см одно от другого, размеры их варьируют в пределах 10—15 см в ширину и длину.

Южнее помещения 1 раскрыто примерно такое же помещение, разделенное в ходе использования сплошной стеной на две комнаты (на плане 25 и 13), с отдельными выходами в коридор. Южнее помещения 13 (25), под поверхностью южного склона тепа, обнаружено помещение, также разделенное на две части сплошной стеной, с двумя дверными проемами, обращенными уже в сторону южного сектора коридора. Промежуточная стена в этом помещении 14 (18) — с неширокими отступами по обе стороны. Как и в помещениях 9—10, в месте примыкания промежуточной стенки к северной стене помещения штукатурка не обнаружена.

Трем помещениям западной части центрального жилого массива соответствуют в плане три помещения восточной части. Описание этого ряда помещений начнем с северного.

Помещение 19, размер 3,8 × 3,1 м, вытянуто с севера на юг. Сверху, до глубины 90 см от уровня сохранившейся части стен, снят плотный завал из желтой глины, ниже, до глубины двух метров, обнаружен более рыхлый завал из темно-желтого грунта. До этого уровня восточная и северная стены сохранились плохо, обнаружены лишь отдельные фрагменты их поверхности в углах. Южная и западная стены в лучшем состоянии, есть даже глиняная штукатурка с отпечатками рубленой соломы (саман). В южной стене, на глубине 70 см от поверхности сохранившейся части стены, найдено четыре гнезда для балок, расположенных через интервалы в 45—60 см. Два восточных гнезда прямоугольные, размеры их 13 × 12 и 12 × 10 см, два западных округлые, возможно, деформированные. Чуть ниже уровня указанного ряда гнезд, на западной стене, в 1,6 м от юго-западного угла помещения, обнаружено гнездо балки более крупных размеров — 16 × 18 см (всюду первой указана высота).

Пол помещения прикрыт полуметровым слоем бурого грунта комковатой структуры, с большой примесью золы, кусочков угля и керамики в нижних прослойках. При расчистке пола обнаружено две суфы: вдоль западной стены шириной 1,08 м, вдоль южной — 65 см; суфы невысокие (12—15 см), но необычные из-за наличия на них четырех зольных ям. В середине западной суфы отмечена одна круглая яма диаметром 42 см и глубиной 12 см, а в углах — две ямы неправильной формы; еще одна зольная яма прямоугольная в плане (95—30 см) находится в юго-восточном углу помещения. Очень плохо сохранившийся дверной проем соединял помещение с северным сектором коридора.

Выше говорилось о наличии гнезд балок в южной и западной стенах помещения: в прямую связь с ними нужно поставить обнаруженное на полу гнездо столба диаметром 10 см, глубиной 25 см, почти против гнезда балки в западной стене.

Описанные углубления в стенах и на полу помогли выявить интересную деталь организации внутреннего пространства помеще-

ния. Гнезда в стенах находятся на высоте 1,65—1,70 м над поверхностью суфы, а над ними стена сохранилась, как уже указывалось, еще на 70 см, следовательно, балки предназначались для поддержки не перекрытия, а полатей, устраивавшихся как место для ночлега, что несколько расширяло жилую площадь. Полати находились в южной части помещения, противоположной входу.

Как уже указывалось, в ряде помещений (1, 2, 5, 12) были обнаружены или гнезда для столбов на полу, или углубления от балок в стенах, но вместе они не встречались. Теперь, после вскрытия помещения 19, установлено, что полати были и в перечисленных помещениях.

Балочные гнезда уже известны в стенах древних сооружений. Найдены они в разных местах, потому и объяснения их происхождения различны. В. А. Шишкин и В. А. Нильсен считают, что эти гнезда являются признаками устройства лесов при постройке и украшении исследованных ими зданий[3]. Л. И. Альбаум предполагает, что отверстия, обнаруженные им на высоте 2 м в помещении с росписями на Балалыктепа, являлись гнездами балок перекрытия[4].

С. П. Толстов допускает возможность устройства полатей[5]. Конкретные условия, в которых обнаружены интересующие нас сейчас архитектурные детали при раскопках на Аултепа, не оставляют сомнений в том, что полати были обычным бытовым устройством в рассматриваемом нами здании.

Отмеченные выше особенности наслоений в помещении 19, наличие в нем четырех зольных ям дают основание предположить, что это помещение производственного назначения; возможно, здесь была кузница. Ночью мастера отдыхали на полатях.

В середине восточной части центрального массива раскрыто помещение 23, размером 4,5 × 3,65 м, разделенное перегородкой на две комнаты; большая из них (западная) расположена в глубине помещения. Перегородка пристроена к заштукатуренной южной стене, т. е. сложена уже в ходе использования здания. В заполнявших помещение наслоениях можно различить три основных слоя: верхний — обычный, кроющий слой из комковатого серого грунта; средний — из довольно плотной желтой глины; нижний — завал из серого грунта с небольшим количеством керамики. Сильно разрушенный проем соединял помещение с восточным сектором коридора.

На южном склоне тепа раскрыли довольно большое помещение (20). До глубины 80 см снят обычный кроющий слой, после удаления которого весьма четко на фоне заполнявшей помещение

---

[3] Шишкин В. А. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.).—ТИИА АН УзССР. Вып. VIII. Ташкент, 1956, с. 24; Нильсен В. А. Варахшская цитадель, там же, с. 57—58.

[4] Альбаум Л. И. Балалыктепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960, с. 113.

[5] Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 145.

желтой глины обозначались пахсовые стены. Относительно много керамики было только сверху, до глубины 1 м, ниже ее почти не было. На уровне 205 м от поверхности сохранившейся части стен обнаружена тонкая перегородка, разделявшая помещение на две части — западную и восточную. Пол в западной половине обнаружен только немного (на 10—15 см) ниже поверхности сохранившейся части перегородки, в восточной же части пол открыт на 50 см ниже этого уровня. Каждая из частей помещения имела отдельные проемы, ведущие наружу: проем в восточной части помещения выводил в восточный сектор коридора, проем западной части вел к югу.

Как указывалось выше, центральный жилой массив разделен на две части промежуточными помещениями, из них северное — лестничная клетка, а южное —коридорообразная длинная комната, по-видимому, имевшая вспомогательное хозяйственное назначение.

Лестничная клетка находится прямо против входного коридора, между помещениями 1 и 19; вход в нее лежал через проем (рис. 25, *2*), расположенный по одной линии с дверью, ведущей в здание. В плане лестничная клетка состояла из двух частей: опорного столба, прямоугольного в плане, занимавшего северо-восточную часть помещения, и изогнутого под прямым углом прохода, с устроенным в нем пандусом, ведшим на второй этаж здания.

Как оказалось, опорный столб был не сплошной кладки; прямоугольный участок возле северо-восточного угла помещения отгородили стенкой из сырцового кирпича и затем образовавшийся «пролет» лестницы заполнили сплошной массой — илом с песком; этот же грунт использовали и для устройства пандуса, который был прикрыт рыхлым завалом с большим количеством керамики.

Проем, ведший из северного сектора коридора на лестничную клетку, был перекрыт полуциркульной аркой, сложенной не из кирпича, как обычно, а из блоков пахсы; ширина проема 1,14 м, высота 1,85 м.

Из лестничной клетки на юг через дверной проем вел пандус (или сильно разрушенная лестница) в уже упоминавшееся коридорообразное помещение (17); длина его 8,5 м, ширина 2,75 м. По-видимому, первоначально это и был коридор — часть сквозного прохода от входа в здание к его южным помещениям, но впоследствии в южном конце его перегородили, в результате чего произошла существенная перепланировка: сквозной ход закрыли, южное (меньшее) помещение использовали под жилье.

Особенностью наслоений в помещении 17 является наличие довольно большого количества керамики уже в верхнем слое, состоявшем из желтой глины. На глубине 2,25 м от поверхности верхней площадки тепа обнаружен рыхлый грунт с примесью золы, угля, обожженной земли, перегоревшего камыша. На полу ничего конструктивного не обнаружено, только беспорядочно разбросанные куски кирпича и пахсы. Остатком какого-то приспособления, возможно, очага, можно считать выкладку из сырцового кирпича, по-

ложенного на ребро в один ряд параллельно восточной стене, в 60 см от нее; кирпич и пол в промежутке между выкладкой и стеной подвергся воздействию огня, однако на стене нет признаков ни огня, ни копоти.

Керамики в нижнем слое помещения было очень много, но почти вся она представлена обломками толстостенных сосудов. Особенностью состава находок в слое является наличие железных ножей и украшений (бус и подвесок) в гораздо большем количестве, чем в любом другом помещении. Вот это обстоятельство, связанное с исключительным положением данной комнаты в плане здания, и дает нам основание предположить, что после появления перегородки здесь было хозяйственное помещение, общее для всех жителей.

Нам осталось рассмотреть обходной коридор. Первым вскрыли западный сектор; это было определенной нашей удачей; стены коридора здесь оказались в хорошей сохранности, что потом позволило нам с большей уверенностью ориентироваться при вскрытии восточной, хуже сохранившейся части здания.

В западном секторе коридора толщина поверхности слоя, состоявшего из серого грунта комковатой структуры почти без включений, была 1,5—2 м, глубже грунт становился более рыхлым, в нем появилась значительная примесь органических остатков, золы, угля, керамики. В северной половине коридора, на глубине 2,5 м, обнаружена прослойка толщиной 35—40 см из плотного желтого грунта с примесью обломков сырцового кирпича; возможно, это остаток рухнувшего перекрытия. Под прослойкой вновь выявлен рыхлый завал с большим содержанием керамики. Пол коридора раскрыт на глубине 3,35 м.

В западной половине северного сектора коридора сверху на значительной (до 2,2 м) глубине обнаружен завал из серого комковатого грунта, ниже — прослойки, насыщенные органическими остатками, золой, керамикой; пол на том же уровне, что и в западном секторе. На узком участке пол сняли, под ним обнаружили плотный материковый лесс.

В восточной половине северного сектора коридора до глубины 1 м от уровня сохранившейся части стены найден плотный завал из глины и органических остатков. Против помещений 9—10, на глубине 1,2—2 м, выявлен рыхлый слой с большим содержанием керамики, однако глубже, до самого пола, керамики было немного. Сохранность стен здесь очень плохая, стены с отслаиванием выявлены только у самого пола; выше (вместо поверхности стен) сплошной темно-бурый грунт различных оттенков, в котором встречаются даже обломки керамики — явный признак ремонтов.

В северном секторе коридора (рис. 27,*1*) расчищены проемы в помещение 2 и на лестничную клетку.

Проем в помещение 2 чуть намечен, остальные проемы (помещений 9—10 и 19) разрушены с этой стороны и определены лишь

со стороны комнат. На расстоянии 1,1 м к западу от пяты арки у входа на лестничную клетку расчищена довольно большая ниша (рис. 25, 2) на высоте 1,5 м от уровня пола. Ниша с полукупольным сводом, в стене углублена на 65 см, ширина ее тоже 65 см, глубина 48. Длина северного сектора коридора 20,2 м.

Расчистка восточного сектора коридора (рис. 27, *2*) была наиболее трудной, так как сохранность стен оказалась очень плохой.

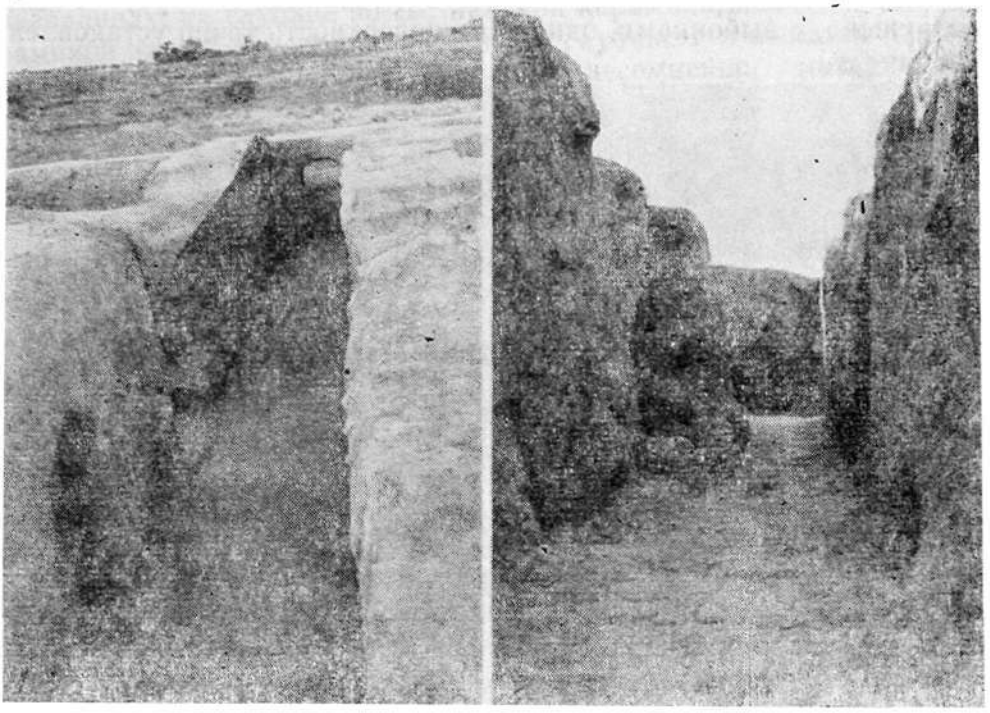


Рис. 27. Северный сектор коридора, вид с запада (*1*) и восточный сектор коридора, вид с юга (*2*).

Восточная стена прослеживалась в общем отчетливо, поверхность западной стены сохранилась лишь полосками у пола. Стена с этой стороны подремонтирована путем подкладки грунта, в котором встречались даже крупные фрагменты керамики. Такой ремонт был очень непрочным, поэтому понадобились другие способы укрепления стены. В угловой части коридора, у входа в восточный сектор, возле западной стены, обнаружена яма от столба диаметром 25 см и глубиной 20 см, причем на стене над ямой виден желоб, в высоту прослеживающийся до 1,25 м; несомненно, этот желоб — след от столба, поддерживавшего непрочную кладку стены. На расстоянии 3,1 м от угла возле западной стены коридора обнаружена примыкавшая к ней стенка из сырцового кирпича, сужавшая коридор в этой части с 1,8 до 1,3 м; вначале назначение этой приставной стенки было непонятно, лишь после полной расчистки выяснилось, что она служила контрфорсом, укреплявшим стену центрального жило-

го блока на протяжении 3,15 м — до входа в помещение 23. Стенка выстроена на плотном завале, поверхность которого выше уровня пола на 30 см.

Наиболее сложной и ответственной была расчистка южной части восточного сектора, результаты которой должны были показать, существовал ли еще и южный сектор коридора. Как выяснилось, южный коридор был, его южный край оказался уже на грани выклинивания. Северная стена коридора (в южном секторе) сильно разрушена, с выбоинами, однако ее поверхность точно установлена

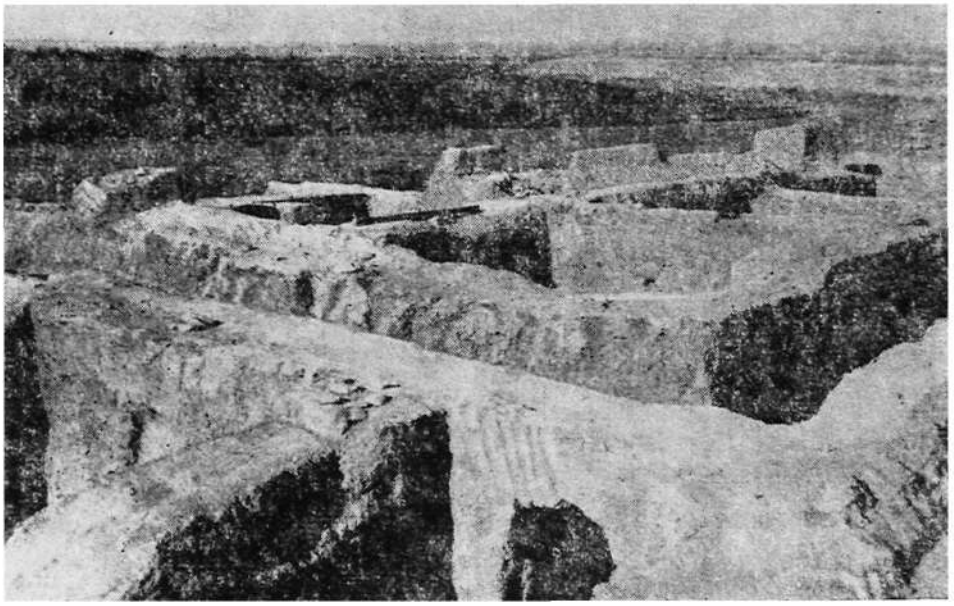


Рис. 28. Верхняя площадка Аултепа после раскопок, вид с северо-востока.

у входа в западную половину помещения 20; высота сохранившегося фрагмента стены — около 1 м. Поверхность южной стены коридора отмечена только на небольшом отрезке против восточного сектора коридора; далее к западу стена выявляется только в виде клиновидного в плане уплотнения с ровным внутренним краем и признаками проема.

После раскрытия южного сектора коридора была установлена длина восточного сектора — 19,9 м, т. е. на 30 см короче северного. Протяженность центрального блока помещений (почти квадратного в плане) с востока на запад 16,2 м, с севера на юг 16,5—16,8 м. Южный сектор коридора значительно уже других, его ширина 70 см, т. е. по существу это был проход, в котором могли разойтись два человека.

Остатки здания, развалинами которого являлась Аултепа, были полностью раскрыты (рис. 28). Не открыты лишь некоторые про-

емы, в основном плохой сохранности; полная расчистка их не могла дать ничего существенного и сразу же привела бы к их немедленному разрушению. Не вскрыты и заложенные в древности места в стенах при ремонте.

Выше уже отмечалась попытка исследовать развалины позднего поселения, расположенного севернее Аултепа. Установлен возраст верхних наслоений — XVIII—XIX вв. В нижних наслоениях небольшого раскопа (площадь его 12 м^2), заложенного на поздних развалинах, на глубине 90 см, найдена керамика, однотипная с керамикой из описанных помещений. На глубине 1 м выявлен чистый желтый грунт равномерной окраски — несомненно, материковый лесс.

Обнаружен фрагмент глинобитной стены толщиной 70 см, в длину сохранившийся на 2 м, в высоту на 20 см. Несомненно, это древняя стена, поскольку на ее уровне найдена обычная для Аултепа керамика.

К сожалению, в этом месте невозможно было продолжить раскоп, однако для нас существен тот факт, что в 50 м от Аултепа, за ложбиной, найдены современные основному зданию некапитальные постройки, возможно, хозяйственного назначения.

В ходе археологического вскрытия Аултепа выяснилось, что оно является развалинами здания типа замка со сложной, но стройной планировкой, свидетельствующей о высокой культуре и мастерстве архитекторов, создавших это монументальное здание. По ходу описания раскопочных работ выявились и основные архитектурные особенности памятника. Теперь необходимо попытаться реконструировать недостающие его части.

Размеры сохранившейся части здания на уровне пола 33×27 м; достаточно точно устанавливается, что протяженность здания с востока на запад не превышала 34 м. Труднее установить протяженность здания с севера на юг, так как южная часть здания наиболее разрушена, однако, на наш взгляд, имеются достаточные данные для ее реконструкции.

Учтя симметричное построение частей здания и правильное чередование больших и малых помещений по внешнему обводу, В. А. Нильсен[6] предложил реконструировать недостающую часть по плану северной. Однако рельеф равнины и южного склона бугра не позволяет восстановить эту часть здания в соответствии с планом северной части, так как в этом случае можно было ожидать наличия большого земляного шлейфа от огромной массы рухнувших стен; кроме того, в этом случае должна была бы сползти и находившаяся под этой частью здания полоса террасы (третьей) ши-

[6] Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966, с. 137—139. Мы не можем согласиться с В. А. Нильсеном в том, что шлейф от обрушения южной части здания в болотистую низину мог быть поглощен водой: проточной воды там нет, низина находится на второй террасе, а здание располагалось достаточно высоко.

риной 7—8 м, что предполагать нет никаких оснований. Поэтому пришлось отказаться от использования планировки северной части здания для реконструкции плана южной части. К счастью, относительно хорошо сохранился юго-восточный угол здания, при вскрытии которого получены данные, позволившие, как мы считаем, с достаточной точностью восстановить план всей южной стороны.

В юго-восточном углу расчищено небольшое помещение с двумя проемами, западный из которых вел в коридор, южный выводил наружу. Южная стена южного сектора коридора прослеживается только на небольшом отрезке от юго-восточного угла коридора до едва наметившегося проема, расположенного против юго-восточного угла центрального массива. Далее к западу на расстоянии около трех метров можно проследить остатки южной стены в виде плотного грунта. Решающим элементом для реконструкции южной части здания оказались две небольшие стенки из сырцового кирпича в помещении 21. Одна из них образует в западной стороне помещения глубокую нишу. Возможно предположение, что и вторая стенка с южной стороны образует нишу, причем, ведущую наружу, имеющую значение оконного проема. Так возникла мысль, что с южной стороны обходного коридора была только стена с нишами. Зная толщину внешней стены и интервалы между нишами, можно было реконструировать всю южную стену, а приняв во внимание планировку внешнего обвода, и весь разрушенный юго-западный угол здания. По южному фасу здания, видимо, было семь ниш, служивших световыми проемами; возможно, что они были сужены до ширины бойниц.

Таким образом, план здания в нижнем этаже восстановлен полностью; установлено также, что протяженность здания с севера на юг не превышала 28 м.

Наличие в центре здания капитальной лестничной клетки с пандусом свидетельствует о существовании и второго этажа. Возможно, что он был только над центральным жилым массивом, причем план второго этажа в основном соответствовал плану нижнего этажа, судя по его массивным стенам, способным выдержать тяжесть вышележащих конструкций. Если предположить, что над центральным массивом был второй этаж, то как освещались нижние помещения? В коридоры и помещения, расположенные по внешнему обводу, свет проникал через люки в перекрытиях, а помещения центрального массива освещались лишь светом, проникавшим в двери из коридора. Но через люки проникало мало света. Вот здесь и приходится вспоминать о световых проемах с южной (солнечной) стороны, значительно усиливавших свет в коридорах.

Перекрытия жилых помещений и коридоров были балочные, так как признаков сводов не обнаружено, хотя стены и сохранились на значительную высоту. В завалах сырцовый кирпич встречался очень редко. Только суженная часть коридора, где устроена входная дверь в здание, по-видимому, была перекрыта полуциркульным сводом из сырцового кирпича, подобным перекрытиям дверных про-

емов; об этом свидетельствует завал из сырцового кирпича у входа в здание.

Сохранилось 21 помещение, если считать по первоначальному плану, не сохранилось два (в юго-западном углу). Всего, таким образом, было 23, из них 8 небольших и 8 больших помещений внешнего обвода. Два больших помещения были разделены на две почти равные части стенкой из сырцового кирпича, причем обе части этих помещений соединены проемами. Как указывалось выше, в центральном массиве было шесть жилых помещений, из них пять разделены на две части, причем три — наглухо.

Существен вопрос о времени возведения перегородок внутри некоторых помещений. Перегородки сооружены без перевязки с основными пахсовыми стенами здания, однако поскольку первые сложены из сырцового кирпича, их могли возвести и при постройке здания и после, в ходе использования. Ряд признаков — наличие или отсутствие штукатурки в месте примыкания промежуточной стенки к стене помещения, расположение суф и проемов — дает основание определить, какие из промежуточных стенок построены одновременно или вскоре после возведения здания, какие позже, при разделах помещений. Мы установили, что только в помещениях 9—10 и 14 (18) промежуточные стенки возведены при постройках здания, остальные помещения разделены уже в ходе его использования; переделки сопровождались устройством отдельных проемов, ведущих в коридор, отличающихся от старых шириной или поверхностью стенок. Глухие (сплошные) перегородки построены заново, в них не видно заложенных проемов.

Во многих помещениях устроены невысокие (10—15 см) глиняные возвышения (суфы). Полосами шириной около 90 см они проходят вдоль всех стен или части их, причем в некоторых случаях при устройстве перегородок суфы оставались в одной половине или только на ней одной и строились. В одном случае (помещение 10) в середине суфы было углубление, видимо, для ног при сидении, следов огня в нем не отмечено.

Ни в одном из жилых помещений не обнаружено очага, пригодного для приготовления пищи. Признаки такого очага в виде обожженного пятна на полу у стены, огороженного поставленными на ребро кусками кирпича, найдены только в одном помещении, определенном нами как хозяйственное. В двух помещениях были зольные ямы, в трех других — пятна обожженной от случайных причин земли. Таким образом, возникает вопрос, где же готовили пищу? Можно предположить, что пищу готовили вне здания, в каком-либо прилегавшем хозяйственном помещении. Однако в этом случае обитатели и особенно обитательницы значительную часть времени должны были проводить вне дома, что едва ли реально. Теряет тогда смысл и укрепление входа в здание: он отделен рвом от хозяйственных помещений, пройти к нему можно лишь по мосту или узкой насыпи. По нашему мнению, гораздо

реальнее предположение, что кухня находилась на втором этаже, хотя это и связано с известными неудобствами — трудностью доставки туда топлива и воды.

Несколько иное изменение произошло в северо-западном помещении центрального массива: первоначальный дверной проем в западной стене заложили, а вместо него в северной стене, ближе к выходу из здания, прорубили лаз с неровными стенками.

Чем вызвана гибель здания? Ответ на этот вопрос, как мы полагаем, дает характер наслоений, зафиксированных у его входа. Здесь обнаружен большой завал из камней, среди которых были зернотерки и жернова, целые и в обломках, и обломки сырцового кирпича, видимо, от свода, подвергшиеся воздействию огня. Стены у входа в здание обожжены, возможно, нападавшие развели костер у массивной деревянной стены здания. Несомненно, у входа в здание происходила горячая схватка, во время которой защитники здания сбрасывали вниз заготовленные для этой цели камни и все подручные тяжелые предметы. Схватка закончилась поражением защитников здания. После битвы здание, видимо, значительно пострадавшее, пустовало и использовалось лишь случайными обитателями, о пребывании которых свидетельствует описанный выше лаз в одном из помещений. Предоставленное самому себе здание постепенно разрушалось под воздействием ветра и осадков.

Состояние комплекса вещественных остатков подтверждает такое заключение о гибели здания. Несмотря на обилие различного рода бытового инвентаря, весь он раздроблен, фрагменты отдельных сосудов находятся в разных местах. Сама относительная скудность инвентаря, выразившаяся в частности в небольшом количестве целых сосудов, памятников изобразительного искусства, свидетельствует о периоде запустения здания, последовавшем за его внезапным оставлением.

Бытовой и производственный инвентарь. Основную часть материалов, полученных при раскопках Аултепа, составили обломки бытовой посуды, по керамическим формам однородные во всех помещениях и на всех уровнях. Западная часть здания дала относительно больше находок, обилием керамики отличаются помещения 1, 2, 5 и 17. Много керамики было и в западном секторе коридора. Большие помещения восточной части (16 и 22) оказались почти пустыми, сравнительно много керамики обнаружено в расположенном между ними небольшом помещении 24. Как правило, основную массу керамических изделий находили около пола, но в восточной части северного сектора коридора и в помещении 18 выявилась характерная особенность; здесь обнаружено два слоя, насыщенных керамикой — один на полу, второй на высоте 1—1,5 м от пола, что, возможно, является признаком обвала; то же отмечается и в помещении 20.

Наиболее характерная керамическая форма комплекса — высокие кубковидные чаши (рис. 29, *1—2*) с поддоном или (реже) без поддона, с крутыми, расширяющимися от донца стенками, за-

кругляющимися в верхней части и загнутыми внутрь краями устья: полные формы (археологически) сосудов этого вида и крупные фрагменты нижних частей встречались в десятках образцов, на всех уровнях и во всех помещениях, причем больше всего в за-

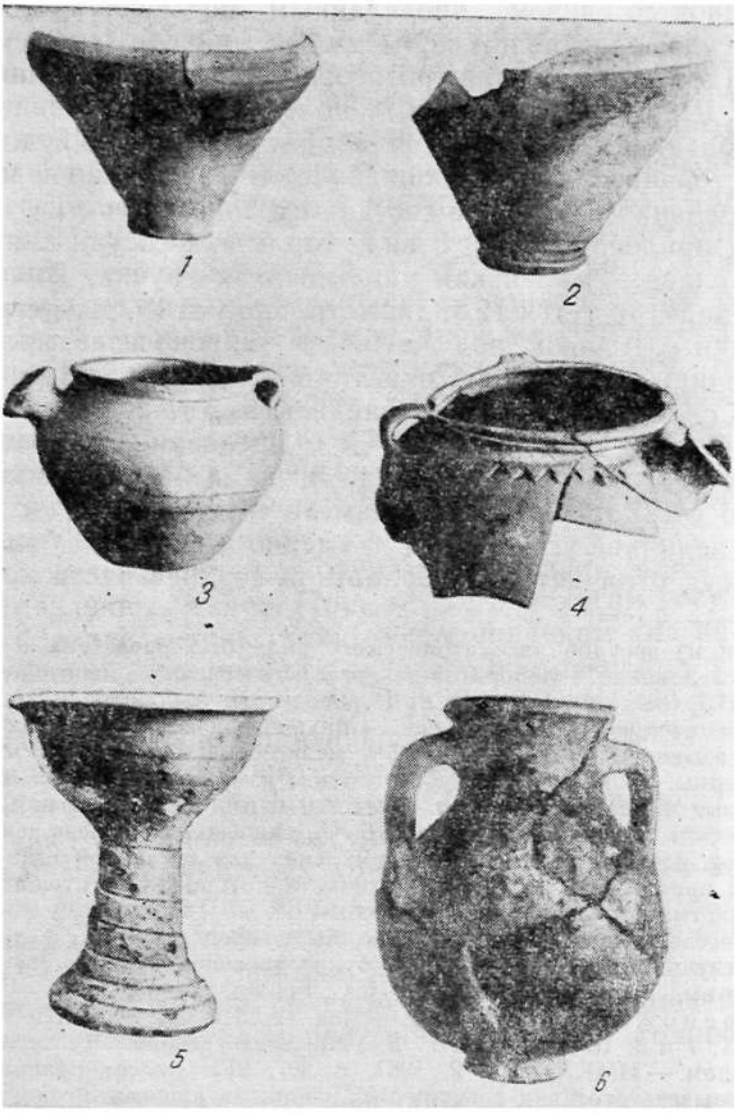


Рис. 29. Сосуды из Аултепа:

1—2—кубковидные чаши: *3—4*—кринки со сливом под венчиком; *5*—курильница; *6*—сосуд типа пелики.

падном секторе коридора. Почти все чаши из красной глины снаружи и внутри покрыты красным ангобом, реже серым, причем наружные поверхности этих сосудов обычно пятнистые, красное с белым, что объясняется некоторой неравномерностью обжига. Высота чаш 9—13,2 см, диаметр устья 13—20, дна 4—4,5 см; найден

фрагмент подобной чаши более крупного размера с диаметром дна 6,8 см. Формой описанные чаши[7] подобны чашевидным кубкам, характерным для наслоений Тали-Барзу IV, датированным V—VI вв[8].

Наряду с кубковидными чашами часто встречались сосуды в виде кринок со сливом, проделанным под венчиком, в плечевой части сосуда; один из них почти целый (рис. 29, *3*). Сосуд хорошего обжига (до придания глине розового цвета), снаружи покрыт серым ангобом. Широкое устье обрамлено чуть профилированным наружу прямоугольным в сечении венчиком, корпус плавно сужается книзу; дно неустойчивое, слегка скошенное. В расширенной части корпуса, под венчиком, в стенке сосуда сделано отверстие, к которому снаружи прилеплен слив, в виде горлышка сосуда типа энохойи. Против слива — маленькая пластинчатая ручка. Высота сосуда 14,5 см, диаметр устья 12,5, диаметр корпуса 19, диаметр дна 9,7 см.

Кринки со сливом под венчиком широко известны в верхней части долины Зарафшана, они типичны для слоя Тали-Барзу IV, нижнего слоя Пенджикента[9]; найдены они также в бассейне Магиандарьи[10], под Самаркандом[11] и в наслоениях Афрасиаба[12].

В помещении 16, над полом, найдены обломки наиболее крупного сосуда этого вида, диаметр его устья 23 см (рис. 29, *4*), судя по величине устья сосуд примерно в два раза больше описанных. Сосуд отличается и обработкой верхней части корпуса: под

---

[7] Один из сосудов рассматриваемого вида был представлен на технологическое исследование в лабораторию археологической технологии при Институте истории и археологии АН УзССР. Руководитель лаборатории Н. С. Гражданкина дала следующее заключение: «Микроскопическое исследование свежего излома указывает на наличие 20—25% мелкозернистого песка с частицами окатанной формы, по преимуществу белого цвета. В составе песка имеются, однако, и черные и цветные частицы. Пустоты, очень мелкие, равномерно рассеяны в массе сосуда, водопоглощение — 15,5 — несколько повышено, именно за счет этих пустот. Температура обжига нормальная для гончарной глины (880—950°).

Сосуд приготовлен из жирной глины, к которой, как отощатель, добавлен мелкозернистый (типа барханного) песок».

Для исследования в лабораторию были представлены и другие образцы посуды, результаты их в дальнейшем будут приведены полностью или частично, в виде выдержек из заключения Н. С. Гражданкиной.

[8] Терехожкин А. И. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, с. 161, рис. 69. IX, *1* и *3*; Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. — ИМКУ, вып. 2, 1961, с. 207, 212. Более правильно, на наш взгляд, называть этот вид сосудов кубковидными чашами, поскольку для кубка они приземисты: диаметр их устья всегда больше высоты; ниже мы их будем называть кубковидными чашами.

[9] Беленицкий А. М. Древний Пенджикент.— СА, 1959, № 1, с. 197, рис. 2.

[10] Ставиский Б. Я. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г. — В сб.: Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Сталинабад, 1959, с. 77, рис. 6, *6—7*.

[11] Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, с. 209, рис. 9.

[12] Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973, с. 74, рис. 16, *4*, *7—8*.

венчиком ланцетовидным инструментом до обжига нанесена зубчатая полоса, создающая впечатление декоративной накладки; венчик фигурный, с глубоким вырезом снаружи. На противоположной сливу стороне не одна ручка, как обычно, а две. Сосуд из розовой глины, снаружи покрыт серым ангобом, в значительной части отслоившимся.

Очень своеобразны сосуды на высоких ножках, с относительно небольшим объемом рабочей части сосуда, которые определены как курильницы[13]. Одна из них почти целая (рис. 29, *5*). Курильница из красной глины покрыта неравномерно наложенным серым ангобом. Диаметр курильницы 12 см, высота 14 см. Верхняя часть сосуда полусферической формы, с отогнутым наружу закругленным венчиком. Ножка плавно сужается к верху, внутри она полая. Примечательной особенностью ножки сосуда является наличие на ее поверхности семи витков спиральной врезанной линии. Найдены еще две ножки сосудов этого вида с такой же спиральной линией из семи витков независимо от высоты сосудов[14]. Видимо, такое совпадение не случайно, оно указывает на ритуальное назначение курильницы: число семь — одно из священных чисел зороастрийцев. Но встречались ножки курильниц с горизонтальными круговыми врезами и с гладкой поверхностью[15]. Почти все сосуды этого вида покрыты серым ангобом.

Кроме чаш, из тонкостенной керамики хорошо представлены кувшинчики различных видов. Прежде всего отметим сосуды, типологически близкие к тонкостенным кувшинчикам из наслоений развалин поселений Каршинского оазиса[16]; они относятся к одному типологическому ряду, но все же отличаются от сосудов этого вида из древнего Нахшеба рядом признаков: они сильно вытянуты в высоту, выделка их грубее, стенки толще, дно неустойчивое.

Весьма своеобразная керамическая форма комплекса Аултепа — кувшинчики с поддоном. Сосуды этого типа отличаются округлостью корпуса, обычно у них одна ручка. Одним из наиболее сохранившихся сосудов этого вида является кувшинчик (рис. 30, *2*) из красной глины хорошего обжига, верхняя часть его покрыта белым ангобом, нижняя без ангоба. Тулово сосуда эллипсоидное, горлышко отделено от тулова валиком. Высота сохранившейся части сосуда 15 см, диаметр тулова 9,3, диаметр дна 3,7, толщина стенок горлышка 0,5 см.

Другой сосуд этого вида из сильно обожженной, почти сплавившейся глины, сохранился примерно до половины высоты (рис. 30, *1*). По форме напоминает первый из описанных сосудов этого вида, но

[13] Альбаум Л. И. Некоторые культовые предметы из раскопок Балалыктепе. — КСИЭ, вып. XXX, 1958, с. 73—77.

[14] Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарьи (Узбекистан). — СА, 1958, № 3, с. 149, рис. 7, *7—8*.

[15] Там же, рис. 7, *12*.

[16] Кабанов С. К. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. — ВДИ, 1956, № 3, с. 165—166.

отформован грубее, у дна — следы подрезки ножом. На поверхности сосуда прочерчен глубоко по ангобу после обжига знак в виде круга с опущенной от него линией, загнутой влево; высота сохранившейся части знака 2,3 см, верхняя его часть находится на грани скола. Характерно, что от дна идет специально прочерченная по

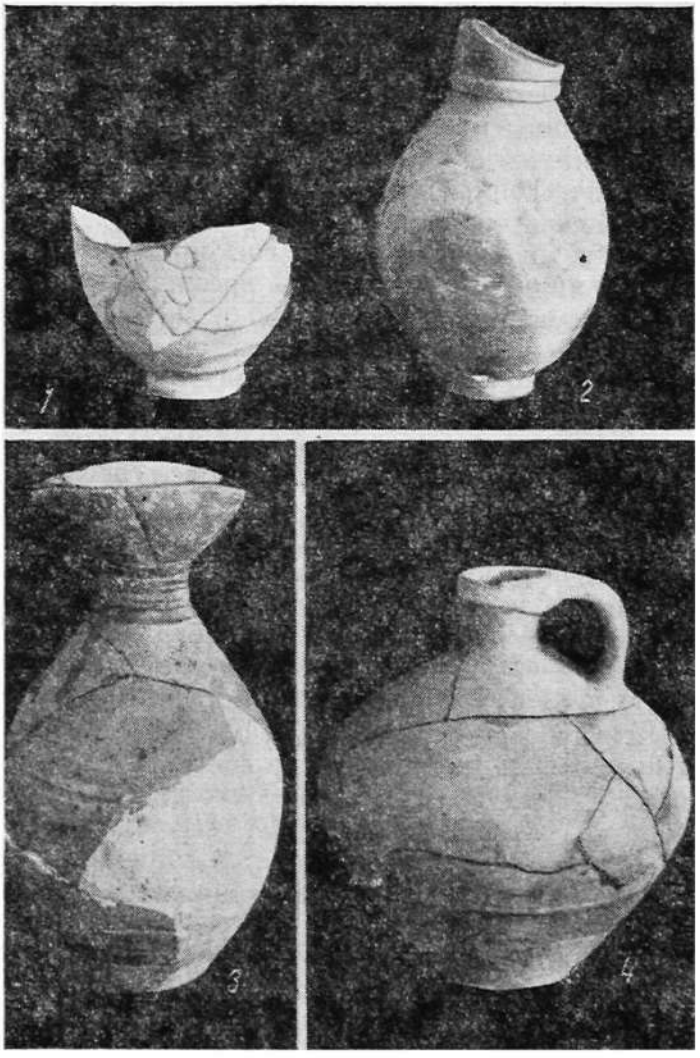


Рис. 30. Аултепа. Тонкостенные кувшинчики:

1, 2—кувшинчики с поддоном, *3*—кувшинчик типа [эпохой]; *4*—узкогорлый кувшин.

ангобу очень тонкая, прерывистая спиральная линия. Всего насчитывается шесть витков, на седьмом линия прерывается у знака.

Весьма своеобразен кувшинчик с поддоном и двумя ручками, напоминающий античную пелику (рис. 29, *6*), но это была единич-

ная находка. Довольно часто встречались кувшины без поддонов, среди которых наиболее характерны сосуды, напоминающие энохойю. Один из таких сосудов удалось склеить до восстановления полной формы (рис. 30, *3*). Сосуд из красной глины, покрыт серым ангобом, а горлышко снаружи и частично внутри еще и красной краской. Характерна вытянутость верхней части корпуса и очень узкое, с перехватом, горлышко со сливом. Высота сосуда 18,3 см, диаметр корпуса 10,5, толщина стенок в середине корпуса 0,6 см.

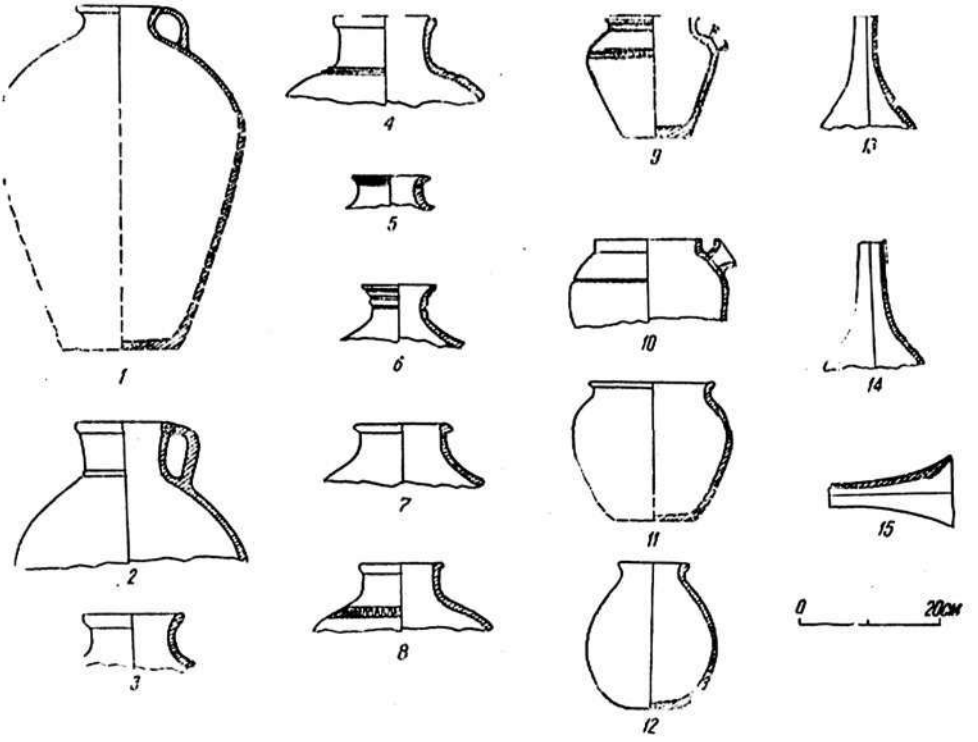


Рис. 31. Сосуды типа кувшинов (*1—8, 13—14*) и кринок (*9—12*); сопло (?) (*15*).

Подобный сосуд найден на Буритепа[17] и в Кобадианском оазисе, в наслоениях VI—VII вв. Мунчактепа[18].

Характерны узкогорлые кувшины, очень короткие, объемистые, в верхней части закругленные (рис. 30, *4*). Ручка в срезе пластинчатая, короткая, прикрепленная к венчику и верхней части корпуса.

Была установлена и форма крупных кувшинов, горловины которых встречались в гораздо большем количестве, чем узкогорлые. Из фрагментов удалось склеить верхнюю часть одного из крупных кувшинов, а затем приблизительно восстановить его форму (рис.

[17] Жуков В. Д. Археологическая разведка на Буритепе в 1956 г. «Изв. АН УзССР». серия обществ. наук, 1958, № 5, с. 57.

[18] Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. — МИА, 1958, № 66, с. 316.

31, *1*). Сосуд из красной глины хорошего обжига, покрыт серым ангобом. Горловина очень короткая, венчик профилирован наружу, ручка пластинчатая, очень небольшая, в виде ушка, прикреплена к венчику сосуда под горловиной. Плечи сосуда до расширенной части корпуса закругленные, высота его не больше 45 см, диаметр корпуса 34, диаметр горлышка 11,5 см.

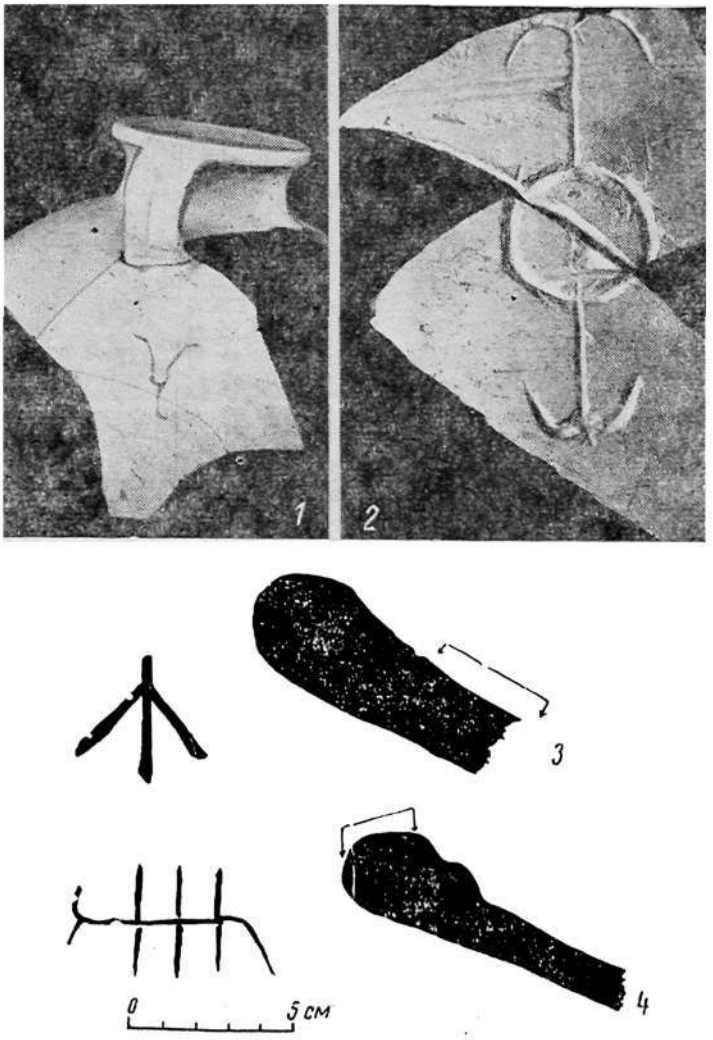


Рис. 32. Сосуды со знаками:

1—кувшин со знаком; *2*—согдийский знак, вырезанный на стенке сосуда; 3—знаки на хумах.

Почти под ручкой после обжига довольно небрежно прочерчен знак (тамга) в виде круга с отведенными вверх двумя изогнутыми линиями и вниз одной (рис. 32, *1*). Отмеченный знак оказался весьма интересным, так как многочисленные аналогии обнаружены в районе Самарканда и Пенджикента, в основном на монетах.

В отдельную группу можно выделить короткогорлые сосуды, похожие на кувшины, но без ручек (рис. 31, *4—8*); они из красной глины, снаружи покрыты серым ангобом. Венчики довольно разнообразны, профилированы наружу, в срезе круглые или ступенчатые, с круговыми валиками или ложбинами. Судя по сохранившимся верхним частям сосудов, их корпус отличался шаровидностью и иногда украшался круговыми волнистыми или прямыми врезами.

Найдено два длинных горлышка (рис. 31, *13*, *14*) сосудов, форму которых установить не удалось; диаметр их устья 3 см. Похоже на такой сосуд, но, видимо, им не являлось приспособление, напоминающее сопло (рис. 31, *15*). Оно изготовлено в два приема: сначала на гончарном станке вылепили трубку, слегка расширяющуюся на одном конце, затем к нему нарастили в виде раструба конусовидную круговую полосу. От описанных горловин это приспособление отличается еще массивностью стенок и примесью в глиняном тесте песка и кварцевых (?) включений (для жаростойкости). На узком конце приспособления сохранились остатки какой-то смоловидной обмазки, однако копоти или следов перекала на нем нет. Поскольку предмет обнаружен на полу помещения 19, где найдено четыре зольные ямы, можно предположить, что он имел производственное назначение.

Количественно основную массу керамических находок составляли фрагменты довольно крупных толстостенных сосудов хорошего обжига, покрытых желтым и серым ангобами разных оттенков; редко встречается красный ангоб. На некоторые из них нанесен несложный орнамент в виде одной или двух круговых полос с волнистыми линиями. Один из сосудов отличается ступенчатостью венчика (рис. 33, *1*). Для другого характерна шаровидность верхней части корпуса и разработка венчика круговыми ложбинками по верхней поверхности (рис. 33, *2*). Третий фрагмент дает представление о довольно крупном сосуде с фигурными стенками (рис. 33, *3*). Иногда подобные сосуды встречаются с отверстиями под венчиком (рис. 33, *4*), видимо, для подвешивания. Ручки сосудов обычно небольшие, пластинчатые, чаще прикрепленные к венчику, иногда к корпусу сосуда в его расширенной части.

В особую группу керамических форм можно выделить довольно тонкостенные сосуды из огнеупорной глины с большой примесью толченого камня (дресвы), встретившиеся только во фрагментах (рис. 33, *8—11*); все они снаружи закопчены; это были котлы для приготовления пищи. На стенках некоторых из этих сосудов явные следы изготовления их на гончарном круге — круговые линии, образовавшиеся при вращении. Иногда отмечается даже некоторая примятость стенок, хотя несомненно, что все они изготовлены на гончарном круге.

Производство жаростойких сосудов на гончарном круге — важный факт для характеристики уровня развития керамического производства. Позволим себе почти полностью привести заключение

Н. С. Гражданкиной об одном данном ей на анализ фрагменте котла, раскрывающее важные моменты довольно сложной технологии изготовления этого вида сосудов.

«Большой фрагмент котла для варки пищи. Наружная поверхность сосуда покрыта плотно въевшейся сажей, внутренняя заглажена, но лишь настолько, насколько позволяет грубозернистая масса материала. Венчик слегка отогнутый, аккуратно оформленный, ниже его на выпуклой части сосуда проведена волнистая линия глубиной 0,5—1,0 мм. Толщина стенки у венчика 8—9 мм, в начале выпуклости до 12 мм. Цвет в изломе неровный: внутри проходит пе-

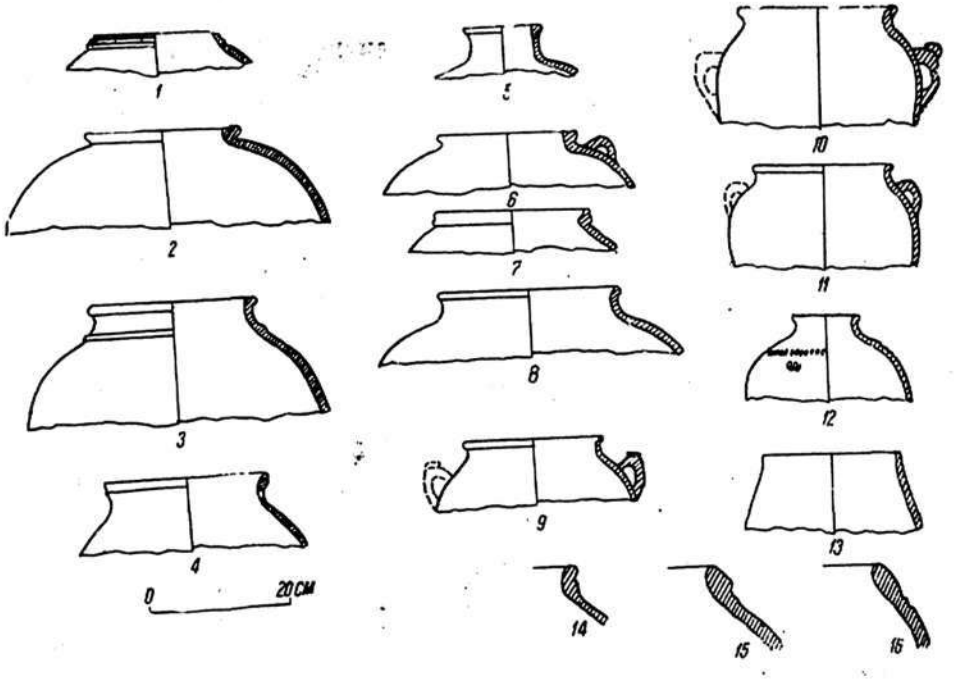


Рис. 33. Аултепа. Толстостенная керамика.

пельная полоса толщиной 5—6 мм (в наиболее толстом месте). Наружный слой в 3—4 мм имеет светлую терракотовую окраску, внутренний слой на 2,5—3 мм имеет самую светлую расцветку. По излому соотношение цвета меняется, в тонкой части местами все сечение целиком серое. Материал всего сечения один и тот же, расцветка получила изменения в результате обжига.

Поле излома заполнено белыми крошками различной величины: от пылевидных до 1,5—2 мм в наибольшем измерении. Увеличение и результаты спектрального анализа позволяют определить крошку как довольно чистый кварцит, раздробленный молотком или в ступке. Органические примеси не просматриваются. Кроме кварцевых зерен, имеется слюда: белая или желтоватая, в массе терракотовой расцветки, и черная — в серой.

Структура черепка плотная, что подтверждается величиной водопоглощения — 13%. Параллельно поверхности черепка просматриваются при 34-кратном увеличении тонкие волосные трещины, вероятнее всего, воздушные пустоты, смятые при формовке. В серой зоне просматриваются мельчайшие крупинки угля, образующие скопления у поверхности зерен кварца.

Спектральный анализ, произведенный отдельно для зерен заполнителя и глинистой части, дает результаты приблизительно однотипные, свидетельствующие, что оба материала котла в главной массе являются силикатными. Наиболее значительное содержание кремния, алюминия, железа и щелочей, по преимуществу калиевых. Прочие примеси содержатся в количестве менее 1%. Щелочи могли быть внесены из грунта в результате длительного лежания черепка под землей. Марганец, никель, кобальт, титан, ванадий и др. являются микропримесями, обычными в среднеазиатском сырье. Их содержание не превышает 1%. Некоторые элементы, например, магний и калий, могли содержаться в глине или поступить из грунтов, подобно щелочам.

Химический состав указывает на применение довольно чистых материалов, а именно кварцита с очень небольшим количеством примесей и жирной глины, содержащей кремнозема около 50—55% и глинистой части порядка 25—27%.

К сожалению, для точного расчета составляющих не располагаем составами местного сырья, однако ориентируясь по типичным составам кварцитов и глин, можно с достаточной степенью точности определить весовой состав массы, как приблизительно равные доли (50% глины и 50% кварцита).

Технологический процесс изготовления сосуда представляется в следующем порядке. Кварцит обжигался на костре до растрескивания отдельных кусков, поливался холодной водой для усиления растрескивания, измельчался в ступе или разбивался молотком на камне. Гончарная жирная глина замешивалась и выдерживалась отдельно, затем смешивалась с кварцем и тщательно проминалась. Количество воды было взято неизбыточное, на что указывает отсутствие крупных водяных пор. Это же свидетельствует и о раздельном затворении ингредиентов, иначе у поверхности песчинок обязательно бы просматривались водяные мешочки.

Готовая масса формовалась на гончарном круге, поверхность сосуда заглаживалась внутри и снаружи мокрой тряпкой, изделие бережно высушивалось в затемненном месте, причем кварцитные зерна, пронизывая массу глины, создавали скелет, препятствовавший образованию усадочных трещин.

Обжиг производился в гончарной печи при температуре более 1000°. Топливо было коптящим, в печи, наглухо замазанной при выдерживании изделий, образовался углерод, благодаря чему масса изделия получила серую окраску. Быстрый приток кислорода при открытии печи окислил поверхности сосуда и придал им терракотовую окраску. Во время дальнейшей практической работы ко-

тел многократно побывал в коптящем пламени, чем вызвана сплошная серая окраска массы в нижних его частях».

Котлы — довольно крупные сосуды (диаметр устья до 25 см) с хорошо профилированным венчиком и корпусом. Днища плоские, некоторые из них слегка закругленные: найдены фрагменты днищ обоих этих видов. Ручки пластинчатые с накладкой на вершине (рис. 33, *9—10*) или круглые без накладок. Сосуд из огнеупорной массы, но несколько иного типа с узким горлом и шаровидной верхней частью корпуса (рис. 33, *12*) украшен поясом овальных насечек.

Наиболее крупные сосуды — хумы — также найдены лишь во фрагментах; диаметр венчиков 30—45 см. Характерно, что все хумы без горловин (рис. 33, *14—16*). Венчик выражен утолщением края устья сосуда, а иногда и круговой линией, отделяющей его от корпуса. В результате лабораторного анализа одного из фрагментов сосуда этого типа установлено, что в глине содержится примесь самана и песка в количестве до 40% общей массы. Ангоб (лилово-красный) нанесен кистью, состав его, по данным спектрального анализа, близок к составу основания. Встречаются хумы, окрашенные в верхней части красной или коричневой красками.

Выше мы отмечали орнамент в виде круговых, прямых или волнистых линий, нанесенных на плечики сосудов. Значительно реже встречается орнамент в виде отштампованных кругов, подковок и круглых налепов. Венчики сосудов иногда окаймлены треугольными врезами, а в одном случае врезами орнаментирована значительная часть поверхности сосуда. Один фрагмент украшен росписью тушью в виде растительных завитков (рис. 34).

Особо надо выделить знаки, имеющие вид тамги. Два из них уже описаны, третий, сохранившийся целиком под ручкой большого кувшина, имеет множество аналогий, прежде всего, на согдийских монетах[19]. В Пенджикенте такой знак обнаружен на хумах[20]. Этот у-образный знак, как условно называет его О. И. Смирнова, является эмблемой правителей самаркандского рода. «Различные его варианты встречаются на всех без исключения монетах верховных правителей Согда: от первого известного нам ихшида второй четверти VII в., Шишпира, и до последнего Тургара, правившего в середине VIII в., а также на монетах разных типов, принадлежащих удельным князьям»[21].

Ниже мы увидим, что сосуд с У-образным знаком, как весь комплекс находок и все здание в целом, относится к более раннему времени, чем VII—VIII вв. На кувшинчике с поддоном разновидность этого же знака.

---

[19] Смирнова О. И. Материалы к сводному каталогу согдийских монет (эпиграфика Востока). Сб. VI. М.—Л., 1952, с. 12.

[20] Бентович И. Б. Керамика Пенджикента.—МИА, 37, 1953, с. 136; Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953).— МИА, 66, 1958, с. 125.

[21] Смирнова О. И. Монеты древнего Пенджикента. — МИА, 66, 1958, с. 259.

Несколько отличен от описанных знаков третий из них, тоже с кругом в середине, но с двумя ответвлениями — вверх и вниз — в виде раздвоенных на концах линий (рис. 32, *2*). Знак найден на двух фрагментах одного сосуда, покрытого плотным красным ангобом. Если описанные ранее знаки довольно небрежно процарапаны по ангобу, то этот знак тщательно и глубоко врезан в черепок также после обжига сосуда. Длина знака 9 см. Как установила О. И. Смирнова, этот знак — лишь разновидность первых двух.

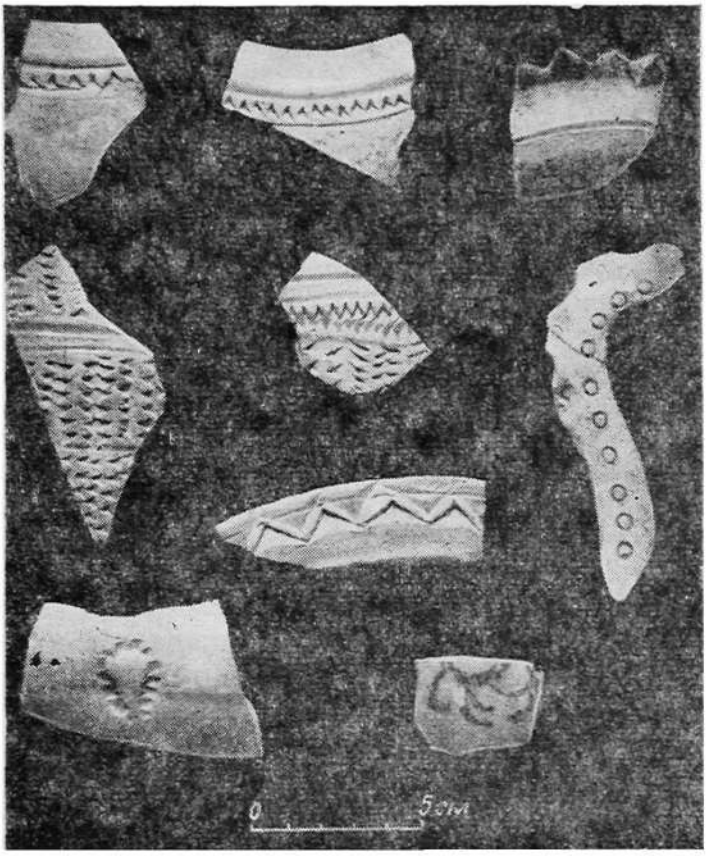


Рис. 34. Декоративная обработка сосудов; внизу справа—фрагмент с росписью тушью.

Все они являются династийными знаками согдийских владетелей.

Два других знака сильно отличаются и от описанных, и один от другого; оба они нанесены на хумы (рис. 32, *3—4*). Один из них в виде стрелки находится под линией, ограничивающей венчик, а второй — на самом краю устья сосуда; этот знак состоит из продольной прямой линии, один конец которой разведен, а второй загнут вниз; прямой отрезок пересечен поперечными линиями примерно через равные интервалы (1, 2—1, 3 см); в целом создается впечатление некоего схематического зооморфного изображения.

Керамика лепной работы встречалась очень редко. Найдено всего несколько фрагментов котлов грубой лепки, из них один довольно крупный, дающий представление о форме верхней части сосуда (рис. 33, *13*). В глине котлов — примесь шамота. Почти целыми взяты два небольших сосуда, подвергшиеся сильному воздей-

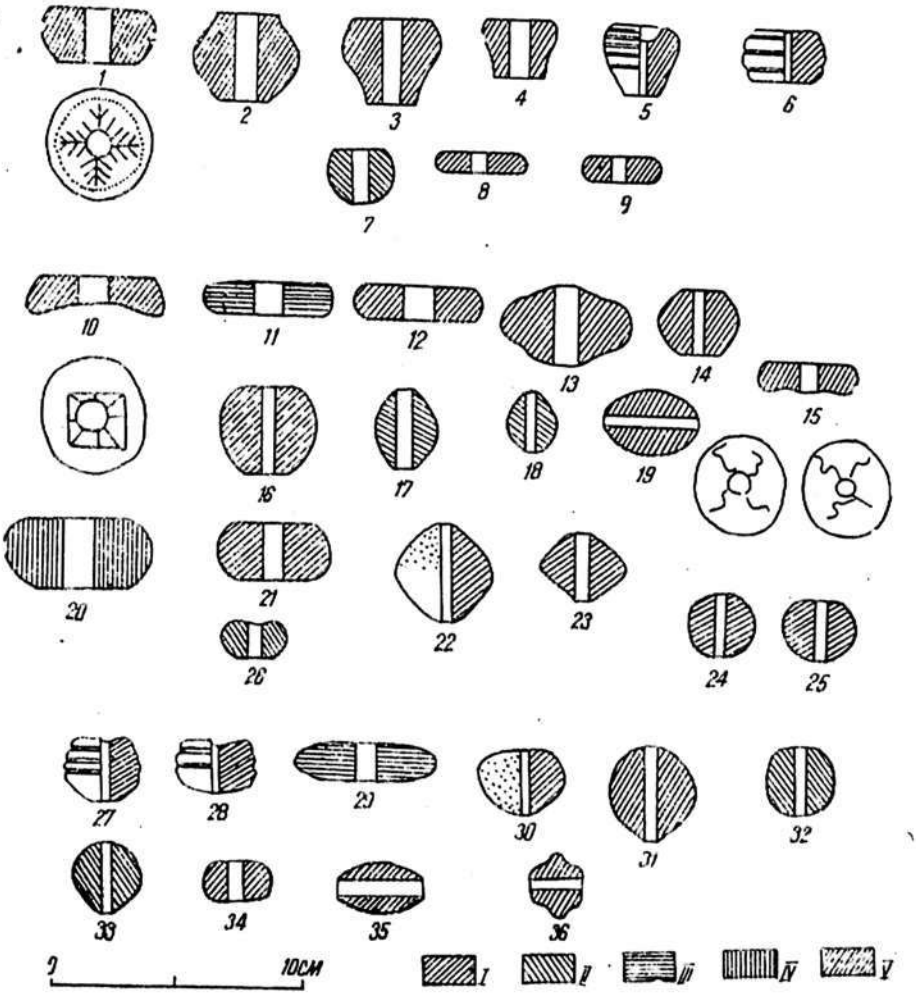


Рис. 35. Пряслица и пуговицы из Аултепа (*1—9*), Джангальтепа (*10—26*), Малого Кызтепа (*27—36*):

I—изделия из красной или желтой глины; II—изделия из серой глины; III—изделия из камня; IV—изделия из алебастра; V—необожженная глина.

ствию огня, в особенности донышки; видимо, их ставили на уголь. Один из них с почти цилиндрическим корпусом, проушной ручкой и закругленным дном. Высота сосуда 9 см, диаметр устья 6,3, толщина стенок в середине корпуса 0,8 см. Второй сосуд с широким плоским дном и корпусом с сужающимися кверху стенками; устье и ручка не сохранились. Диаметр дна 9 см, в высоту сосудик сох-

ранился на 9,7 см. Донышки этих двух сосудов утолщены и сильно обожжены; возможно, это были тигельки.

Среди керамических материалов собрано свыше трех десятков изделий, известных под названием пряслиц, очень часто встречающихся при раскопках. Как уже отмечалось, не все изделия, относимые к пряслицам, были ими, некоторые из них были пуговицами[22]. При рассмотрении этой группы материалов обращают на себя внимание изящно сформованные «пряслица» (рис. 35, *4—7*), почти все конические, иногда с выемкой на верхней поверхности, большинство украшено врезанными круговыми линиями; некоторые из них покрыты слоем лакообразного состава. Диаметр их около 3 см, высота 2,5—2,7 см. Возможно, что все это — пуговицы (застежки), прикреплявшиеся к одежде ремешком с узлом на конце, причем у некоторых пуговиц этот узел «утоплялся» в выемке на верхней поверхности. Встречались изделия в виде дисков, вырезанные из обломков посуды, диаметром около 3 см, высотой 0,6—0,9 см (рис. 35, *8—9*). Пряслицами являлись, по-видимому, только более крупные изделия этого вида дисковидной или грушевидной формы (рис. 35, *1—3*), высотой до 3,2 см и диаметром до 4,3 см. Один диск был покрыт темно-коричневой, сильно истертой краской, кроме верхней поверхности, украшенной врезанным орнаментом из схематических изображений веточек, расположенных крестообразно (рис. 35, *1*); диаметр диска 4,5 см, высота 1,6 см.

Определение части описанных изделий как пуговиц (застежек) не является бесспорным. Б. А. Литвинский вовсе не упоминает об этом их назначении, считая что «разнообразие формата и веса пряслиц может служить указанием на выработку разных сортов пряжи и, очевидно, из разного материала»[23]. Однако вряд ли в то время сорта пряжи и материалы были столь многочисленны, что для выработки нитей требовались столь разнообразные пряслица. Кроме того, узкие отверстия многих из них были не удобны для вставления веретен (рис. 35, *5, 6*).

Еще более разнообразны по формам и размерам изделия этого вида на Джангальтепа (рис. 35, *10—25*). Они также в основном изготовлены из глины, хотя отмечены еще алебастровые и каменные пряслица. Пуговицы найдены только из глины, они иногда сверху покрыты составом черного цвета; по-видимому, в результате носки пуговицы заглаживались до блеска. Форма пуговиц обычно сфероидальная, но попадались и кольцевые, невысокие; размеры различные, чаще всего высота их 2—2,5 см, диаметр 2,5—3 см.

Верхние поверхности двух пряслиц украшены врезанными линиями, образующими квадрат (рис. 35, *10*) и вихревую розетку (рис. 35, *15*).

---

[22] Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» составлены под руководством А. Н. Бернштама. — МИА, 1950, № 14, с. 129.

[23] Литвинский Б. А. Могильники Западной Ферганы. V. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978, с. 42.

Кроме пряслиц, из глиняного производственного инвентаря встретились еще грузики от вертикального ткацкого станка не стандартные по форме, но примерно одинаковые по размерам (рис. 14, *3*). Один из грузовиков в виде четырехгранной усеченной пирамиды высотою 6—6,3 см украшен на одной грани врезанным орнаментом в виде схематического изображения ветки. Найден фрагмент более крупного грузика — в высоту, возможно, в два раза больше упомянутого.

Описываемые грузики давно известны в научной литературе по находкам на Кавказе и в Причерноморье[24]. Применялись они с эпохи бронзы до V—VI вв. н. э., что свидетельствует о продолжительном времени использования вертикального ткацкого станка. Мы находили два пирамидальных грузика на Шортепа[25], причем один из них сделан из обожженной, а второй из необожженной глины.

В заключение описания комплекса керамики назовем еще два фрагмента изделий, известных в литературе по археологии Средней Азии как «шашлычницы» или подставки для вертела, которые можно называть и очажными подставками. В наслоениях многих памятников Каршинского оазиса[26], на Джангальтепа и в некоторых из соседних с Аултепа памятниках такие изделия находили в больших количествах. Для обширного комплекса Аултепа подобные очажные подставки не характерны, жители замка редко использовали их.

Встречались орудия производства из железа, главным образом прямые и серповидные ножи (рис. 36). Найдена небольшая теша (рис. 36, *2*), размерами почти равная подобному инструменту из Хаузтепа[27], но отличающаяся от него сужением к рабочему концу; впрочем, сужение могло произойти в результате разрушения металла. Длина теши 9,3 см, ширина у обушка 4,4.

Из железа изготовлены некоторые предметы (в фрагментах), видимо, из арматуры или сбруи; находили и куски расслоившегося железа и шлака. Образцы железа представили для минералогического изучения Н. Т. Винниченко. Как оказалось, процесс разрушения представленных образцов уже далеко зашел, по комплексу анализов — химическому, спектральному, термическому — их вещество было почти аналогичным природным бурым железнякам. Удалось установить, что железо было добыто из руд основного комплекса, т. е. содержащих не менее 45% железа. Руду

---

[24] Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси, 1949, с. 14—16; Гайдукевич В. Ф. Новые исследования Илурата. — КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, с. 206; Кругликова И. Т. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея.— МИА, 1957, № 56, Пантикапей, с. 134—136.

[25] Кабанов С. К. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. — ВДИ, 1956, № 2, с. 167.

[26] Кабанов С. К. Указ. соч., с. 168, рис. 9.

[27] Кабанов С. К. Археологические разведки в верхней части долины Кашкадарьи. — ТИИА. Вып. 7. Материалы по археологии Узбекистана. Ташкент, 1955, с. 96, рис. 14.

могли добывать в окрестных горах Гиссарского и Зарафшанского хребтов.

Значительную часть бытового инвентаря производственного характера составляли каменные изделия — зернотерки, жернова, точила, терки разных видов. Одна зернотерка целая: камень (серый гнейс?) длиной 53 см, шириной до 27 и толщиной до 7 см. Верхняя поверхность вогнутая, нижняя неровная, как бы грубо вырубленная. Ручные жернова также были обычным предметом обихода. Наиболее характерны жернова с ложбинками от отвер-

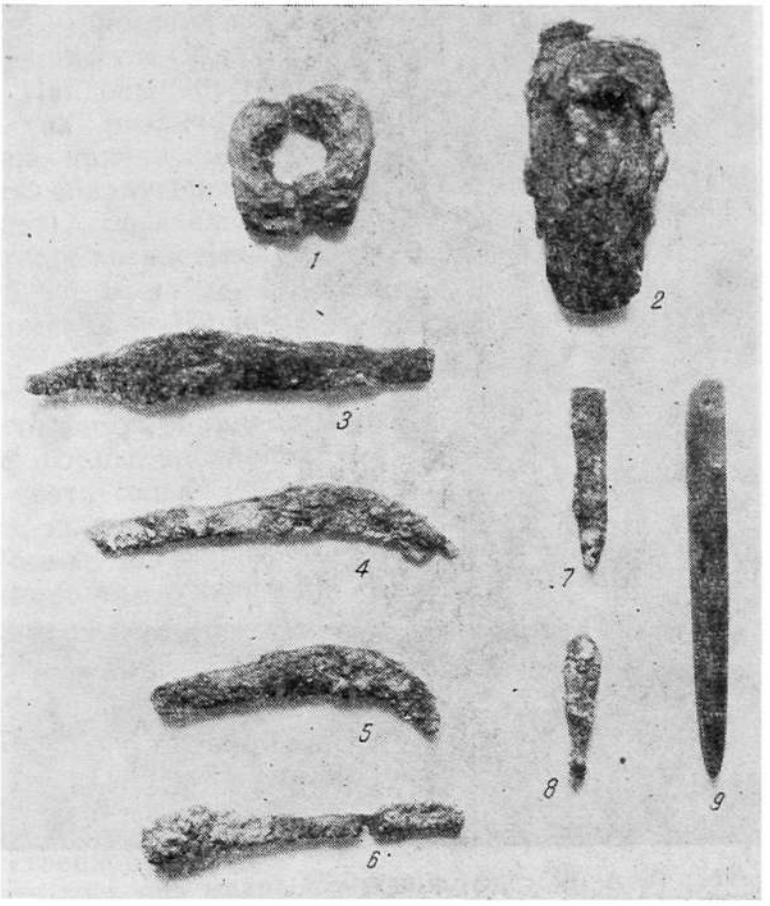


Рис. 36. Аултепа. Изделия из железа:
1—кольцо (?); *2*—теша; *3—8*- ножи; *9*—точило для ножей.

стия к краю для ссыпания муки. Их изготовляли из порфировидного мелкозернистого и крупнозернистого[28] гранита.

Весьма разнообразны каменные терки — из песчаника, диорита, диабаза, кварцита: все эти камни, видимо, брали в русле реки

[28] Минералогический состав изделий из камня в материалах данной работы определил О. И. Исламов.

и приспособляли для различных хозяйственных нужд. Встречались терки продолговатые, типа песта, похожие на кирпич; особенно многочисленны терки в виде шестигранных кубиков с более или менее четко выраженными гранями, обычно закругленными; встре-

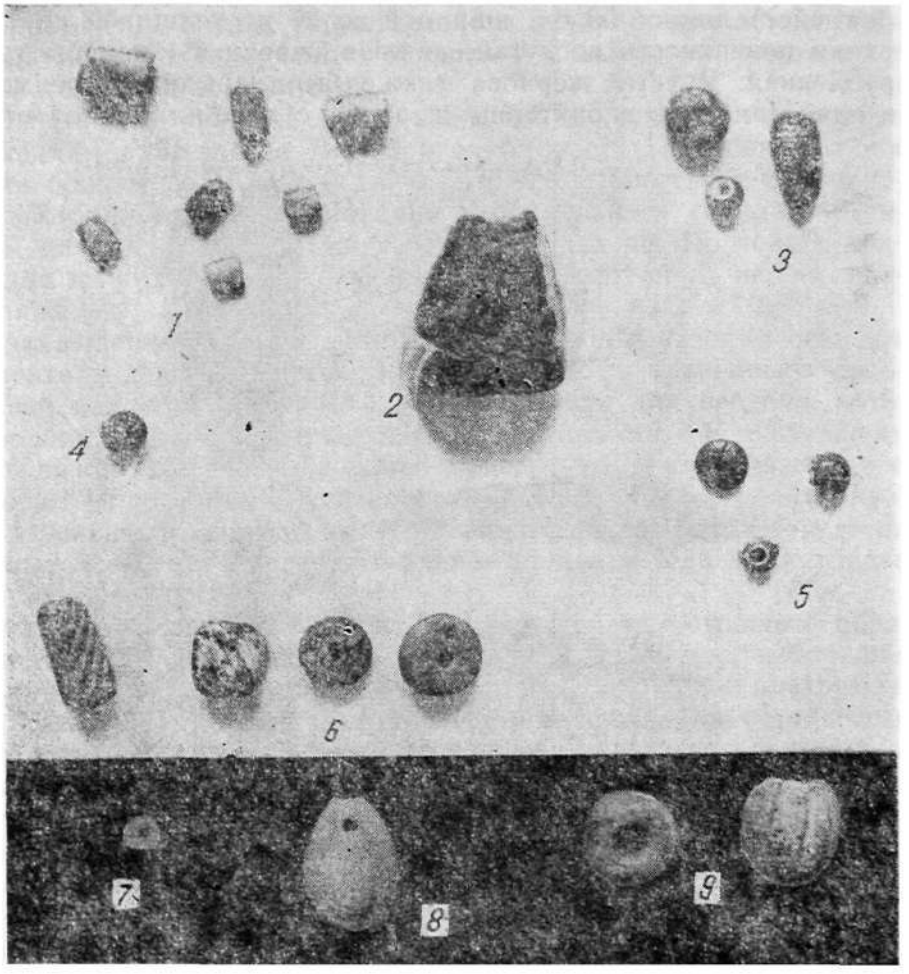


Рис. 37. Бусы:

1—кораллы; *2*—агат; *3*—сердолик; *4*—лазурит; *5*—стекло; *6*—бусы из искусственной пасты; *7*—опал; *8*—раковина каури; *9*—бусы из египетской пасты.

чаются и плоские с длиной грани до 6 см. Подобные терки уже отмечали в наслоениях Хаузтепа[29], датированных III—V вв., и в Бухарском оазисе[30].

---

[29] Кабанов С. К. Указ. соч., с. 93—95.

[30] Жуков В. Д. Материалы к изучению Баштепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса. — ТИИА, т. VIII, с. 202.

Не редки и находки точильных брусков, преимущественно плоских, встречались и круглые в сечении, в виде стержней. Точила изготовлены из черного камня — кремнистые и глинистые сланцы.

Украшения. Прежде всего отметим подвески разного размера, округлых по форме, различных цветов, изготовленные из камешков, взятых в русле реки. Наиболее распространены подвески из белого мрамора; вода придала им овальную форму и загладила их; просверлено только отверстие для шнура. Найдены бусы (рис. 37) из различных материалов, причем бóльшая часть обнаружена в помещении 17, определенном нами как хозяйственное; из 25 бус 16 найдено в этом помещении. Больше всего бус из коралла разных оттенков розового и красного цветов, цилиндрической формы, небольших. Из агата только одна бусина, крупная, конической формы. Из сердолика найдено три бусины разных размеров, две из них шарообразные и одна продолговатая. Есть бусинки из лазурита, стекла, опала[31], из так называемой «египетской пасты» и несколько бусинок из искусственной пасты.

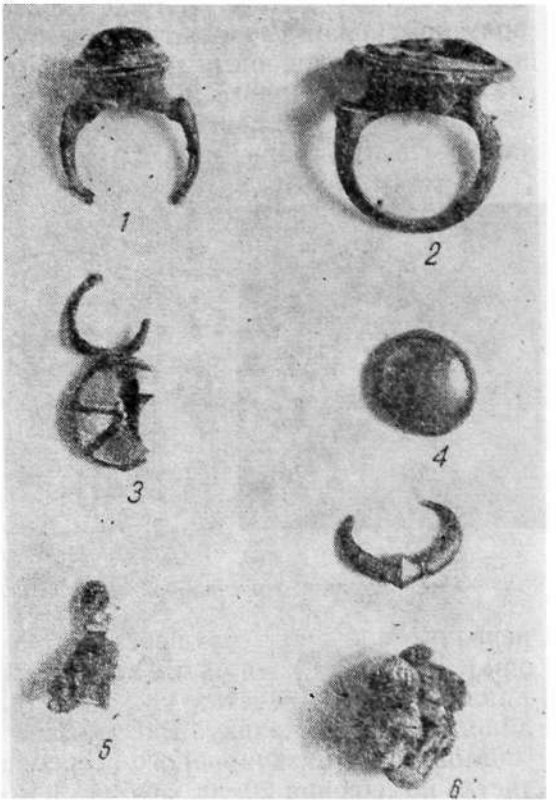


Рис. 38. Украшения из меди.

Встретилось два медных перстня (рис. 38, *1*, *2*) с гнездами для камней; в одном из них сохранился и красный камень — шпинель (лал) из Бадахшана[32]. Найдено две сережки, одна из них наборная из кусочков стекла, разделенных перегородками (рис. 38, *3*, *4*), вторая в виде почти замкнутой скобы с утолщением в середине. В связке бус или на поясе носился медный колокольчик (рис. 38, *5*, *6*), высота его вместе с ушком 1,8 см. Отмечен и обломок медной подвески, состоящий из спаянных друг с другом полых шариков.

[31] Минералогический состав украшений определила Н. Т. Винниченко.

[32] Шпинель цветом похожа на рубин, но немного уступает ему по твердости.

Бусы из «египетской пасты», которую правильнее называть «египетским фаянсом»[33], чрезвычайно распространены. Центром производства этих изделий был Египет, но изготовлялись они и в других местах. Даже на севере, в бассейне р. Оки, при раскопках Огубского городища (I—IV вв.) встретились «мелкие цилиндрические бусы из так называемой египетской голубоватой или беловатой смальты»[34]. Из египетского фаянса изготовлен найденный на полу помещения *1* амулет в виде бусинки с изображением лягушки (рис. 39); подобные изображения известны в археологических материалах Северного Кавказа[35].

Монеты и датировка памятников. При раскопках Аултепа обнаружено пять монет, одна из них серебряная и четыре медные,

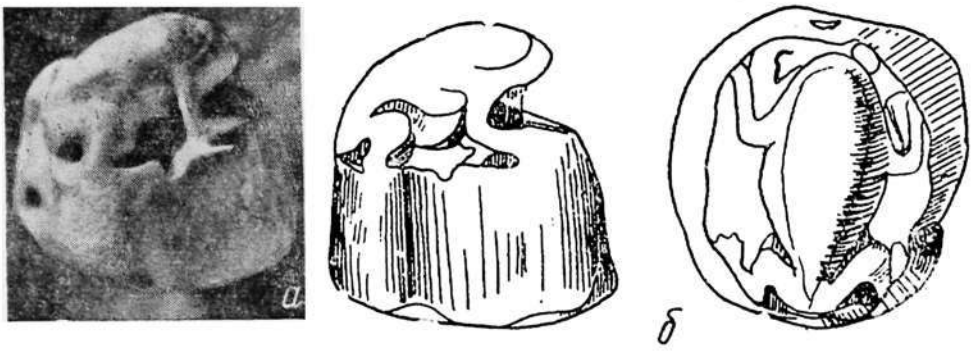


Рис. 39. Подвеска с изображением лягушки (сильное увеличение).

названные условно нахшебскими. Установлено, что выпускались они в оазисе, нижней части долины Кашкадарьи, в Нахшебе. Материалы об этих монетах уже опубликованы[36], здесь мы приведем лишь краткую справку. Рассмотрим вначале серебряную монету.

Монета из низкопробного серебра (рис. 40) найдена при расчистке помещения 20, на глубине 1 м от поверхности южного склона тепа. Вес монеты 3,55 г, диаметр 3,1 см. На лицевой стороне изображен бюст владетеля вправо, с небольшой бородой и прямым носом. Корона дана как бы в разрезе, с прямыми стенками, внутри зубчатая; между зубцами и над ними полумесяц с вписанным в него шаром. Волосы собраны в богато украшенную буклю, за ней свободное поле занято развевающимся шарфом. Ухо с продолговатой

---

[33] Литвинский В. А. Могильники Западной Ферганы. Т. III. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973, с. 134—152.

[34] Городцов В. А. Болотное Огубское городище. Труды Государственного исторического музея. Вып. I. М., 1926, с. 123.

[35] Пиотровский Б. Б. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). Л., 1931, № 6, с. 29—30.

[36] Кабанов С. К. Нахшебские монеты V—VI вв. — ВДИ, 1961, № 1, с. 137—141.

серьгой. Против лица — легенда, пока не прочитанная. На оборотной стороне в середине широкая вертикальная полоса с вписанным в нее изображением жертвенника, а над ним — голова Ормузда в пламени, повернутая вправо. По сторонам жертвенника — две фигуры воинов с копьями. И. О. Смирнова определила эту монету как подражание монетам Варахрана V (420—438) и датировала ее второй половиной V в. или началом VI в.[37]

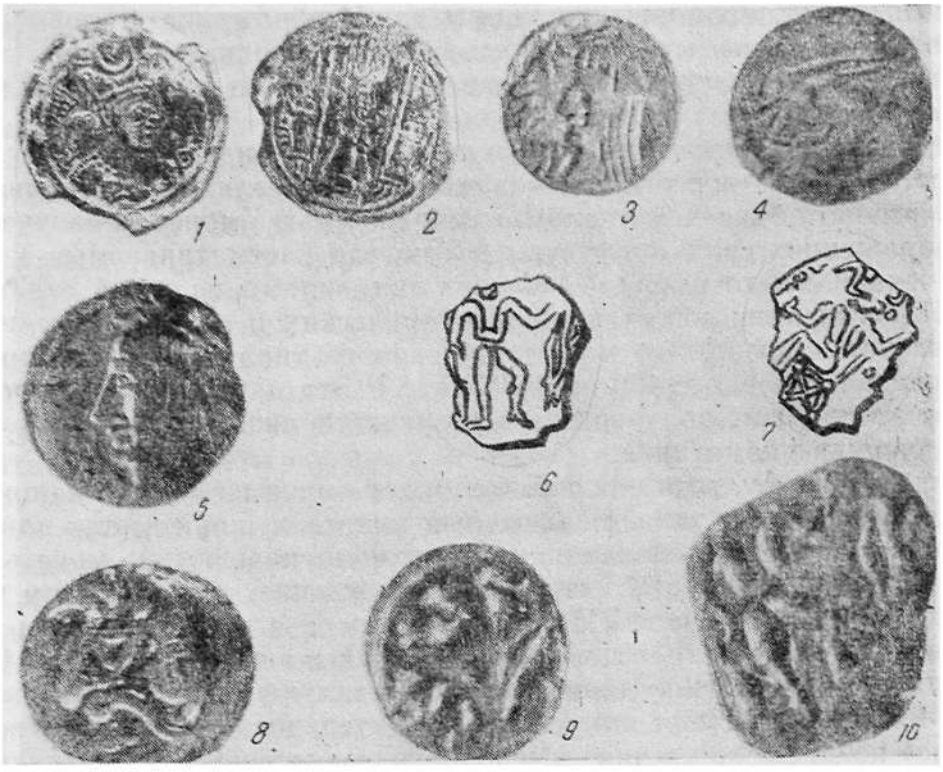


Рис. 40. Монеты.

Аултепа: *1, 2*—серебряная монета Варахрана V (нат. вел.); *3, 4*—нахшебская монета (увел. в 2 раза); Джангальтепа: *5*—нахшебская монета, аверс (увел. в 2 раза): Малое Кызтепа: *6, 7*—раннесогдийская медная монета (прорисовка, увел. в 2 раза): *10*—та же монета, реверс (фотография увел. в 3 раза); Большое Кызтепа: *8, 9*—серебряная раннесогдийская монета с изображением лучника (увел. в 2 раза).

Медные монеты найдены в разных помещениях и на различных уровнях. Все они одинаковы, хотя и не одного штампа. Опишем одну из них относительно хорошей сохранности. Монета медная (рис. 40, *3*), найдена в северном секторе обходного коридора, почти против входа в здание, над полом. Вес монеты 2,43 г, диаметр 1,6 см. На лицевой стороне бюст владетеля влево, голова удлиненная, без бороды, нос прямой. Вместо короны прическа с пучком волос на макушке, пряди волос свисают на плечи и спину. Против ли-

[37] Кабанов С. К. Указ. ст., с. 141—142.

ца, вдоль края, надпись из шести различных знаков; это единственная, сохранившаяся целиком надпись, на остальных монетах можно различить лишь отдельные буквы.

На обороте слева фигура владетеля во весь рост, поражающего стоящего против него на задних лапах льва; удар наносится коротким мечом в горло зверя. Различаются два предмета одежды — длинный кафтан до колен и поверх него халат с развевающимися полами, сужающийся в талии. Сзади (слева?) с пояса свисает какой-то предмет, возможно, ножны меча. Изображение головы на данном экземпляре не сохранилось, но на однотипных монетах из Шортепа виден головной убор в виде башлыка со свисающим на спину концом[38].

Все изображенные на монетах лица с индивидуальными особенностями. На реверсе также нет сходства в деталях изображений, что частично объясняется плохой сохранностью монет. Различия в изображениях свидетельствуют о том, что рассматриваемые монеты чеканились от имени нескольких лиц, видимо, из одной династии. На основании сопоставления исторических и археологических данных установлено, что монеты описанного типа чеканились при эфталитах примерно с 480 по 563/567 гг.[39] Эта датировка не противоречит данным, полученным в результате анализа материалов исследованного памятника.

Находка на Аултепа нахшебских монет—одна из ранних наших находок монет этого типа. Позднее выяснилось, что они имеют длительную историю: есть более ранние и поздние нахшебские монеты. Они чеканились с III—IV вв. и имели хождение с надчеканом в VI[40], возможно, и в начале VII в.

Предполагается, что эти монеты чеканились лишь в III—IV вв.[41] Однако археологические данные свидетельствуют о том, что в это время их только начали выпускать. Убедительное доказательство их более позднего хождения — находка на однослойном памятнике Аултепа, керамический комплекс которого датируется и по другим данным V—VI вв. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Теперь мы рассмотрим и вопрос о датировке Джангальтепа. При описании раскопок этого памятника было отмечено, что в верхних его слоях найдены две нахшебские монеты позднего типа, V—VI вв., подобные обнаруженным на Аултепа. Однако монеты одного типа (но разных эмиссий) и некоторые элементы сходства в керамических изделиях только подчеркивают тот поразительный факт, что памятники столь близкие территориально (1,5 км) и, надо полагать, хронологически, в то же время столь различны по характеру культуры. Мы не будем говорить об архитектуре сооружений,

---

[38] Кабанов С. К. Указ. ст., с. 137, рис. 2, *2*, *3*.

[39] Кабанов С. К. Указ. ст., с. 143.

[40] Кабанов С. К. Нахшеб, с. 96.

[41] Массон М. Е. Парфяно-согдийские монеты области долины Кашкадарьи. — В сб.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 136—137.

поскольку их характер на Джангальтепа выявлен лишь в очень небольшой степени, да и по типу рассматриваемые памятники являются развалинами различного рода сооружений: одно из них — укрепленное поселение, второе — здание. Мы имеем в виду основной наш материал — изделия керамического производства. Если на Аултепа изделия лепной работы, даже во фрагментах, встречались лишь изредка, то на Джангальтепа они составляли не менее половины всех материалов. Котлы на Джангальтепа лепились вручную, а на Аултепа на станках и изготовлялись из особой огнеупорной массы. Далее, на Аултепа отдельные виды изделий станковой работы (кринки со сливом под венчиком) встречались почти во всех помещениях и на всех уровнях, на Джангальтепа их не было. Форма тонкостенных кубковидных чаш явно различна: на Аултепа они вытянуты в высоту, на Джангальтепа более приземисты, с широким устьем. Здесь мы ограничимся только этими примерами; различный характер культур виден из анализа керамического материала обоих памятников.

Аултепа не может быть древнее середины V в., что убедительно доказывает находка монеты, чеканенной в подражание монетам Варахрана V, и комплекс керамических материалов. Какова же дата верхних наслоений Джангальтепа, синхронны ли они Аултепа? Нахшебские монеты позднего типа, найденные на обоих памятниках, могут свидетельствовать только об их хронологической близости, но не о синхронности, поскольку они имели хождение длительное время. Однако керамические материалы прямо отвечают на этот вопрос: если бы за́мок и поселение сосуществовали, то наиболее характерные керамические формы из замка можно было бы встретить и на поселении. Ниже мы увидим, что на одном из соседних памятников — Малом Кызтепа — наслоения времени Аултепа перекрывают слой времени Джангальтепа. Следовательно, замок возник после того, как поселение было заброшено жителями. Хронологический разрыв между двумя этими событиями невелик, поскольку монеты одинакового типа находили на обоих памятниках. Если с приближенностью до полувека основание здания датировалось второй половиной V в., то верхние наслоения Джангальтепа можно отнести к первой половине V в., т. е. строители замка застали поселение разрушенным.

К вопросу о датировке нижних наслоений Джангальтепа мы вернемся после рассмотрения аналогичных материалов из уже названного Малого Кызтепа: там была найдена монета.

РУИНЫ ПОСЕЛЕНИЙ III—VI вв.

В зоне Чимкурганского водохранилища исследовались многие памятники III—VI вв. и многослойные памятники, в которых выявились наслоения этого времени. Ниже мы приводим их краткий обзор (рис. 1; в дальнейшем после названия памятника в скобках указан номер, под которым он нанесен на эту схему).

На расстоянии примерно 1,5 км западнее Аултепа, близ северного берега реки, находился небольшой бугор, названный нами Малым Қызтепа (1) (Девичье тепа). Другой, более крупный памятник мы назвали Большим Қызтепа.

Малое Қызтепа — бугор с пологими склонами, двухъярусный в рельефе, длиной 80 м, шириной до 55 м, овальный в плане[1]. Вышка находилась в северной части, высота ее 6 м; прилегающая к вышке площадка, условно названная двором, была вдвое ниже, высота над окружающими полями не превышала 3 м.

Верхняя площадка вышки почти полностью вскрыта раскопками. В верхнем слое, до глубины 50 см, обнаружены признаки обживания памятника в V—VI вв.: найдены фрагменты керамики этого времени, в частности кубковидных чаш. Глубже вскрыто два помещения. Более древнее из них вскрывавшееся вторым, занимало центральную часть площадки[2]. Помещение 1 пристроено к северо-восточной стене помещения 2 и вскрыто уже под восточным склоном тепа.

Помещение 2, размер 6×5,2 м, на высоту до 1 м от пола прикрыто завалом из глины с золой, углем и керамикой; много обожженной земли. Пол ровный, плотный, на нем расчищено два круглых углубления с коричневым тленом — гнезда деревянных столбов, поддерживавших перекрытие. Стены помещения сложены из кирпича размером 55×34×8 см с пахсовой прокладкой между рядами кирпича толщиной 10 см. Вдоль стен южной половины помещения сложена суфа шириной 0,7—1 м, высотой до 50 см.

[1] Кабанов С. К. Руины поселения III—V вв. в долине Қашкадарьи.— ИМКУ, вып. 6, 1965, с. 72, рис. 1.

[2] Кабанов С. К. Указ. ст., с. 73, рис. 2—3.

В помещении 1 (4, 25×3 м) также была невысокая (10—12 см) суфа, только вдоль западной стены. Над суфою стена покрыта 3—4 пластами обожженной штукатурки. Оба помещения соединены проемом.

Для исследования подстилающих пол наслоений вскрыта полоса шириной 2,5 м вдоль южной стены помещения 2, с разрезом восточной стены. Образовавшаяся траншея прорезала восточный склон тепа. Под полом помещения, на глубине всего 50 см, обнаружена кладка из сырцового кирпича в виде закругленного с наружной стороны вала, сложенного из рыхлого сырцового клиновидного кирпича размером 50—53×20—25×8—9 см. С внутренней стороны кладка образует подобие свода, от которого сохранилась лишь пята. Видимо, эта кладка была элементом субструкции здания. На глубине 1,7—2,3 м от пола помещения отмечен плотный желтый грунт, принятый за стилобат, возвышавшийся примерно на 2 м над окрестными полями.

В нижнем ярусе памятника, во дворе, заложен шурф размером 4×4 и небольшой раскоп (32 м²). В шурфе, на глубине 80 см, под довольно плотным завалом открыт пол двора. В раскопе выявлена стена комбинированной кладки из кирпича размером 45×24×9 см; видимо, эта стена относилась к последнему периоду жизни поселения, поскольку в ней обнаружен кирпич, близкий по размерам к кирпичу из Аултепа. После V—VI вв. поселение не обживалось. Много столетий спустя на верхней площадке бугра было совершено погребение воина, датированное нами IX—X вв.[3]; высказано мнение, что эта датировка занижена[4].

Рассмотрим материалы раскопок[5]. Пол помещения 2 прикрыт слоем керамики, здесь и были получены основные материалы для характеристики нижнего слоя памятника.

Сосуд типа миски с фигурным бортиком (рис. 8, *3*) — почти копия с сосуда из Джангальтепа. Отмечено много цедилок разных размеров с прямыми стенками, как и на Джангальтепа. Крупные сосуды украшены орнаментом в виде круговых волнистых линий, розеток. На один сосуд до обжига нанесен знак в виде трезубца (рис. 41).

В завале помещения 1, на полу, обнаружено три кувшинчика станковой работы; два из них (рис. 42, *1*, *2*) очень похожи на сосуд этого вида из верхнего слоя Джангальтепа (рис. 10, *1*). Особенно

[3] Кабанов С. К. Погребение воина в долине р. Кашкадарья. — СА, 1963, № 3, с. 236—240.

[4] Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники, 1966, с. 12—16. Вопрос о датировке этого погребения оказался сложным. Наиболее характерный предмет из инвентаря — стремя. Г. А. Федоров-Давыдов относит его, по типологическим признакам, к концу XII — началу XIII в. Но к какому племени в это время мог принадлежать воин-европеоид? Видимо, уточнить датировку погребения на Малом Кызтепа невозможно без дальнейшего накопления материалов.

[5] Более подробно материалы раскопок рассмотрены в названном выше опубликованном отчете автора.

наряден кувшинчик из раскопа во дворе, украшенный по вершине корпуса зигзагообразной линией (рис. 42, *4*). Но наиболее характерная его особенность — плоские плечики. Найдена серия миниатюрных сосудов, среди них поильник для детей (рис. 42, *5*).

Керамики лепной работы было немного; в основном это котлы, все в мелких фрагментах. Ручки котлов такие же, как и на сосу-

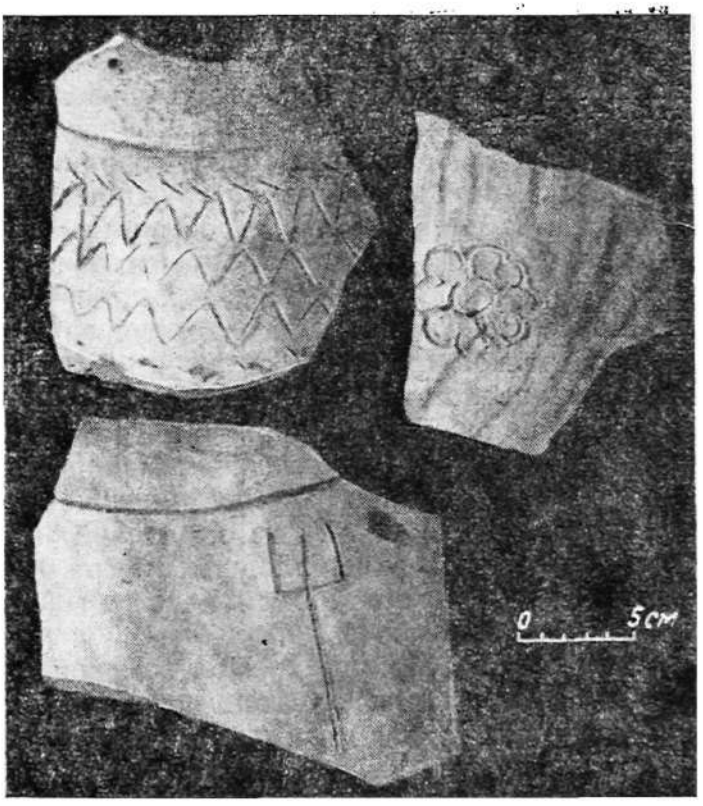


Рис. 41. Малое Кызтепа: фрагменты крупных сосудов с орнаментом и знаком.

дах из Джангальтепа. Найдена одна декоративная ручка в виде латинской буквы S. Днища котлов плоские, с почти вертикальными прилегающими стенками. Обнаружено два светильника в виде плошек. Лепные сосуды изготовляли из глины с большой примесью шамота и покрывали серым ангобом.

Найдены подвески для ткацкого станка из обожженной и необожженной глины. Подвески из обожженной глины пирамидальные, высотой около 6 см и весом 50—105 г. Подвески из необожженной глины крупнее и грубее.

Встретилась серия пряслиц или пуговиц (застежки). Собственно, только один из этих предметов можно определить как пряслице, все остальные, видимо, застежки, похожие на описанные выше пуговицы из Джангальтепа и Аултепа (рис. 35, *27—36*).

Как отмечалось выше, в формах сосудов станковой работы из Джангальтепа и Малого Кызтепа много признаков сходства. Однако примечательно, что на Малом Кызтепа не обнаружено ни одной курильницы.

В завале керамики на полу помещения 2 найдена часть изделия из кости в виде круглого полого стержня длиной 5,8 см, диаметром 2 см. Стержень разделен на две равные части перехватом с тремя кольцевыми валиками; концы также охвачены валиками. Предмет

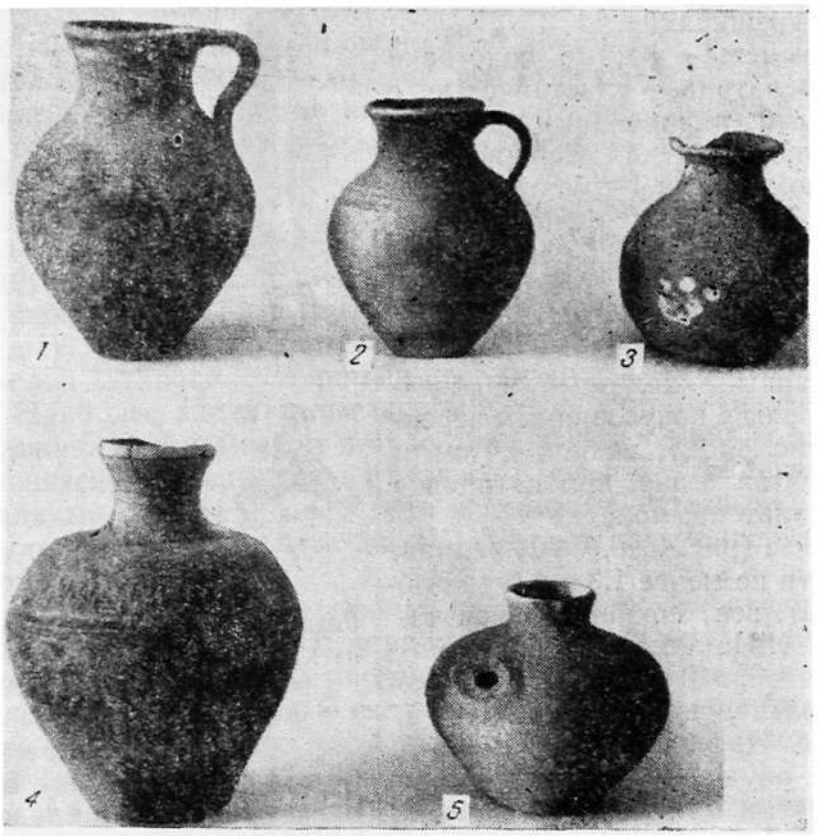


Рис. 42. Малое Кызтепа. Кувшинчики:
1—3—из помещения 1; *4—5*—из раскопа во дворе.

напоминает рукоятку из Пенджикента[6], но намного миниатюрнее; возможно, это часть рукоятки.

Особо надо отметить небольшое количество обгорелых зерен ячменя[7], лежавших кучкой, видимо, в мешочке. Найдены также зернотерки и жернова, три изделия этого вида хорошей сохраннос-

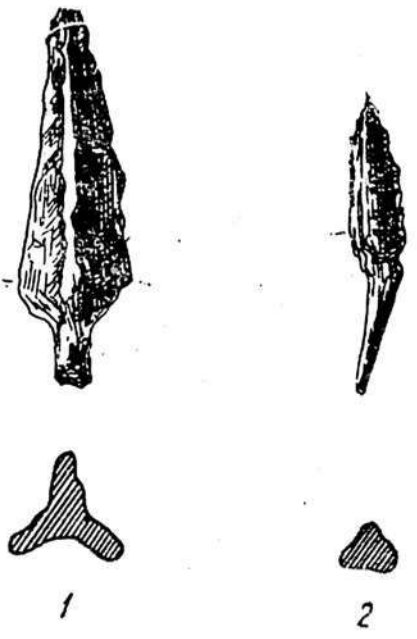
[6] Беленицкий А. М. Раскопки здания № 1 на шахристане Пенджикента (1947). — МИА, 15, 1950, с. 103, табл. 52, 2.

[7] Ячмень двурядный. Определение научного сотрудника Всесоюзного института растениеводства М. М. Якубцинера (Ленинград).

ти. Все взятые экземпляры из крупных кусков гравелита, по предположению О. И. Исламова, происходят из одной каменоломни. Кроме обычных подшестигранных терок, встретилась одна крупная из песчаника, в виде четырехгранного бруска, длиной 9 см. Более своеобразна небольшая терка в виде усеченного конуса из светло-коричневого кремнистого известняка; сверху и снизу обе плоские поверхности как бы отполированы; видимо, это пестик для толчения. Обнаружен и фрагмент оселка из глинистого сланца с отверстием для подвешивания.

Отмечены очажные подставки обычного типа — пластинчатые, с круглыми вдавлениями на широких плоскостях для стержней. На полу помещения 1 грудой лежало несколько необожженных подставок; видимо, их здесь изготовляли и обжигали уже в ходе использования.

На полу помещения 2 найден трехгранный железный наконечник стрелы с конусовидным черенком (рис. 43, 2), длиной 4,4 см. и упомянутая выше, при датировке Джангальтепа, монета.



Риз. 43. Железные наконечники стрел из Калянтепа (*1*) и Малого Кызтепа (помещение 2) (*2*).

Монета (рис. 40, *6, 7, 10*) медная, диаметр не менее 1,3 см (края обломаны), вес сохранившейся части 0,21 г. На лицевой стороне монеты изображен сидящий Зевс, лицом влево, против лица — след легенды. На реверсе изображен Геракл, держащий в правой руке палицу, опущенную вниз, а в левой, по-видимому, венок с лентами.

Монетам этого вида посвящено специальное исследование[8]. Все известные этому автору монеты (14 шт.) — серебряные: монета из Малого Кызтепа — медная. Серебряные монеты Е. В. Зеймаль датирует II—IV вв. К этому же времени можно отнести и единственную медную монету этого типа, исключив, может быть, только более ранний период — II в. Таким образом, материалы из помещения 2 можно датировать III—IV вв., что не противоречит и стратиграфическим данным. Несколько более поздним (IV — начало V в.) было помещение 1, пристроенное к центральному помещению 2. Наконец, верхний слой датируется временем Аултепа (V—VI вв.); видимо, в это время поселение, развалинами которого яв-

[8] Зеймаль Е. В. Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса. Сообщения Государственного Эрмитажа, XXXVII, 1973, с. 68—73.

ляется Малое Кызтепа, имело вспомогательное значение, так как капитальных построек на нем не было.

Из изложенного можно вывести и возраст нижних наслоений Джангальтепа. Поскольку в аналогичных наслоениях соседнего памятника найдена монета III—IV вв., то и их можно отнести к этому же времени, лишь углубив датировку до II в., так как это поселение было более крупным и могло быть основано немного раньше.

Рассмотрим материалы еще двух памятников, керамические изделия которых по облику тяготеют к Джангальтепа.

На южном берегу Кашкадарьи, против Малого Кызтепа, находился довольно крупный бугор — Сарытепа (2), состоявший из двух частей — бугра высотой около 10 м, стоявшего на краю третьей террасы и окружавшего его с трех сторон в виде полудужья вала, образовавшего в плане как бы изгиб лука, тетивой которого являлся обрыв террасы. Протяженность городища с запада на восток не более 150 м, с севера на юг 100.

В разрушенных местах вала собрано довольно много обломков керамики, при рассмотрении которой с несомненностью устанавливается двухслойность данного памятника. Древнейший слой представлен фрагментами кубков с красным лощением, чаш с плотным черным ангобом, т. е. достаточно показательным материалом, чтобы этот слой датировался первыми веками до н. э. — первыми веками н. э. Наиболее характерные керамические формы из верхнего слоя — кринки с орнаментом в виде волнистых линий и насечек, встречавшиеся в материалах из Малого Кызтепа и Джангальтепа, и чашевидные сосуды с отверстием в донышке — цедилки. Признаков культуры времени Аултепа (V—VI вв.) на этом памятнике не обнаружено.

Один из наиболее значительных памятников, выявленных во время работ Чимкурганского отряда,— Киндаклитепа[9] (рис. 1, *9*), на котором В. Д. Жуков вел раскопки в 1955 и 1957 гг. Этот памятник находится примерно в 5 км восточнее Джангальтепа; теперь лишь при высоком уровне воды водохранилище подмывает северный край памятника.

Основная особенность планировки памятника—его концентричность: округлый в плане бугор диаметром у основания 50 м, высотой 8 м, окружен круглым в плане валом, отделенным от бугра ложбиной. В целом памятник в плане круглый, диаметром 150 м.

В. Д. Жуков вскрыл центральную вышку сооружения, планировка которого и определила контуры бугра: это глинобитное здание с круглыми стенами и соответственно круглым внутри обходом, в центре его также круглое помещение; с севера к нему примыкают более поздние помещения, прямоугольные в плане.

---

[9] Жуков В. Д. Археологическая разведка Киндаклитепа.—ИМКУ, вып. 7, 1966, с. 91—103.

Сверху, над круглым помещением, снят слой, насыщенный материалами, аналогичными найденным на Джангальтепа. Наиболее характерные керамические формы — цедилки, как и на Джангальтепа, и сосуды типа глубоких мисок с фигурным бортиком[10]; встречаются сосуды типа чаш, похожие на найденные в верхней части долины Кашкадарьи, в наслоениях Хаузтепа[11]; последнее обстоятельство весьма существенно, так как указывает уже на ареал культуры Кеша.

Нижние наслоения В. Д. Жуков датирует первыми веками н. э., в них очень много фрагментов кубков. Как предполагал В. Д. Жуков, этот памятник — развалины храмового комплекса с прилегавшим поселением, окружавшим святилище.

Перейдем к рассмотрению памятников, современных Аултепа в целом или в соответствующих наслоениях многослойных памятников.

К югу от Аултепа, на берегу реки, на второй террасе, находились четыре небольших бугра с общим названием Нарайтепа (4); В. Д. Жуков[12], исследовавший эти памятники, датировал их первой половиной первого тысячелетия н. э. Несмотря на незначительность материала, его все же удалось определить по характеру керамических остатков как тяготеющий ко времени Аултепа (V—VI вв.). Это было небольшое поселение, в последнее время существования, по определению В. Д. Жукова, использовавшееся лишь временными обитателями.

Руины другого небольшого поселения — Халматтепа (6) обследовала М. Д. Корзухина. По мнению В. Д. Жукова, это поселение также использовали спорадически[13], однако довольно значительный (30—40 см) культурный слой дает основание предположить более стабильное обживание. Поселение расположено на высоком естественном останце на самом берегу реки (рис. 2, *1*, справа), примерно в 1,5 км от Аултепа.

Одним из многослойных памятников является Большое Кызтепа (11), расположенное в 4 км северо-восточнее Аултепа. Памятник двухъярусный в рельефе (рис. 44, *4*), с конической вышкой в западной части высотой 12 м и прилегающей площадкой-двором высотой до 4 м. Длина развалин по продольной оси 120 м.

Основной раскоп площадью около 250 м^2 заложен на крутом склоне вышки, а небольшой раскоп и шурф — в нижнем ярусе памятника, который условно можно определить как двор поселения. Материалы, полученные в результате раскопок во дворе, уже опуб-

---

[10] Жуков В. Д. Указ. ст., с. 99, рис. 4.

[11] Кабанов С. К. Археологические разведки в верхней части долины Кашкадарьи.— ТИИА, вып. 7, с. 93, рис. 10.

[12] Жуков В. Д. Остатки древних поселений на берегу р. Кашкадарьи. «Изв. АН УзССР», серия обществ. наук, 1958, № 2, с. 86—89.

[13] Там же, с. 89.

ликованы, здесь мы только напомним их датировку — VIII—X вв., хотя в шурфе обнаружены признаки и более древних наслоений[14].

В основном раскопе, на самой вершине тепа, обнаружены развалины позднего мазара, построенного на руинах здания V—VI вв., если судить по фрагменту из сырцового кирпича (41×25×8 см), близкого по размерам к кирпичу из Аултепа.

Целью заложения разведочного раскопа на вышке было получение стратиграфического разреза от вершины тепа до его основания с соответствующими комплексами археологических материа-

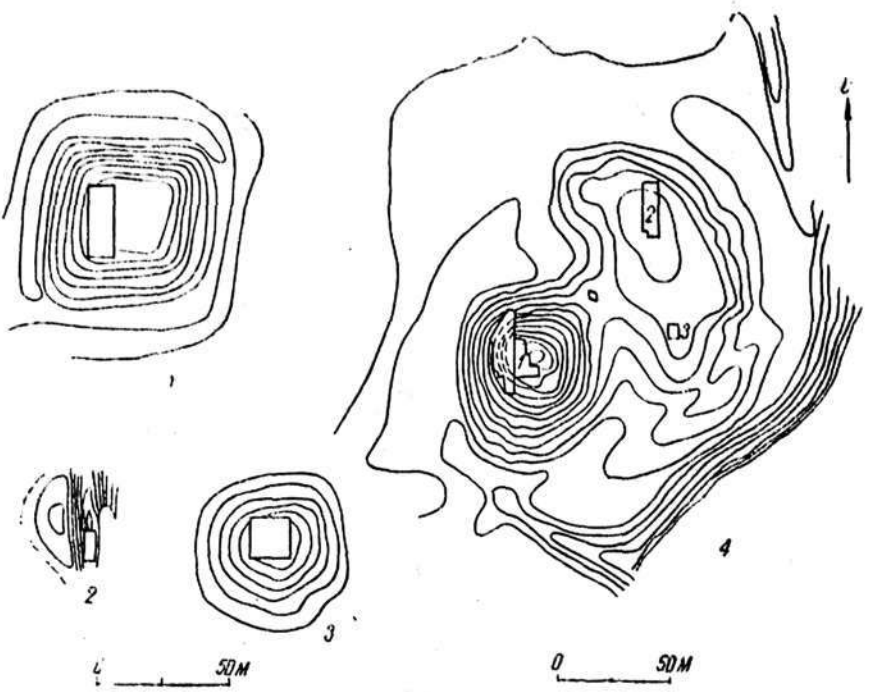


Рис. 44. Планы памятников с наслоениями V—VI вв.:
1—Таштепа; *2*—разрушенное тепа; *3*—Ирзотепа; *4*—Большое Кызтепа.

лов, которые могли бы определить время существования поселения. Поскольку раскоп был заложен на крутом склоне, в него попали лишь обломки стен (из пахсы), по которым нельзя было определить планировку руин зданий, обнаруженных на двух уровнях — до 3,5 м и с 3,5 до 8 м; на этой глубине выявлен однородный плотный грунт, видимо, стилобат сооружения. Наметилось три слоя — верхний до глубины 1 м, средний до 3,5 м и нижний до 8 м. Хотя на вершине тепа почти не сохранились наслоения VIII—X вв., этот период довольно хорошо представлен материалами раскопок во дворе. Из

[14] Усманова З. И., Кабанов С. К. К стратиграфии верхних (VIII—XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища. — ИМКУ, вып. 12, 1975, с. 106—115.

среднего и нижнего слоев, несмотря на их некоторую перемешанность, выделено два комплекса керамических материалов, определивших стратиграфию и время существования поселения.

Из древнейшего комплекса наиболее характерны кубки, наличие которых дает основание датировать его I—III вв. н. э. Найдена фигурная ножка кубка с перехватом посередине в виде кругового валика; этим она похожа на ножку кубка из шурфа на Калянтепа[15],

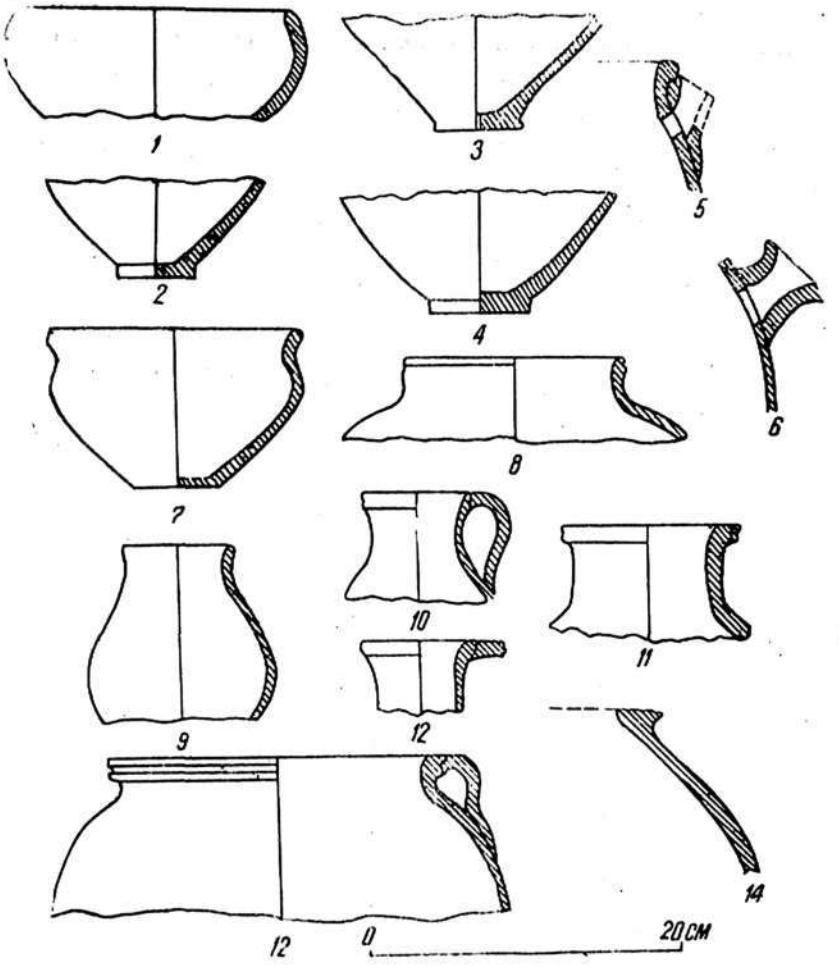


Рис. 45. Большое Кызтепа. Керамика из среднего слоя.

хотя изготовлена грубее и покрыта серым, а не красным ангобом. Отмечены и тонкостенные чаши на невысоком поддоне или без него, с широким устьем, обрамленным слегка загнутым внутрь краем. Ангоб красный, иногда темно-коричневый. Похожие чаши встречались и на Калянтепа[16].

[15] Кабанов С. К. Археологические памятники зоны Чимкурганского водохранилища, с. 81, рис. 5, *4*.

[16] Там же, рис. 5, *10—13*.

Второй хронологически определенный комплекс, полученный на глубине 1—3,5 м, по составу в основном соответствует комплексу из Аултепа: в нем есть кубковидные чаши (рис. 45, *3*, *4*), кринки со сливом под венчиком (рис. 45, *5*, *6*), кувшины с цилиндрическим корпусом (рис. 45, *10—12*). Однако есть и признаки связи с культурой Джангальтепа: кувшинчик с плавным переходом от плечиков к краю устья без венчика (рис. 45, *9*), миска с фигурным бортиком

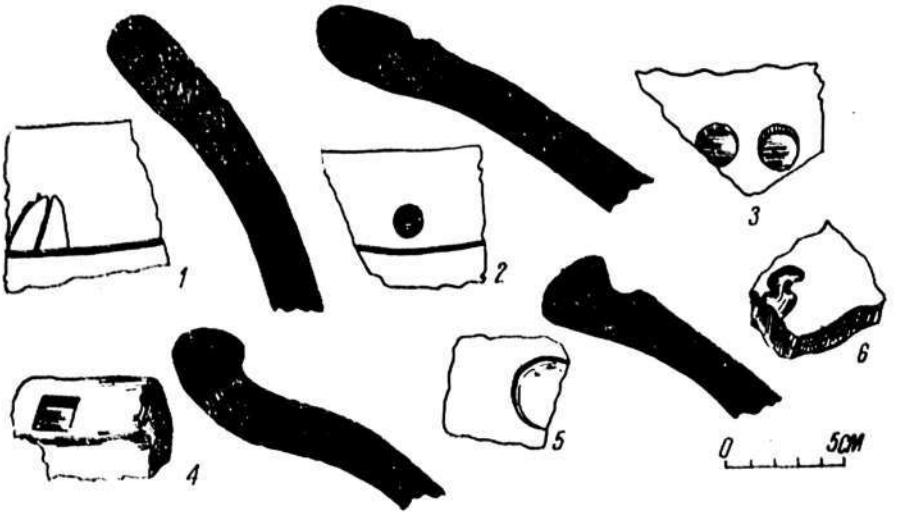


Рис. 46. Большое Кызтепа. Фрагменты хумов со знаками из среднего слоя.

(рис. 45, 7); правда, такая же керамическая форма встретилась и на Аултепа[17].

Хумы в общем похожи на сосуды этого вида из Джангальтепа и Аултепа, также с загнутым внутрь краем, отделенным от плечика ложбинкой; только один отличается слабо выраженным венчиком в виде профилированного наружу валика. Четыре фрагмента хумов найдены со знаками (рис. 46) в виде наложенных до обжига прямоугольника, кружка, подобия стрелки, S-образного знака.

Выше мы уже упоминали о знаках на сосудах из наслоений почти всех рассмотренных памятников. В чем их значение? На этом вопросе следует остановиться.

В Пенджикенте знаки найдены только на хумах, причем все обломки хумов со знаками обнаружены на участке развалин храма. Следовательно, эти знаки указывали на то, что в таких хумах содержались дары храму от отдельных лиц[18].

Все предметы мы находили в развалинах сельских поселений, из них Аултепа могло быть развалинами резиденции крупного

[17] Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарьи, с. 149, рис. 7, *15*.

[18] Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.) — МИА, 66, 1958, с. 128.

аристократа. На это указывает, кроме особой планировки, и наличие на некоторых найденных там сосудах династийных знаков. Особенность этих знаков в том, что их процарапывали или вырезали более или менее тщательно на сосудах после обжига. Что они могли обозначать на небольших сосудах — трудно предположить: возможно, ими помечались предметы личного обихода владетеля.

К династийным можно отнести и знак трезубца на хуме, обломок которого найден на Малом Кызтепа, однако это знак уже другой династии: изображение трезубца характерно для весьма широкого круга кушанских и кушано-сасанидских монет[19]. Подобные знаки на сосудах находили в Фергане[20], на Тали-Барзу под Самаркандом[21], в Гиссарской долине[22]. Найдены они и в Каршинском оазисе[23].

Про все остальные знаки на хумах можно только сказать, что они очень разнообразны и наносились на сосуд до обжига, надо полагать, по заказу. Возможно, они означали собственность отдельной семьи, сбережение зерна для посева, жертву храму, оберег.

Вернемся к материалам из Большого Кызтепа. Нам осталось описать только одну находку — монету. В комплексе среднего слоя, на глубине 2,5—3 м, обнаружена серебряная монета (рис. 40, *8—9*); диаметр ее 1 см, вес 0,32 г. Реверс вогнут. На аверсе изображена голова владетеля вправо. Черты лица нанесены схематически: глаза в виде треугольника, вершиной вниз, нос с горбинкой, губы показаны точками, усы (или складка возле рта) обозначены длинной, изогнутой вниз линией, заканчивающейся под ухом. Головной убор не различается, видны как бы пряди волос, ниспадающие на лоб и щеку. На реверсе нанесено схематическое изображение стрелка из лука во весь рост, но без головы (из-за неточно поставленного штампа).

На Тали-Барзу найден клад из 29 таких монет. Эти монеты рассмотрены в статье Е. В. Зеймаля[24], установившего, что тип монет древний (II—I вв. до н. э.), но монеты из Тали-Барзу — поздние. Монета из Большого Кызтепа отмечена в слое V—VI вв. и, видимо, по иконографическим данным, относится к этому же времени.

В результате раскопок на вышке Большого Кызтепа установлено, что поселение пережило несравненно более длительную исто-

---

[19] Массон М. Е. Происхождение безымянного «царя царей великого спасителя».— Труды САГУ, новая серия, вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3. Ташкент, 1950, с. 36.

[20] Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, с. 159—160.

[21] Беленицкий А. М. Указ. ст., с. 126.

[22] Давидович Е. А. О работах Гиссарского отряда в 1955 г.—В сб.: Археологические работы в Таджикистане в 1955 г. Сталинабад, 1956, с. 80.

[23] Кабанов С. К. Раскопки сельского поселения III—V вв. близ Карши.— СА, 1978, № 1, с. 184, рис. 6, *30*.

[24] Зеймаль Е. В. Талибарзинский клад монет с изображением лучника. Сообщения Государственного Эрмитажа, XXXIV, 1972, с. 70—75; Он же. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным.— В сб.: Культура Востока, Л., 1978, с. 208—209.

рию, чем Джангальтепа и Аултепа. В I—II вв. н. э. (возможно, и раньше) это было крупное капитальное здание с массивными глинобитными стенами. Второй значительный этап в жизни поселения четко выявляется при помощи керамического материала, аналогичного материалу Аултепа, и фрагментов стен из сырцового кирпича, близкого к размерам кирпича из Аултепа. На древних развалинах поселение продолжало развиваться до X в., а возможно, и позднее, до монгольского завоевания.

Наслоения V—VI вв. выявлены еще на одном крупном памятнике — Бурытепа (7), находившемся в 1,5 км западнее от Большого Кызтепа. В результате раскопок В. Д. Жуков установил, что памятник многослойный, существовавший, видимо, с первых веков н. э. и до начала XIII в.[25] В наслоениях Бурытепа отчетливо выявлялся слой с материалами, аналогичными комплексу Аултепа, в частности очень характерен сосуд типа энохойи[26]; встречались также кубковидные чаши и кринки со сливом под венчиком. Неожиданной была находка двух фрагментов светильников типа найденных на Шортепа, в Каршинском оазисе, с ручкой в виде изображения барана[27].

В зоне орошения канала Бирдаля обследовано еще два небольших бугра, оказавшихся развалинами отдельно стоявших домов V—VI вв. Отметим особенность плана разрушенного тепа (13) (рис. 44, *2*) и Ирзотепа (14) (рис. 44, *3*), находившихся у устья канала Бирдаля. Первоначальный вид разрушенного тепа утрачен, однако можно предположить, что он был такой же округлый в плане, как Ирзотепа. На вершине Ирзотепа К. М. Аминов вскрыл руины довольно капитального здания с массивными стенами, но очень плохой сохранности; были открыты нижние части стен двух помещений, соединенных проемом.

На южном берегу Кашкадарьи исследован только один памятник с наслоениями времени Аултепа—Таштепа (10) (рис. 44, *1*), расположенное примерно в 0,5 км восточнее Киндаклитепа. Памятник представляет собой квадратный бугор высотой 7 м; размер верхней площадки 25×25 м[28]. Раскоп площадью 22×10 м заложен вдоль западной стены поселения, как выяснилось, вдоль нее лепился целый ряд небольших помещений с тонкими стенами, продолжавшийся и вдоль северной стены. Судя по восточному разрезу раскопа, обнажившему сплошной завал с прослойками органических ос-

---

[25] Жуков В. Д. Археологическая разведка на Бурытепа в 1956 г. «Изв. АН УзССР», серия обществ. наук, 1958, № 5, с. 56—58.

[26] Там же, с. 57, рис. 4.

[27] Кабанов С. К. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв., с. 169, рис. 10.

[28] Раскопочные работы здесь вели Л. П. Матвеева и М. Д. Корзухина, их отчет хранится в архиве Института археологии АН УзССР, № 57; в составлении плана участвовал В. А. Нильсен, см.: Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966, с. 177—179. Следует добавить, что В. А. Нильсен принимал участие и в съемке плана раскопа на Киндаклитепа.

татков, в середине поселения был двор. Исследователи установили два строительных периода, для первого характерен сырцовый кирпич размером 30×30×10 см, для второго — 52×25×10 см, т. е. однотипный кирпичу из Аултепа.

Не совсем ясна связь керамического комплекса нижнего слоя Таштепа с комплексами исследованных нами памятников. Есть в нем и отдельные признаки связи с Джангальтепа, например, курильницы с шиповидным орнаментом. Однако встречаются и кубковидные чаши, видимо, попавшие сюда из верхнего слоя. Найдены даже обломки кубков, характерные для Калянтепа и соседнего Киндаклитепа. Кроме того, необычен и квадратный кирпич, не попадавшийся нам в исследованных памятниках. Все это свидетельствует о многослойности Таштепа. Как поселение основан в первые

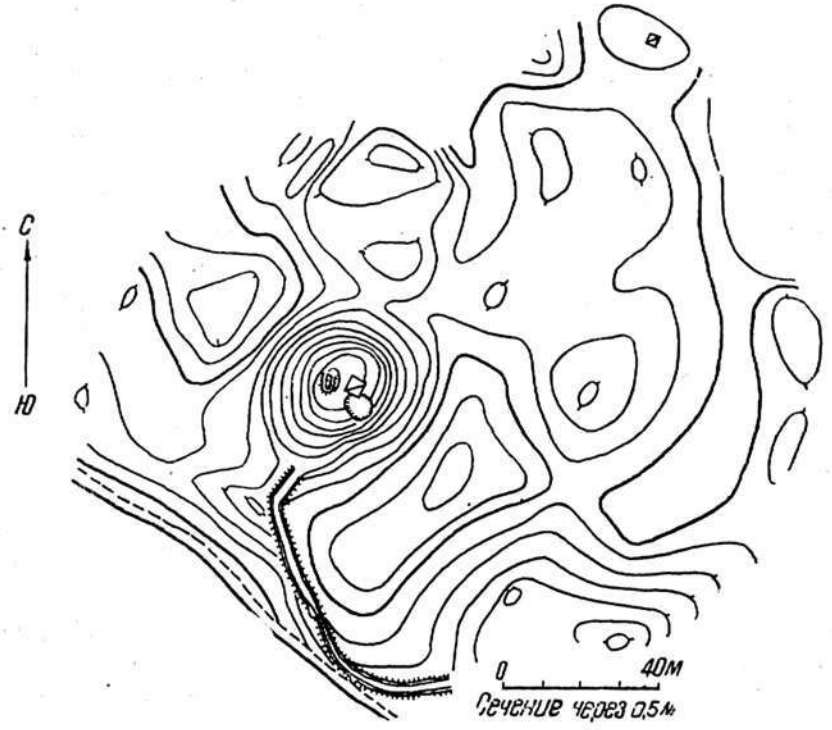


Рис. 47. Калянтепа. План.

века н. э., существовал в III—V вв., во время Джангальтепа, а затем и в V—VI вв., это был последний период жизни поселения. Установлена идентичность верхнего слоя Таштепа и комплекса Аултепа: здесь отмечены кубковидные чаши, кринки со сливом под венчиком, кувшины с цилиндрическими шейками, т. е. наиболее характерные для комплекса Аултепа керамические формы[29].

[29] Кабанов С. К. К изучению аграрного строя Согда, с. 61, рис. 6.

Таким образом, мы рассмотрели почти все памятники, на которых провели раскопочные работы. Некоторые из них (Таштепа, Киндаклитепа и Калянтепа) остались на берегу водохранилища, продолжение раскопочных работ на этих памятниках вполне возможно. Они расположены вблизи реки, но высоко, на пятой террасе. Земли древних поселений орошались одним из притоков Кашкадарьи, называемой теперь Кызылдарьей. Следов древних арыков мы не обнаружили, видимо, они полностью занесены лессовой пылью.

Из упомянутых трех памятников на пятой террасе мы кратко остановимся на Калянтепа (8), хотя оно и выходит за хронологические рамки нашей темы, предшествует этому времени. Некоторые сведения о Калянтепа приведены в другой работе[30], мы только можем немного дополнить их.

В плане Калянтепа (рис. 47) округлое, протяжением 150 м с запада на восток и 125 м с севера на юг; резко очерченных контуров оно не имеет, как бы сливается со степью. В западной части этого небольшого городища выделяется бугор высотой 3,5 м и диаметром у основания 40 м; к нему прилегают небольшие бугры, в основном с восточной стороны. Несомненно, что вышка является развалинами довольно большого здания, возле которого находилось несколько относительно небольших построек или жилых массивов. Среди них, возможно, был водоем, на что указывает довольно большая впадина в северо-восточной части городища.

Тонкостенную керамику из заложенного на памятнике шурфа (размером 4×4 м) мы уже кратко охарактеризовали в предшествующем обзоре. Дополнительно приводим описание лишь одной находки — почти целого кубка из красной глины, покрытого белым ангобом, с черным ободком вдоль края устья с обеих сторон. Кубок вытянут в высоту, ножка отбита. Его можно датировать в широких хронологических рамках: I в. до н. э. — II в. н. э.

Из толстостенной посуды отмечены фрагменты сосудов типа кринок и кувшинов хорошего обжига, покрытых обычно серым ангобом, реже красным. В шурфе найдены две подвески из необожженной глины в виде грубо слепленных дисков диаметром 6—7 см и толщиной до 3. Эти подвески использовались ткачами как грузики для основ.

Наряду с кубками весьма характерна и находка железного наконечника стрелы (часть черенка отломана), более крупного (5,7 см), чем упомянутый ранее наконечник из Малого Кызтепа (рис. 43, *1*). Установлены определенные признаки эволюции. Так, наконечник из Калянтепа крупный, трехлопастный, на Малом Кызтепа — трехгранный, небольшой. Датировка указанного наконечника стрелы та же, что и для описанного выше кубка — I в. до

---

[30] Кабанов С. К. Археологические памятники зоны Чимкурганского водохранилища, с. 81—82.

н. э. — II в. н. э. От других современных ему наконечников[31] он отличается подрезанными снизу жальцами.

Из памятников, на которых возможны археологические раскопки, отметим еще два крупных объекта — Кургантепа (15) и Чимкурган (16).

Кургантепа находится на северном берегу водохранилища, на краю совпадающих здесь обрывов 3-4 террас. Это наиболее крупный (4—4,5 га) из памятников зоны водохранилища. В. Д. Жуков,

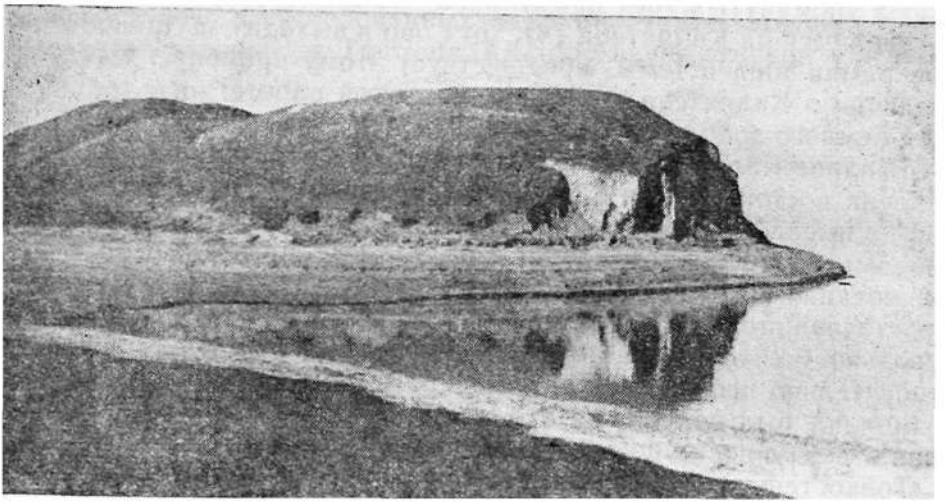


Рис. 48. Чимкурган. Вид с востока.

производивший небольшую зачистку близ поверхности этого памятника, установил, что верхний его слой датируется IX—XII вв. Видимо, в размытой части памятника была найдена древняя монета[32], показывающая, что в нем содержались и древние наслоения.

В 1971 г. мы еще раз осмотрели городище Чимкурган[33], близ одноименного кишлака, у восточного края береговой линии водохранилища. У размытой части городища (рис. 48) обнаружена россыпь керамики, среди которой преобладали фрагменты поливной

[31] Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел.— СА, 1965, № 2, с. 81, рис. 6.

[32] Ерназарова Т. С. Новые находки, зарегистрированные на территории Узбекистана в 1972 г. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 163. Памятник, на котором обнаружена монета, в тезисах назван Қызтепа II. Монета найдена Р. Х. Сулеймановым в 1971 г. Памятник, известный нам в 1955—1957 гг., под названием Кургантепа, Р. Х. Сулейманов назвал Қызтепа. Видимо, подобные явления возможны и в будущем, поскольку местное население не придает значения названиям памятников и часто называет их по-разному.

[33] Кабанов С. К. Археологические памятники зоны Чимкурганского водохранилища, с. 77—78.

керамики X—XII вв. Найдены фрагменты керамики V—VI вв. и еще более ранние — первых веков н. э. Несомненно, памятник многослойный, основная его часть, видимо, сохранится и может стать объектом крупных раскопочных работ.

К числу памятников, исследование которых можно продолжить, относятся и развалины двух поселений на южном берегу восточной части водохранилища, обследованных сотрудниками Кешской археолого-топографической экспедиции[34].

---

[34] Усманова З. И., Дресвянская Г. Я. Новые данные к изучению памятников среднего течения Кашкадарьи. Материалы по истории и археологии Средней Азии. Научные труды Ташкентского государственного университета, вып. 473, 1974, с 18—27.

ПАМЯТНИКИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

При раскопках Джангальтепа, Аултепа и Большого Кызтепа найдены немногочисленные памятники прикладного искусства, которые следует рассмотреть отдельно, как предметы, отражающие явления надстроечного порядка — искусство и культовые представления. Памятники искусства иногда встречались при археологических работах и в других частях долины Кашкадарьи, проводившихся с перерывами в 1946—1972 гг. Здесь мы приводим их общий обзор.

Основной вид памятников искусства — терракотовые изображения; вначале рассмотрим антропоморфные. В нижних наслоениях городища в Китабе[1] найдена древнейшая (II—I вв. до н. э.) из терракот, вернее, крупный фрагмент с изображением головы мужчины, верхней части груди и одной руки. Способ изготовления терракоты — комбинированный: голова в высоком остроконечном уборе изваяна при помощи штампа, грудь и рука грубой лепки. Этот скромный памятник искусства связывался с изображениями Александра Македонского на терракотах из Афрасиаба[2], что условно принимается и теперь как обозначение для терракот определенного типа[3].

Вторая по древности (I—II вв. н. э.) терракота обнаружена в противоположной части долины, на поверхности одного из памятников западной окраины Нахшеба — Кендиклитепа близ к. Камаши[4]. Сохранилась верхняя часть терракотовой плитки с барельефным изображением мужчины, выполненным штампом (рис. 49, *1*). Лицо европеоидное, с тонкими чертами: глаза в виде узких щелей между валиками, брови прямые, узкий рот обрамлен чуть заметными усами и короткой бородкой; только нос, видимо, грубо подправлен от руки. Головной убор плоский, складчатый, с двойным вали-

---

[1] Кабанов С. К. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе. — ИМКУ, вып. 3, 1962, с. 47—48.

[2] Веселовский Н. И. Греческие изображения на туркестанских оссуариях. Известия археологической комиссии, вып. 63. Петроград, 1917, с. 65—66.

[3] Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977, с. 78—82.

[4] Кабанов С. К. Нахшеб., с. 63.

ком впереди в виде диадемы и с кистью справа, прикрывающей ухо. Шея обрамлена рельефной оторочкой одежды и слабо различается, правое плечо слегка выдвинуто вперед и прикрыто рубчатой тканью, плохо видна часть согнутой в локте и положенной на грудь руки с каким-то предметом. Оттиск сделан на плитке серого цвета, без ангоба.

Рис. 49. Терракотовое изображение мужчины (фрагмент) из наслоений Киндаклитепа (*1*) и фрагмент хума с антропоморфным оттиском из среднего слоя Большого Кызтепа (*2*). Слева — прорисовка.

По некоторым признакам профиль описанного лица напоминает изображенного на монете «варварского» Гелиокла[5], прежде всего — головным убором, почти закрывающим лоб, складчатым, перетяну-

[5] Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. Труды ЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад, 1949, с. 338, рис. 9.

тым у основания диадемой. Оба изображения горбоносы, но черты лиц не схожи: на терракоте из Нахшеба изображен человек, находящийся в глубокой задумчивости[6], лицо Гелиокла невыразительное, одутловатое.

По головному убору описанную терракоту можно сопоставить с найденной близ к. Тупчак Китабского района, в предгорной местности. В ней также складчатый головной убор, закрывающий лоб и уши, но без диадемы; вместо нее — узкий валик[7]. Черты лица переданы грубее, более рельефными валиками. Если лицо, изваянное на плитке, можно принять за лицо знатного человека, то на терракоте из предгорий изображен скорее суровый воин.

В перемешанном среднем слое V—VI вв. Большого Кызтепа найден обломок толстостенного сосуда с двумя круглыми оттисками, один из которых с неясным изображением сохранился частично. На другом оттиске (рис. 49, *2*), диаметром 2,5 см, различаются три человеческие фигуры — мужчина и женщина, обращенные лицом друг к другу, и стоящий за женщиной ребенок. Видимо, это известный мифологический сюжет, изображающий Эрота и Психею[8]. По сюжету оттиска черепок можно было бы отнести к эллинистическому времени (III—I вв. до н. э.), но нахождение его в слое V—VI вв. не позволяет уверенно датировать его этим периодом. Черепок желтого цвета, без ангоба.

Более позднюю группу антропоморфных терракотовых изображений можно датировать в широких хронологических рамках III—VI вв. н. э. К древнейшим из них можно отнести две женские статуэтки. Одна из них — женский бюст на стерженьке[9] (голова не сохранилась). Изображение вылеплено довольно грубо: руки в виде изогнутых валиков приложены к груди. На шее ожерелье (гривна?) в виде невысокого валика. По положению рук этот образ находит наиболее близкую аналогию в древне-согдийской терракоте, датированной В. А. Мешкерис второй половиной I тысячелетия до н. э.[10] Описанная выше терракота найдена на Мудинтепа в слое III—IV вв. н. э. Известно, что этот образ, связанный с культом богини плодородия или матери-природы, широко представлен в коропластике и существовал столетия[11].

Второе терракотовое изображение женщины в длинном платье, также датируемое III—IV вв., найдено на Коштепа II[12]. Лепка грубая, голова и руки не сохранились (рис. 50, *1*). Платье перех-

---

[6] Кабанов С. К. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. — ВДИ, 1956, № 2, с. 171, рис. 15.

[7] Кабанов С. К. Две терракоты из долины Кашкадарьи.— ИМКУ, вып. 3, 1962. с. 55—56.

[8] Marshall J. Taxila, vol. III. Cambridge, 1951, pl. 207, 11—119.

[9] Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г., с. 103.

[10] Мешкерис В. А. Коропластика Согда, с. 10—12, табл., 1. *1*.

[11] Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965, с. 71—73.

[12] Кабанов С. К. Нахшеб..., с. 53.

вачено поясом необычно высоко — под мышками; пояс широкий, украшенный насечкой. Выше пояса — налеп в виде закругленной снизу пластинки с выступом в середине и миниатюрными дисками по сторонам. Видна часть шейного украшения в виде валика с насечкой (гривна).

Терракота слеплена из глины с примесью шамота, обжиг неравномерный, ангоб плотный, желтоватый. Высота сохранившейся части терракоты 7,2 см. В этой терракоте характерны высоко поднятый пояс и поверх него налеп, изображающий, надо полагать,

Рис. 50. Терракотовое изображение женщины (фрагмент) из наслоений Коштепа 2 (*1*) и терракотовое изображение головы женщины из наслоений Дагайтепа (*2*).

ожерелье. Именно эти особенности убранства отмечены в гимне Авесты, посвященном Ардвисуре Анахите, где она изображена девушкой, высоко подпоясанной, с ожерельем на шее[13]. Следовательно, это также культовый канонизированный образ, переживший столетия.

На Дагайтепа[14], в завале VIII—IX вв., найдено терракотовое изображение головы женщины в высоком уборе, широкими продольными валиками ниспадающем на лоб. Или это была такая при-

[13] Пугаченкова Г. А. Жигатепе (раскопки 1974 г.),— В сб.: Древняя Бактрия, вып. 2. М., 1979, с. 88.

[14] Кабанов С. К. Нахшеб..., с. 32—37.

ческа? Лицо европеоидного типа, асимметричное, с большими глазами (рис. 50, *2*); крутые брови, широкий у основания нос, полные губы. В отличие от описанных выше изваяний женщин, выполненных, несомненно, сельскими умельцами от руки, эта терракота — изделие весьма квалифицированного мастера-художника, сумевшего придать лицу женщины выражение грусти; собственно, могла быть использована форма-штамп, изготовленная городским масте-
8

Рис. 51. Терракоты из наслоений Шортепа:
1—из раскопа во дворе; *2*—из подъемного материала.

ром. Возможно, эта терракота также III—IV вв., поскольку в основе Дагайтепа лежат наслоения этого времени.

Произведением городского мастера являются и две терракоты из Шортепа[15], одна из них найдена в раскопе (рис. 51, *1*), в слое V—VI вв., другая — среди подъемного материала (рис. 51, *2*); обе изображают одно и то же лицо, но выполнены разными штампами — случай довольно редкий. Терракота из раскопа лежала под жженым кирпичом, положенным как бы с намерением сохранить ее. Терракота хорошей сохранности, отбита только приподнятая вверх правая рука. Эту терракоту следует описать подробно.

Изображение мужчины в роскошной одежде, отштампованное на тонкой глиняной плитке. Мужчина сухощавый, с крупной голо-

[15] Кабанов С. К. Нахшеб..., с. 28—30.

вой, с лицом европеоидного типа; большие глаза, резко выраженные брови, полные щеки, массивный подбородок; нос сохранился плохо. Левая рука, непропорционально тонкая, опущена на рукоять меча: человек вроде опирается на вертикально опущенный перед ним меч. Правая рука сохранилась до локтя: видимо, кисть руки была поднята вверх, до уровня лица.

В терракоте запечатлена владетельная особа, об этом свидетельствует корона в виде широкого ободка, украшенная насечкой и бахромой; верх короны разработан в виде трех закругленных выступов — крупного в середине и невысоких по сторонам; видимо, была мантия, прикрывшая уши. В костюме различаются четыре предмета одеяния. Сверху длинная легкая накидка, под ней — кафтан, тоже длинный, до колен, из тяжелой ткани, видимо, парчовый, бугорчатый. Кайма кафтана на груди украшена крупными бугорками, несомненно, ювелирными украшениями. Обшлага рукавов до локтя в тяжелой вышивке, в виде сплошного ряда колец; выше локтя рука перевязана широкой лентой. Пояс, видимо, был отягощен крупными ювелирными украшениями — он оттянут вниз. В широком вырезе кафтана на груди видна рубашка с поперечными рядами крупных бугорков: рубашка была парчовая или золотошвейная. На ногах — складчатые, видимо, мягкие сапоги до колен.

Обжиг плитки хороший, до придания глине красного цвета, вся поверхность покрыта желтовато-белым ангобом. Высота изображения 11 см, толщина плитки до 0,9 см.

Это же лицо показано и на второй терракоте, найденной в комке глины, упавшей с вышки: то же лицо, те же корона и меч, находящийся в том же положении. Одежда дана более обобщенно, без передачи деталей, однако такие подробности, как украшения на поясе, рубчатая кайма кафтана, лента на рукаве выше локтя, показаны вполне отчетливо. Нижняя часть терракоты отбита. Изображение отштамповано на более массивной (толщиной 1,6 см) плитке хорошего обжига; почти вся ее поверхность покрыта желтым ангобом. Высота сохранившейся части терракоты 7 см.

Находки двух изображений владетельной особы в короне свидетельствуют о том, что это лицо было значительным, играло видную роль в истории оазиса и оставило после себя долгую память.

Ранее мы считали, что на этих терракотах изображен один из кидаритов[16]. Однако теперь появились новые данные, позволяющие высказать и другое предположение. Выше отмечена такая деталь в одежде владетеля, как повязка поверх локтя. Такая же повязка показана и на культовых изображениях в росписях храмов в городе Дура-Европос, на западе Парфии[17]. Теперь выясняется, что и Нахшеб имел некоторое отношение к Парфии; в III—IV вв. в нем пра-

---

[16] Кабанов С. К. Там же, с. 173.
[17] Schluberger D. L'Orient Hellemise. Paris. 1970, p. 72, 111.

вили владетели из аршакидской династии[18]. Но вот перед нами находки изображений царственной особы с деталью убранства в одежде, характерной для парфянских культовых изображений. Возможно, что и наши терракоты имели культовое значение, поэтому так долго сохранялись.

Нам осталось отметить еще три антропоморфных терракотовых изображения, найденных в различных частях Южного Согда.

На Намазтепа, расположенном в к. Бирдаля, западнее Чимкурганского водохранилища, обнаружено терракотовое изображение головы мужчины с широким овалом лица европеоидного типа[19] — слегка покатый лоб, тонко очерченные глаза, узкий рот, немного выступающий подбородок. Пышные усы переданы тонкими поперечными валиками. Характерен головной убор, складчатый, с двумя крупными выступами в середине, в виде зубцов; от основания выступов до середины лба опущены два стерженька-украшения.

Терракота красного цвета с налетом желтого ангоба. Датировать ее можно только в широких хронологических рамках — первой половиной I тысячелетия н. э.

В верхней части долины, близ Шахрисабза, найдена плитка со штампованным изображением человека во весь рост, с необычайным головным убором в виде почти смыкающихся вверху рогов и палицей в руке[20]. Предполагалось, что это памятник времени кушан[21]. Однако в настоящее время выясняется, что такого рода плитки — один из новых типов художественной коропластики, возникший не ранее V в. н. э.[22]

Перейдем к рассмотрению зооморфных терракотовых изображений. В нижнем слое Джангальтепа найдено терракотовое изображение фантастического зверя о двух головах, находящихся по обе стороны тулова (рис. 52, *1*). Как и все изделия лепной работы, эта терракота слеплена из глины с большой примесью шамота, сверху покрыта серым, с желтоватым оттенком ангобом. Поверхность бугристая, со следами пальцев мастера. Сохранность терракоты не полная: имеется признак седла, следовательно, был и всадник; полностью сохранилась лишь одна нога. Туловище продолговатое, напоминает туловище коня, ноги почти цилиндрические, напоминают слоновьи. Одна из голов похожа на голову змеи, другая — черепахи, причем на шее каждой головы — шиповидный выступ вверх. Длина изображения 21 см, высота 11. Нельзя не отметить, что грубость изготовления терракоты была нарочитой, мастер уверенно лепил знакомый ему образ. Терракоту можно датировать III—IV вв.

---

[18] Кабанов С. К. Нахшеб..., с. 110—116.

[19] Кабанов С. К. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв. — СА, 1966, № 3, с. 59, рис. 4. Терракоту нам передал преподаватель местной школы Н. Каримов.

[20] Кабанов С. К. Две терракоты из долины Кашкадарьи, с. 54—55.

[21] Там же, с. 55.

[22] Мешкерис В. А. Коропластика Согда, с. 60.

Изображение двуглавого чудовища, кажется, вводит нас в широкий круг мифологических сказаний, связанных с идеологическими и космогоническими представлениями, порожденными еще в условиях древнейшего общества с его дуально-фатриальным делением[23]. Тема двуглавого чудовища довольно редка в коропластике Средней Азии. В Каршинском оазисе, на Шортепа, найдена ручка крышки в виде двуглавого животного, видимо, собаки и барана[24]. Эта находка датируется V—VI вв. Более древней (II—I вв. до н.э.) явля-

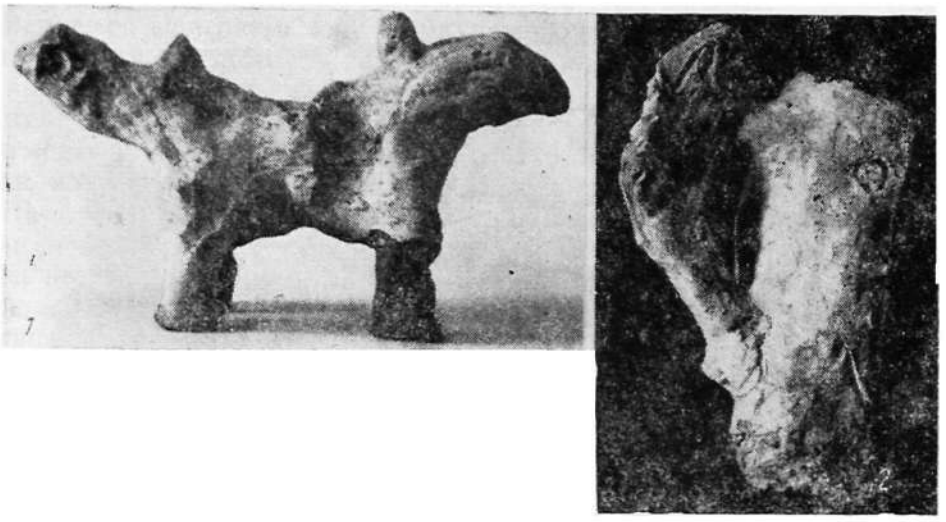


Рис. 52. Двуглавое чудовище из нижних наслоений Джангальтепа (*1*) и зооморфная ручка кувшина из верхнего слоя Джангальтепа (*2*).

ется терракота из городища Кей-Кобад-шах, на юге Таджикистана, также изображающая чудовище о двух головах[25]. Тулово его очень короткое, места для седла на нем нет. Все эти изображения имеют свои особенности, раскрытие их семантики — дело дальнейших исследований.

Из памятников прикладного искусства в верхних слоях Джангальтепа (IV—V вв.) найдено два предмета — фрагмент кувшина с зооморфной ручкой (рис. 52, *2*) и терракотовая голова коня. Ручка грубо слепленная, пластинчатая, с навершием, которое можно принять за схематизированное изображение головы животного.

Голова коня из желтой глины, покрыта плотным красным ангобом. Изображение схематичное: короткая голова с глазами, пока-

[23] Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 282—307; Литвинский В. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы, с. 97—98, 113—126.

[24] Кабанов С. К. Археологические раскопки на Шортепе близ Карши.— «Изв. АН УзССР», 1954, № 1, с. 90, рис. 16.

[25] Мандельштам А. М. и Певзнер С. В. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.—МИА, 66, 1958, с. 301—307.

занными круглым врезанным валиком, рот — в виде прорези, уши пластинчатые. Быть может, наиболее характерной деталью является султан в виде конического выступа. Шея непомерно массивная.

На Коштепа II, синхронном Джангальтепа, найдено три зооморфных изображения, одно из них — статуэтка коня, два других — навершия на ручках светильников.

Изображение коня с седлом: тонкое туловище, массивная шея, пластинчатая голова; ноги отбиты. Седло глубокое, двубортное, с закругленными выступами по краям. Откинутые назад поводья

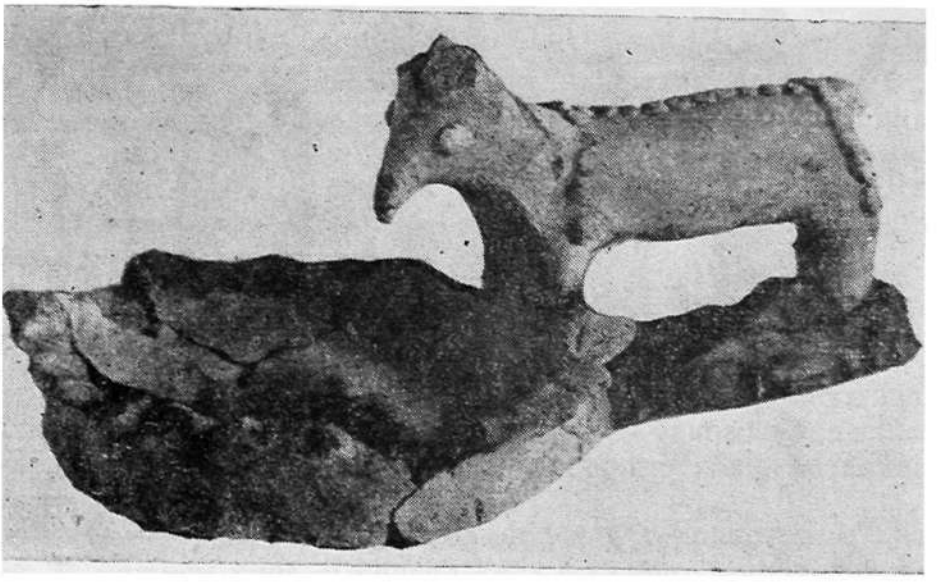


Рис. 53. Коштепа II. Светильник с ручкой в виде изображения барана.

изображены двумя рядами круглых налепов; такие же налепы в виде украшения наложены на гриву. Терракота из красной глины, покрыта желтым ангобом.

Навершия на ручках светильников в виде изображения барана встречались ранее на Шортепа и Пирмат-бабатепа[26], однако один из светильников из Коштепа II самый «нарядный», его мы опишем подробно.

Светильник — округлый сосуд в виде плошки с невысоким зубчатым бортиком и ручкой в виде горизонтального стержня, на котором вылеплено изображение барана с непропорционально удлиненным туловищем (рис. 53). Голова на массивной шее, с приостренной мордой: глаза — в виде круглых налепов; такие же налепы в качестве украшений нанесены на лоб, между рогами (обломаны) и на затылке. Вдоль спины виден продольный ряд таких же круглых налепов с ответвлениями от этого ряда к конечностям. Передние ноги животного закреплены на бортике, голова нависает над

[26] Кабанов С. К. Нахшеб..., рис. 13, *26*, *33*.

резервуаром для масла. Сосуд слеплен из тонко промешанной глины с небольшой примесью шамота; ангоб серый, с зеленоватым оттенком; часть внутренней поверхности бортика ошлакована. Длина всего светильника с ручкой 20 см, диаметр резервуара 11, высота бортика 3 см. Второй светильник сохранился плохо, голова изображения отбита, осталась только пластинчатая шея.

Находки светильников с зооморфными ручками весьма знаменательны; их значение мы уже пытались выяснить[27]; ниже, в заключительной части, мы еще остановимся на этом вопросе.

Вернемся еще раз в зону Чимкурганского водохранилища, где нам осталось рассмотреть памятники прикладного искусства, найденные в наслоениях Аултепа и Большого Кызтепа. Из наслоений Аултепа отметим четыре находки. На полу помещения 4 найдены фрагменты глиняного изделия в виде неправильного полого полушара, на внешней поверхности которого вылеплена морда некоего фантастического зверя с едва намеченным носом, крупными выпуклыми асимметрично расположенными глазными яблоками, стоячими, как у кота, ушами и прядями волос в виде валиков, ниспадающими на лоб (рис. 54, *1*). Диаметр этого полушара 5,5 см; возможно, это был налеп на сосуд.

На полу северного сектора коридора, против входа в здание, обнаружен небольшой фрагмент глиняного изображения другого фантастического зверя, с широким носом на плоской морде, глазами в виде кружков и с челкой, ниспадающей на лоб в виде трилистника (рис. 54, *2*); раковины ушей обращены вперед, над ушами налепы в виде овалов с углублениями, создающие впечатление изображения гривы; в целом похоже на голову льва; к сожалению, нижняя часть изображения не сохранилась. Описанное изделие — массивное, цвета хорошо обожженного кирпича — не могло быть налепом на сосуд; возможно, это часть скульптурного украшения. С лицевой стороны оба изображения покрыты серым с желтым оттенком ангобом.

Второе из описанных изображений, как нам кажется, поддается определенной интерпретации в аспекте раскрытия его семантики. Поскольку его можно определить как часть скульптурного украшения, то напрашиваются аналогии ему в памятниках Пенджикента в росписи и на глине[28], эти изображения служили в качестве оберега «киртимукхи», восходящие к культу Шивы. В росписи такой оберег изображен над дверью, ведущей в башню. Возможно, что этот, найденный нами вблизи входной двери фрагмент — часть подобного же изображения над входом в здание, развалинами которого являлось Аултепа.

---

[27] Кабанов С. К. Поздние кушаны в Нахшебе. — ВДИ, 1973, № 3, с. 165—168; Он же. Нахшеб..., с. 118—119.

[28] Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.), с. 149—150; Мончадская Е. А. Глиняный налеп с Пенджикентского оссуария (к вопросу об оберегах в Средней Азии). Труды АН ТаджССР, с. 120. Сталинабад, 1960, с. 125—132.

В южном конце западного сектора коридора обнаружено несколько фрагментов примитивных лепных фигурок из необожженной глины, одна из них, сохранившаяся почти целиком, изображает всадника на ослике; фигура человека несоразмерно большая; по-видимому, это гротеск-игрушка. Высота изображения 5 см.

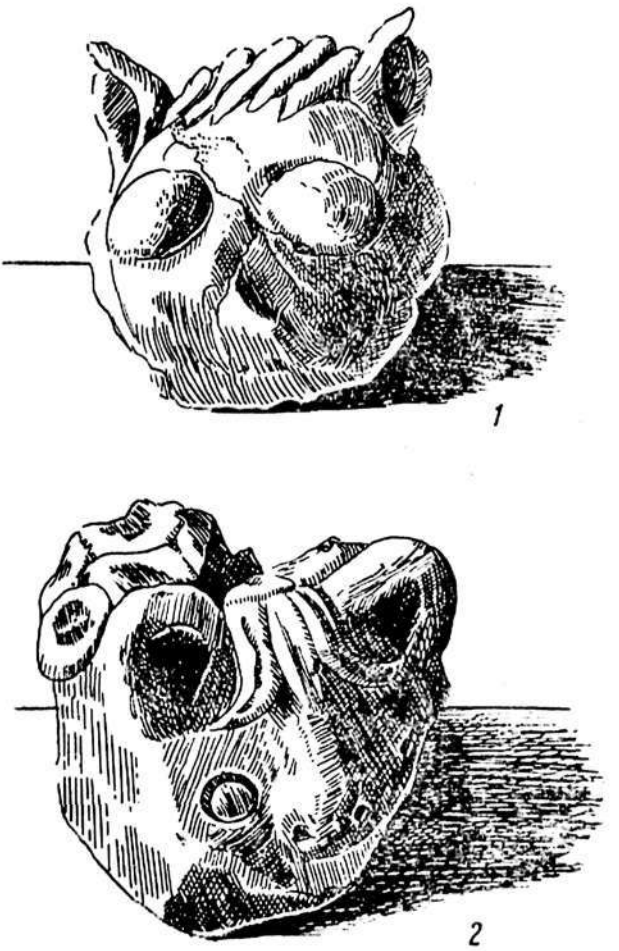


Рис. 54. Аултепа:

1—налепное украшение сосуда; *2*—изображение головы льва (оберег ?).

В помещении 6 на полу найден фрагмент кубковидной чаши с двумя сохранившимися штампованными изображениями павлина, вписанными в овал (рис. 55, *1*) и нанесенными около донышка в виде орнаментального ряда.

Комплекс из среднего слоя Большого Кызтепа, как мы уже видели, синхронен Аултепа, в нем также отмечено несколько памятников прикладного искусства, наиболее значительный из которых — глиняный диск с изображением птицы; собственно, удалось

собрать из фрагментов только половину диска, напоминающего крышку крупного сосуда (рис. 56). Диск из недостаточно промешанной пористой глины, обжиг сильный, до придания глине розового цвета, ангоб серый. Обе стороны плоские, толщина диска 2 см, диаметр 35 см.

До покрытия лицевой поверхности ангобом на левой стороне диска резцом с закругленным острием нанесено изображение птицы с округлым туловом, вытянутой вверх длинной тонкой шеей,

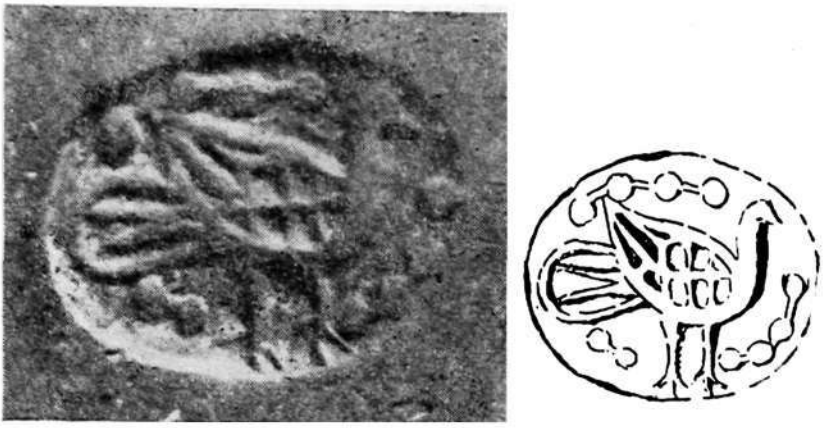


Рис. 55. Штампованное изображение павлина на кубковидной чаше из наслоений Аултепа.

небольшой головой, увенчанной гребешком в виде полудужья с нимбом мелкой насечки. Хвост в виде круто загнутой вверх и вперед скобы, как у петуха. Изображение выполнено четкими, уверенно нанесенными линиями. Излом найденной части диска проходит по нижней части туловища птицы, ноги ее не сохранились.

Около края диска, перед клювом птицы, и с противоположной стороны, также около края, сделано два налепа в виде собачьих ушей, раковинами обращенных внутрь, в сторону птицы. Эта находка дает возможность в некоторой мере осветить идеологические представления согдийцев, древних обитателей рассматриваемых поселений.

В статье Г. В. Григорьева о происхождении некоторых элементов орнамента в изобразительном искусстве народов Средней Азии[29] приведен обширный и убедительный материал о тотемистических представлениях, еще существовавших в классовом обществе. Нас в данном случае интересуют некоторые моменты прослеженной им эволюции синкретического образа фазан — петух — павлин в культе древних земледельческих народов. Петух в Авесте это «герольд» доброго духа, защищающего мир от де-

[29] Григорьев Г. В. Тус-тупи. К истории народного узора Востока.— «Искусство», 1937, № 1.

монов ночи; он возвещает его приход, прогоняет злых духов и темноту, заставляет человека рано вставать[30]. Петух предназначался также для жертвоприношений[31].

В более поздние этапы развития классового общества, по мнению Г. В. Григорьева, место петуха в культовых представлениях зороастрийцев занял павлин[32].

В свете изложенного становится несомненным, что найденное нами изображение является не вольным произведением художника, а устойчивым образом из зороастрийского культа на послед-

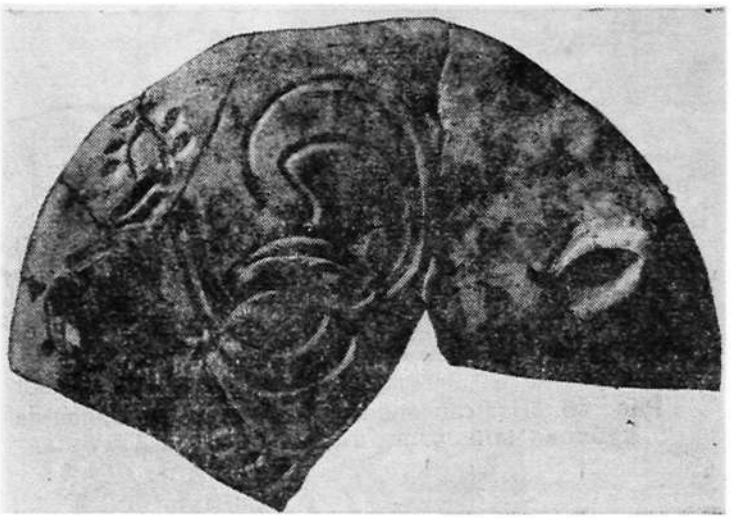


Рис. 56. Большое Кызтепа. Глиняный диск с изображением птицы.

ней стадии его развития: оно должно было играть роль оберега для глиняного столика, как можно предположительно определить описанный диск (в фрагменте). Подобные столики, более крупных размеров, найдены в Пенджикенте[33]. Однако не исключено, что эта была крышка хума.

Выше отмечалось, что ножки столика (или налепы на крышке хума) имели вид ушей собаки. Видимо, это не случайно: по представлениям зороастрийцев, «собака является сотрудницей петуха в борьбе со злыми духами и колдунами»[34]. В этом свете возможно еще одно сопоставление. На обломке одной из кубковидных чаш,

---

[30] Там же, с. 131.

[31] Мухаммед Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897, с. 33.

[32] Григорьев Г. В. Указ. ст., с. 134.

[33] Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). Труды Таджикской археологической экспедиции, т. IV.—МИА, 124, 1964, с. 291—292, рис. 35.

[34] Иностранцев К. Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья. Записки Восточного отделения археологического общества (ЗВО), т. XVIII. Спб., 1908, с. 205.

найденном в наслоениях Большого Кызтепа, около донышка, овальным штампом нанесен медальон, в который вписано два изображения собаки, весьма схематические, с головами, обращенными в противоположные стороны. Сюжет этого медальона сопоставим с изображением павлина на кубковидной чаше из Аултепа; назначение их одно — охрана содержимого сосуда.

Найден еще один предмет с изображением, возможно, также имевшим значение оберега. На пирамидальную подвеску для ткацкого станка до обжига острием нанесен с двух сторон орнамент в виде опущенных от вертикального стержня прямых линий. С двух сторон уже после обжига грубо процарапаны схематические изображения птиц: тулово их выписано в виде полуовала, с прямой верхней линией, ноги, хвост и крылья показаны штрихами. Подвеска крупная: высота 10 см, длина стороны квадратного основания 5,2 см, вес 230 г.

Выше рассмотрены памятники искусства весьма разнообразные, но изготовленные из одного материала — глины; из других материалов найдено всего три: один на камне и два на кости.

Подвеска из песчаника, дисковидная, диаметр ее 8,5 см, толщина в центре 3,5 см. На лицевой стороне подвески сделано ромбовидное углубление, в которое вписано выполненное в технике гравировки изображение джейрана. Животное показано в прыжке, в момент отталкивания от земли, с подогнутыми передними и занесенными вперед задними ногами. Тулово тонкое, изогнутое, голова обращена назад. На шее повязана лента, что указывает на культовое назначение предмета. Изображение вытянуто в высоту: видимо, стремление художника вписать изображение в раму определило некоторую условность рисунка (рис. 57, *1, 2*).

Загадочно само назначение предмета: что диск подвешивался, видно из наличия отверстия над медальоном с изображением, однако камень довольно тяжел (около 250 г), и вряд ли его можно было носить в качестве украшения или талисмана.

Подвеска найдена на Шортепа близ Карши, где были обнаружены и описанные выше две терракоты с изображением владетеля, в раскопе во дворе, недалеко от места, где под кирпичом взята одна из терракот.

Круглая пластинка из кости или рога, кремового цвета, диаметр 2,3 см, толщина 0,9 см. На одной стороне пластинки выгравировано изображение коня, на другой — крупного хищного животного, вероятно, гепарда (рис. 58). Прорезающее пластинку по диаметру круглое отверстие дает основание предположить, что она предназначалась для ношения на шнуре в качестве талисмана. Пластинка найдена в наслоениях Кафыртепа[35] на глубине около 2 м от поверхности вышки. По сопровождающему материалу (пластинка взята из шурфа) ее можно датировать VI—VII вв., если только она не попала в этот слой случайно из более древних наслоений.

[35] Кабанов С. К. Нахшеб..., с. 50—51.

На Айтугдытепа отмечена расческа из кости с изображением лучника (рис. 59)[36]. Она изготовлена из обломка ребра крупного животного, длина сохранившейся части 9,3 см. До вырезывания зубьев расческу украсил искусный художник-гравер. На одной стороне кости тонкими линиями нанесен рисунок стрелка́ из лука, наклонившегося вперед, с усилием натягивающего тетиву; изображение полустерто, однако черты лица — глаза, прямой нос — различаются хорошо. Туловище показано схематически, в виде двух сходящихся к узкой талии линий. Правой рукой согнутой

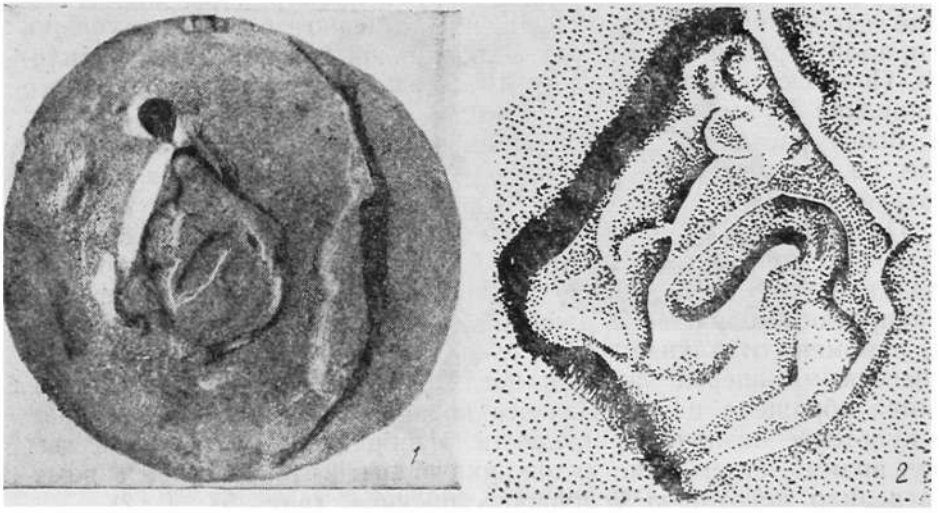


Рис. 57. Шортепа:

1—каменная подвеска с изображением джейрана; *2*–изображение на подвеске (прорисовка Г. Н. Никитина).

в локте, стрелок натягивает тетиву, кисть — чуть ниже подбородка. Левая рука вытянута вперед, кисть охватывает рукоять оружия. Лук пятичленной формы кушано-сасанидского типа[37]. Конец расчески перед стрелком обломан, другой ее конец с обеих сторон украшен полоской орнамента в виде зигзагообразной линии, образующей треугольники, в которые вписаны полудужья. Расческа с изображением лучника найдена в верхнем слое развалин поселения, датированном VII в. н. э.

Наконец, опишем еще одну находку из глины, самую позднюю, привнесенную в средневековье из древности.

Обломок керамической плитки с изображением мифической собаки-птицы — сэнмурва (рис. 60). Изображение нанесено плоским штампом на слегка вогнутой поверхности обломка керами-

[36] Кабанов С. К. Айтугдытепе. — ИМКУ, вып. 9, 1972, с. 73—88.

[37] Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии.— СА, 1966, № 4, с. 66—69.

ческого изделия из розовой, хорошо промешанной и обожженной глины; лицевая поверхность покрыта тонким слоем серого ангоба. Толщина обломка 1,9—2,2 см, размер изображения 6 см.

Рис. 58. Кафыртепа. Костяная (из рога?) пластинка с изображением гепарда и коня.

Изображение сэнмурва схематично, в общем облике являет собой скорее протому птицы, чем собаки, обычной для изображе-

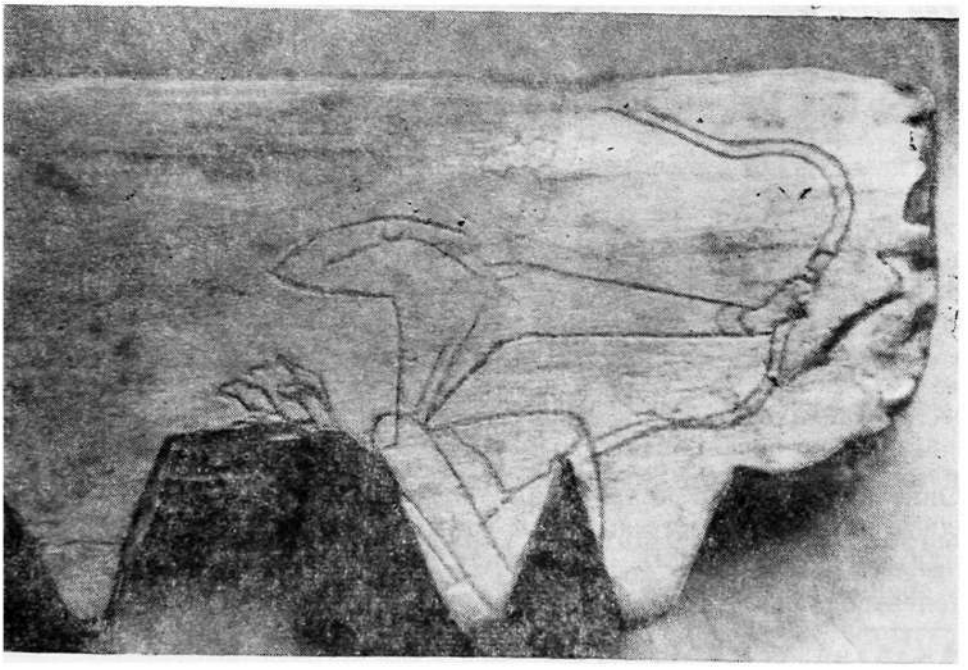


Рис. 59. Айтугдытепа. Изображение стрелка из лука на кости.

ния сэнмурва времен Сасанидов. Черты собаки относительно ясно прослеживаются в изображении головы, несколько удлиненной, со стоячими ушами; оскаленная пасть только слегка намечена вогнутой линией. Глаз, показанный овалом с точкой, расположен

низко и несоразмерно велик. Неясно значение кружка с точкой под правым ухом; возможно, так условно показан второй глаз. В изображении туловища при всей схематичности можно различить шею, зоб и хвост птицы.

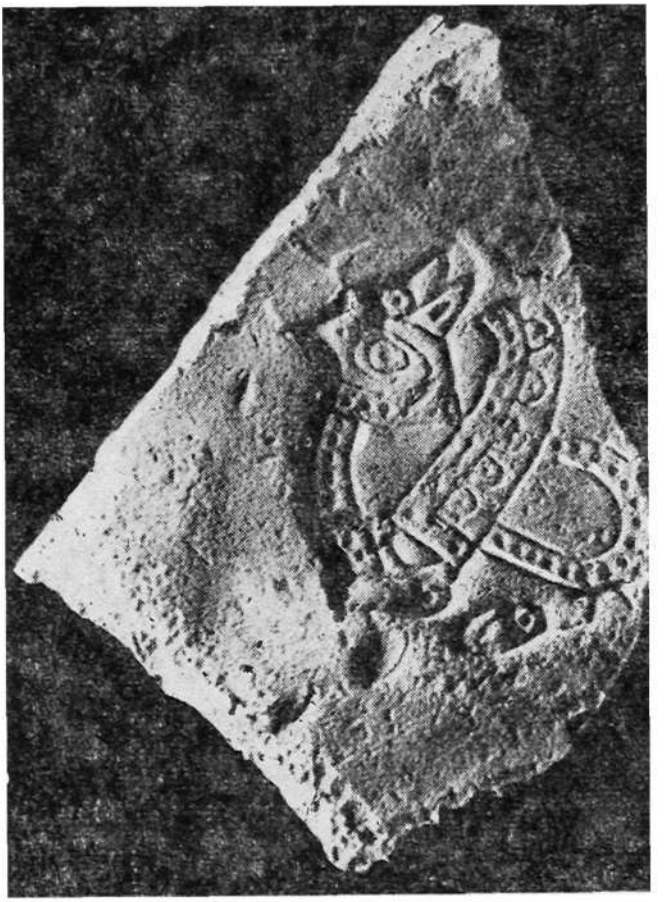


Рис. 60. Городище Куня-Фазли. Изображение сэнмурва на керамической плитке.

Описанная плитка поднята на поверхности городища Куня-фазли[38], расположенного в 50 км юго-западнее Карши; ее датировали VII—VIII вв.[39] Б. И. Маршак относит эту плитку к «зрелому средневековью»[40], Л. И. Рempель — к XI—XII вв.[41]

---

[38] Кабанов С. К. Нахшеб..., с. 64—65.

[39] Изображение сэнмурва с городища Куня-фазли. Бюллетень АН УзССР, 1947, № 9, с. 26. К сожалению, в этом издании изображение сэнмурва по вине типографии приведено в неправильном положении: морда собаки обращена вверх, а не влево, как следовало бы.

[40] Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971, с. 39.

[41] Рempель Л. И. Искусство Среднего Востока. М., 1978, с. 204—205. К сожалению, в подписи под рис. 119 происхождение этой плитки ошибочно отнесено к Самарканду.

Итак, рассмотрены скромные памятники искусства, найденные в развалинах сельских поселений Южного Согда. В общем эти находки можно сравнить с отдельными камешками сложной мозаичной картины истории искусства Южного Согда, которую еще предстоит создать. Тем не менее, уже сейчас можно сделать некоторые выводы, главным образом об историко-культурных связях.

Хронологически рассмотренные памятники относятся к периоду с первых веков до н. э. до VII—VIII вв., в основном к III—VI вв. Прежде всего, они различаются по способу изготовления: часть из них сделана руками сельских умельцев, выражавших в своих примитивных творениях культовые и эстетические воззрения людей своей среды, другие же памятники — подлинное произведение зрелого мастера: это терракоты из Шортепа с изображением владельца, стрелок из лука на рисунке по кости из Айтугдытепа; в этих произведениях, конечно, сказывается влияние города.

Нельзя сказать, что неожиданным является почти полное отсутствие признаков связи между памятниками зоны Чимкурганского водохранилища, относящейся, как мы увидим ниже, к Кешу, и нижней части долины (Нахшеб). Прежде всего это объясняется малочисленностью памятников, что уменьшает вероятность находок аналогий среди них, но, видимо, их и не могло быть много, потому что в III—VI вв. земледельческое население Кеша и Нахшеба имело свои отдельные ремесленные центры, что видно из состава археологических материалов, а взаимодействующее с земледельцами кочевое население было различным по этническому составу; этот вопрос мы рассмотрим в заключительной части.

Несомненен отпечаток эллинистических влияний: он прослеживается в терракоте из нижних наслоений городища в Китабе, оттиске штампа на сосуде из Большого Кызтепа и, быть может, в терракоте из Дагайтепа. Возможны и влияния со стороны кушано-парфянской среды, нашедшие отражение в терракотах из Киндаклитепа и Шортепа.

Особенно отчетливо выражено влияние Зарафшанского Согда в памятниках типа Аултепа, что было установлено при анализе керамических материалов; подтверждают это и памятники искусства.

Собрана небольшая коллекция памятников искусства, отдельные произведения которой, надо надеяться, займут свое место в создаваемой усилиями археологов и искусствоведов галерее истории искусств народов Средней Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже в VI—V вв. до н. э., на ранних этапах развития классового общества, в текстах Авесты и клинописных надписях упоминаются две древние земледельческие страны — Бактрия и Согд; границей между которыми был, по-видимому, Гиссарский хребет[1]. Однако примерно с этого же времени известны и кочевые народы, занимавшиеся скотоводством. Это первое общественное разделение труда породило вековечное соседство земледельцев и скотоводов-кочевников с их сотрудничеством и борьбой. Ведущими были земледельческие народы, стоявшие на относительно высокой ступени развития производительных сил. Судя по материалам археологических исследований, земледельческие народы Средней Азии находились примерно на одном уровне развития, о чем свидетельствует такая отрасль производственной деятельности, как гончарство, изделия которой даже по формам были близки всему югу и центральной части Средней Азии[2].

Общие черты в развитии культуры земледельческих народов можно проследить вплоть до первых веков нашей эры: если сравнить выявленные к настоящему времени памятники материальной культуры первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры из Самарканда, долины Кашкадарьи, Кобадиана, то окажется, что для всех этих районов характерен высокий уровень гончарного ремесла, применение лощения, однотипность некоторых видов посуды. Относительно поздние античные историки, повествующие о походах Александра Македонского, также знают Бактрию и Согд; знают они и области, расположенные в долине Кашкадарьи, они их называли Наутакой и Ксаниппой, но именно как области: не указано, что они были населены другими народами, отличающимися от согдийцев. Следовательно, в период развитого рабовладельческого общества, в первые века до и после начала нашего летосчисления, согдийцы и бактрийцы занимали те же территории,

[1] Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. Советская археология (сборник), вып. XIX, 1954, с. 123.

[2] Там же, с. 135.

что и на заре классового общества: бактрийцы находились к югу от Гиссарского хребта, согдийцы — к северу от него, в бассейнах рек Зарафшан и Кашкадарья.

Однако в III—V вв. н. э. намечается некая историческая грань, начинается упадок рабовладельческого строя, а вместе с тем исчезает историко-культурное единство, даже относительное, тех территорий, которые занимали согдийцы и бактрийцы. Более того, уже трудно говорить о культурно-историческом единстве даже двух таких областей Согда, как оазисы верхней и нижней частей долины Кашкадарьи, с начала V в. известных в письменных источниках под названием Кеш и Нахшеб[3] (современные Шахрисабзский и Каршинский оазисы).

В результате исследований Джангальтепа и памятников его типа получены большие комплексы предметов материальной культуры, отличающихся от керамических изделий из синхронных (III—V вв.) наслоений развалин древних наслоений Нахшеба, таких как Мудинтепа, Ер-Курган, Коштепа и др. (рис. 61)[4].

Следовательно, есть основание считать, что культура, представленная материалами раскопок на Джангальтепа, характеризует другую культурно-историческую область долины Кашкадарьи— Кеш III—V вв., а не Нахшеб. Это были две смежные области с особыми ремесленными центрами гончарства, продукция которого стала теперь основным археологическим источником. Причины различия этих ремесленных «школ», видимо, кроются в обособленности их развития, слабости меновых отношений. На обособление культурно-исторических областей, несомненно, влияли и этнические процессы.

Кроме ремесленного производства керамических изделий, существовало и домашнее гончарство — изготовление лепной посуды. Некоторые элементы декоративной обработки сосудов домашнего изготовления есть основание связывать с влиянием переходивших к оседлости кочевников; к ним относятся некоторые зооморфные изображения на ручках сосудов и налепной орнамент[5]. Оба эти элемента не так хорошо представлены на сосудах из Джангальтепа, как в памятниках Каршинского оазиса, но они отмечены на некоторых изделиях. Налепной орнамент использовали при изготовлении курильниц, крышек сосудов. В наслоениях Джангальтепа и синхронных ему памятниках не было светильников с зооморфными ручками, найденных в ряде памятников Нахшеба (рис. 61, I, *26, 31, 33*), однако отмечен фрагмент кувшина с зооморфной ручкой; характерно, что именно кувшина, а не светильника. Высказано мнение, что зооморфные ручки на сосудах — признак

---

[3] Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л., 1950, с. 264, 274—275.

[4] Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья, рис. 13, *13—32*; Он же. Раскопки сельского поселения III—V вв. н. э. близ Карши.— СА, 1978, № 1, с. 178—191.

[5] Кабанов С. К. Нахшеб.., с. 118—119.

культуры кангюйцев[6], переходивших к оседлости кочевников. Ручки на светильниках из Нахшеба определены как признак культуры другого народа, переходившего к оседлости, — юечжей (кушаны); этот вывод сделан на основе такого наблюдения: если на севере, в собственно Кангюе, зооморфные изображения помещались на ручках сосудов для воды, то в Нахшебе они украшали жаростойкие сосуды. Видимо, эти изображения имели ритуальное значение и отражали различие в культах, основа которых была одна — почитание стихии: воды в Кангюе и огня в Нахшебе[7].

В наслоениях Джангальтепа найдены и другие предметы, связывающие этот памятник с культурой кангюйцев. Это очажная подставка с зооморфными навершиями, похожая на изделия этого вида из памятников каунчинской культуры[8], некоторые формы сосудов станковой работы, подобные сосудам из слоя Каунчи I. По данным Л. М. Левиной для каунчинской культуры «на первом этапе типичны сосуды с широким плоским дном, диаметр которого обычно много больше диаметра устья, покатые, как бы обвислые, плечики грушевидного тулова»[9]. Эти особенности характерны и для некоторых сосудов из Джангальтепа. Они широкодонные (рис. 61, I, *17*), с обвислыми плечиками (рис. 61, II, *14—15*). В Нахшебе такие сосуды не отмечены. Первый этап культуры Каунчи датируется в широких хронологических рамках — с I в. до н. э. по конец III — начало IV в. н. э.[10] Поселение, развалинами которого стало Джангальтепа, основано в III в., менее вероятно — во II в. н. э.; такое «опоздание» вполне объяснимо, если учесть необходимое время для распространения кангюйского влияния на юг.

В вопросе периодизации культуры Каунчи и ее номенклатуре мнения ученых расходятся. Так, А. И. Тереножкин считает, что ту ее ступень, которую Л. М. Левина называет Каунчи I, следует называть Каунчи II и датировать ее завершение I—II вв. н. э.[11] Однако наши материалы из нижнего слоя Джангальтепа, связанные с культурой Каунчи, нет оснований датировать столь заглубленным временем.

О присутствии кангюйцев в верхней части долины Кашкадарьи свидетельствуют и письменные источники[12].

Особо следует сопоставить находки курильниц в Нахшебе, в наслоениях Джангальтепа и происходящих из городищ собственно

---

[6] Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 23.

[7] Кабанов С. К. Указ. соч., с. 118—121.

[8] Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, с. 179—180, рис. 59, *35—40*.

[9] Там же, с. 227.

[10] Там же, с. 226.

[11] Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 23—24, 36.

[12] Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 316; Массон М. Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области УзССР.—«Археология Средней Азии». Сборник научных трудов. 1977, № 533, с. 29.

Кангюя, расположенных в бассейне среднего течения Сырдарьи. Выше уже приведены описания курильниц из Джангальтепа, причем установлено, что в основном они одинаковы с курильницами, найденными в Нахшебе. Состоят они из вертикального стержня, конусовидной подставки и рабочей части сосуда, в виде чаши. Снаружи подставка и чаша покрыты налепным орнаментом из сочетания шипов и валиков; иногда, но редко, налепами украшены и стержни в виде кольцевых и продольных валиков. В Нахшебе отмечена курильница с зооморфным изображением на ручке[13], подтверждающим культовое назначение этих сосудов, причем именно культ огня. Недавно на городище Ер-Курган обнаружена курильница с антропоморфными налепами[14], отличающаяся от всех ранее найденных величиной и роскошью убранства: эта курильница особая, ее использовали в храме, а описанные выше являлись культовыми предметами сельских поселений. Однако курильницы из поселений бассейна Сырдарьи не были так богато украшены даже в сравнении с курильницами сельских поселений, да и встречались они, по-видимому, редко. Курильницы, похожие на нахшебские, найдены там в наслоениях позднего времени — VI—VIII вв.[15]; более ранние были другого облика[16].

Интересна находка по существу одинаковых курильниц в Нахшебе — области влияния кушан (юечжи) и на Джангальтепа — памятнике с признаками влияния кангюйцев. В относительно недавнем прошлом и юечжи и кангюйцы были кочевниками; в их культуре могли быть схожие черты, например, в применении налепного орнамента на сосудах. Следует учитывать и согдийское население, культура которого служила основой для вновь образовавшихся синкретических культур. К тому же немаловажно и нахождение Джангальтепа и памятников его группы как бы в «пограничной» полосе, между Нахшебом и Кешем. В этой связи упомянем о находке светильников шортепинского типа из Нахшеба на Буритепа[17], отмеченной ранее[18].

Однако причисляя зону Чимкурганского водохранилища к Кешу, мы не можем отнести выявленные здесь особенности культуры ко всей этой культурно-исторической области, несмотря на отмеченный выше признак сходства сосудов с Киндаклитепа и Хаузтепа из восточной части Кеша. В данной местности более сильным было

---

[13] Кабанов С. К. Указ. соч., рис. 11.

[14] Исамиддинов М., Сулейманов Р. Х. Комплекс ритуально-культовой керамики IV—V вв. из Южного Согда. — ИМКУ, вып. 13, 1977, с. 66—67.

[15] Левина Л. М. Указ. соч., рис. 59, *313*.

[16] Там же, рис. 59, *172—177*.

[17] Из материалов раскопок В. Д. Жукова; хранятся в Музее истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека в Ташкенте (колл. 44/28—29).

[18] Кабанов С. К. Поздние кушаны в Нахшебе. — ВДИ, 1973, № 3, с. 168. Прим. 31. В связи с вопросом о «пограничной» полосе следует высказать и наше мнение о находке нахшебских монет на Джангальтепа и Аултепа. Прежде всего возникает предположение о торговых отношениях, которые не могли не вестись между соседними областями.

влияние Нахшеба, а возможно, и кангюйцев, поскольку кругом расстилалась травянистая степь, удобная для скотоводства.

«Пограничная» полоса была довольно широкой, ее западный край, по определению М. Е. Массона[19], пролегал в 10—15 км западнее Джангальтепа. В Джангальтепа и однотипных ему по признакам материальной культуры поселениях представлен, будем пока считать до дальнейших исследований, вариант древнесогдийской культуры западной окраины Кеша поздней стадии рабовладельческого общества, с привнесением в нее элементов культуры кангюйцев.

Обратимся теперь к Аултепа и современным ему памятникам, как уже определено, V—VI вв. Резкое различие в составе материалов из Джангальтепа и Аултепа показывает, что в период строительства Аултепа поселения Джангальтепа уже не существовало. Этот вывод подтверждается и тем фактом, что на Малом Кызтепа здание времени Джангальтепа перекрыто слоем с керамикой времени Аултепа. Возникает вопрос, насколько длителен был промежуток времени, отделяющий оба эти события — запустение древних поселений и возникновение новых. В решении его могут помочь нумизматические находки. На обоих основных объектах исследований найдены нахшебские монеты позднего типа. Хотя они были в обращении довольно длительное время, его можно ограничить двумя веками — V и VI, поскольку в IV в. имели хождение нахшебские монеты более древнего типа — с изображением на аверсе владетеля в шлеме[20], а в VI—VII вв. с надчеканом (?) в виде согдийского У-образного знака[21].

Находка на Аултепа монеты другого типа, чеканенной в подражание монетам Варахрана V, показывает, что во второй половине V в. здание уже существовало. Это подтверждают и керамические изделия. Но если основание здания, руинами которого было Аултепа, датировать второй половиной V в., то время оставления поселения Джангальтепа следует определить серединой или первой половиной V в., поскольку в это время имели хождение найденные

---

[19] Массон М. Е. Указ. ст., с. 57.

[20] М. Е. Массон считает эту монету фальшивой (см. его статью «Парфяно-согдийские монеты области долины Кашкадарьи», с. 134—135); с чем вряд ли можно согласиться. Однако если и признать ее фальшивой, значение ее в данном контексте не изменится: эту монету М. Е. Массон также датирует III—IV вв. Что же касается вопроса о том, фальшива ли монета, найденная на Пирмат-бабатепа, то этот вывод, на наш взгляд, противоречит реальным отношениям, которые могли складываться в ходе «реализации» этой, по мнению М. Е. Массона, фальшивой монеты. Как мог фальшивомонетчик использовать монеты с изображением владетеля в шлеме, в то время как имели хождение монеты, по М. Е. Массону, с изображением владетеля без головного убора, с характерной прической устрашающего вида? (Указ. ст., с. 136). Нужно добавить, что монеты с изображением владетеля в головном уборе несколько иного типа были найдены и на других памятниках, например, на Коштепа II (см. Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья, рис. 16, *2*).

[21] Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья, рис. 16, *6*.

в его верхнем слое нахшебские монеты позднего типа, конечно, других эмиссий. Следовательно, промежуток времени, разделяющий время разрушения древнесогдийского поселения, представляющего в своем комплексе предметов материальной культуры Кеш, каким можно считать Джангальтепа, и основание здания, руинами которого было Аултепа, можно определить в два-три десятилетия, не больше. Учитывая резкое различие комплексов Джангальтепа и Аултепа, невозможно признать, что за такое короткое время произошла столь значительная трансформация в облике культуры Кеша. Нет данных для установления прямой генетической связи между комплексами Джангальтепа и Аултепа, при всех связывающих их отдельных признаках. С другой стороны, поразительна близость многих керамических форм из Аултепа к соответствующим материалам из памятников районов Самарканда и Пенджикента. Следовательно, Аултепа и однотипные по характеру представленной им культуры памятники являются развалинами поселений согдийцев, лишь во второй половине V в. переселившихся из долины Зарафшана в среднюю часть долины Кашкадарьи, в западную часть Кеша. Позднее, в VII в., жители этих поселений распространили свое влияние на Нахшеб, что отразилось в комплексах таких памятников, как Каджартепа[22] и Айтугдытепа[23].

Следует попытаться выявить элементы социальной организации обитателей рассмотренных нами поселений.

Джангальтепа — это довольно крупное поселение, окруженное крепостными стенами. Малое Кызтепа, надо полагать, возникло примерно одновременно с Джангальтепа и как поселение существовало одновременно с ним. Существен факт сосуществования слабо укрепленного поселения с крупной крепостью, что говорит и об определенной социальной дифференциации. Несомненно, Малое Кызтепа являлось развалинами усадьбы, состоявшей из построенного на возвышении довольно капитального здания, однако без особой крепостной стены, и из примыкавшего к нему двора с хозяйственными постройками. Двор находился на невысоком стилобате. Судя по облику усадьбы, глава его вел хозяйство самостоятельно, однако, несомненно, в какой-то мере он зависел от владетелей соседних, более крупных поселений, возможно, того же поселения Джангальтепа.

Население усадьбы не могло быть большим. Раскрыто две комнаты, занимавшие большую часть верхней площадки тепа. Можно предположить, что было еще три комнаты, не больше. Пять комнат — это помещение для большой семьи. Может быть, часть обитателей жила во дворе, тем не менее организация населения усадьбы вряд ли выходила за пределы указанной первичной ячейки общества, даже если учесть наличие небольшого количества подневольных

[22] Там же, с. 18, рис. 7, *5*.
[23] Там же, рис. 13, *37, 40—41*.

Рис. 61. Сравнительная таблица керамических форм. Материалы из наслоений:

1–1–12, 32–городище Ер-Курган; *13–16*–Негузтепа; *17–22, 30–31*–Коштепа II; *23–25*–Мудинтепа; *26–29*–Пирмат-бабатепа; *33–36*–Шортепа; *37–42*–Айтугдытепа; *43–44*–Калжартепа; *1,1–1–7*–Калянтепа; *8–9*–Большое Кызтепа; *10–11, 13–15, 22–25*–Джангальтепа; *12 16–21*–Малое Кызтепа; *26–29*–Аултепа.

работников, быть может, рабов. Этот вывод можно подкрепить еще тем известным фактом, что в указанное время в соседнем Иране примерно при одинаковом уровне развития производительных сил большая семья «занимала центральное положение как основная социальная ячейка общества»[24]. Этими краткими выводами о социальной структуре древних обитателей поселений времени Джангальтепа (III—V в.) мы и должны ограничиться.

В аспекте раскрытия социальных отношений у нас больше возможностей при рассмотрении памятников времени Аултепа (V—VI вв.)[25].

В центре его нижнего этажа находилось хозяйственное помещение, вероятно, общее для всех обитателей здания, поскольку в жилых помещениях не обнаружены очаги для приготовления пищи. Этого хозяйственного помещения, конечно, было недостаточно обитателям всех остальных 22 помещений, раскрытых в нижнем этаже. Правда, был еще второй этаж, в помещениях которого, расположенных над центральным массивом, видимо, жил владелец с семьей.

При раскопках в Пенджикенте удалось раскрыть в зданиях остатки вторых этажей, причем в них зафиксированы хозяйственные помещения типа кухни, склада[26], помещение с печью для выпечки хлеба[27]. Подчеркивается большое значение второго этажа в быту обитателей здания. Эти наблюдения позволяют нам предположить, что и в рассматриваемом здании многие работы, связанные с повседневной жизнью довольно большого количества людей, велись на втором этаже, в некоторых его помещениях и на плоской крыше коридора и помещений внешнего обвода. Эти работы не могли помешать и семье владельца, надо полагать, не очень прихотливой: судя по планировке центральной части нижнего этажа, во втором этаже должно было быть не менее семи относительно больших помещений.

Помещения нижнего этажа не все одинаково благоустроены. Более удобны для жилья большие помещения внешнего обвода. Ни одно из семи сохранившихся больших помещений внешнего обвода не делилось наглухо перегородками, тогда как из шести жилых помещений центрального массива три разделены наглухо, с устройством отдельных входных проемов. Эти наглухо разделенные помещения свидетельствуют, по-видимому, об увеличении количества парных семей, с удобствами которых не особенно и считались: они жили в небольших темных каморах.

---

[24] Пигулевская Н. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, с. 181.

[25] Попытка в этом направлении уже совершена; см.: Кабанов С. К. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв. — СА, 1966, № 3, с. 52—66.

[26] Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.).—МИА, 66, 1958, с. 120.

[27] Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента. — МИА, 66, 1958, с. 200.

Описанные особенности планировки здания дают основание для такого вывода: среди обитателей здания выделялась привилегированная часть, представителям которой предоставлялись относительно удобные помещения по внешнему обводу.

По-видимому, здание, развалинами которого было Аултепа, по социальной функции соответствовало кёшку более поздних письменных источников. Оно представляло собой «укрепленное жилище владетеля обширной земельной собственности»[28].

Не исключено, что вокруг здания располагались хижины зависимого земледельческого населения, от которых не осталось даже следов присутствия здесь из-за их небольшого количества, неблагоприятных климатических условий и возделанности земель в более поздние времена.

Владелец здания, видимо, играл выдающуюся роль в округе как представитель господствовавшего класса, так как жил в монументальном здании, являвшемся произведением высокого архитектурного мастерства; кроме того, об этом свидетельствует и относительно большой дошедший до нас комплекс бытовых предметов, из которых можно выделить сосуды с династийными знаками согдийских владетелей. Возможно, что владелец здания принадлежал к высшей согдийской аристократии; вероятность этого и дала нам основание предположить, что в здании размещалась придворная челядь[29]. Что же касается трудового населения, то были ли это рабы, зависимые крестьяне, в той или иной форме закабаленные, или воины-дружинники, пока выяснить не удалось — слишком мало сведений о конкретных условиях жизни общества, памятником которого является Аултепа.

В Каршинском оазисе период V—VI вв. определен как время становления феодализма[30]. В Нахшебе в этот период наблюдался процесс оставления небольших поселений и сосредоточения населения у подножия укрепленных, относительно крупных зданий типа зáмков[31].

В рассматриваемой группе поселений средней части долины такого процесса еще не наблюдалось: там существовали отдельные мелкие поселения. Видимо, это было обусловлено более стабильным политическим положением и обилием земли в данной местности.

Обратимся теперь к другим памятникам, современным Аултепа. Относительно крупные работы проведены на Таштепа, в результате которых вскрыта примерно третья часть древнего поселения. Выявлены небольшие (4—10 м²) помещения, расположенные вдоль за-

---

[28] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. II, ч. I, М., 1963, с. 208.

[29] Кабанов С. К. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв., с. 56.

[30] Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья, с. 108.

[31] Там же, с. 103—104.

падной его стены и части северной. Кроме того, раскрыта и часть двора. Пол двора прикрыт слоями органических остатков. При определении социальной организации, в условиях которой жили обитатели этого поселения, определенную трудность составляло то обстоятельство, что не все поселение было раскрыто, однако его небольшие размеры не позволяют предполагать усложненный план: видимо, и по другим сторонам лепились такие же каморы, как у западной стены поселения, с выходом во двор. Судя по размерам поселения, здесь существовала большая семья. В хозяйстве ее, видимо, преобладало скотоводство, развитию которого благоприятствовало расположение поселения в травянистой степи.

Памятники с планировкой, характерной особенностью которой является наличие двора и помещений, пристроенных к внешним стенам, отмечены как один из видов поселений в Хорезме V—VII вв.[32] Эта особенность в планировке показывает, что и в Хорезме, в хозяйстве обитателей таких поселений, большое значение имело скотоводство[33].

В результате раскопа вскрыта почти вся верхняя площадка Ирзотепа, но на ней, кроме остатков стен двух небольших помещений, соединенных проемом, ничего из конструктивных частей не обнаружено; видимо, здесь могла размещаться лишь небольшая отдельная семья. То же относится и к соседнему разрушенному тепа. Предполагается, что здесь могли обитать смотрители головного сооружения канала[34].

Следует отметить, что три других небольших поселения расположены вблизи (не далее 1,5 км) Аултепа: это Малое Кызтепа, в его верхнем слое, расположенное западнее Аултепа, Нарайтепа, находящееся южнее, и Халматтепа — восточнее его. Обитатели этих поселений, несомненно, были подданными аристократа, жившего в замке, и зависели от него. Но в какой форме зависимости они находились? Можно только предполагать, что это были или рабы, или работники, находившиеся в зависимости типа крепостной. Возможно, им поручались сезонные работы, например, уход за скотом в летнее время, садоводство, рыболовство[35]. В зимнее время они могли укрываться в замке. Возможно и другое предположение: это были более стабильные поселения, их обитатели могли вести небольшое хозяйство самостоятельно, что обеспечивало им относительную независимость от владетеля.

На Большом Кызтепа слой времени Аултепа выявлялся отчетливо; есть его признаки и на Бурытепа, однако объем работ и степень сохранности памятников ни на одном из них не позволили выявить характерные черты планировки зданий этого времени, что

---

[32] Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976, с. 172.

[33] Там же, с. 273.

[34] Кабанов С. К. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв., с. 57.

[35] Там же. с. 58.

мешает нам определить социальную организацию их обитателей. Можно отметить лишь, что с перерывом или без перерыва эти поселения существовали и после разрушения здания, развалинами которого было Аултепа.

Итак, история сельской округи, которая теперь занята Чимкурганским водохранилищем, выявляется в следующих основных чертах. Заселение ее происходило с глубокой древности: уже в первой трети первого тысячелетия до нашей эры, в эпоху поздней бронзы, здесь были поселения земледельцев. Были они и в середине этого же тысячелетия, о чем свидетельствуют находки З. И. Усмановой. В первые века до нашей эры и в первые века нашей эры это была уже обжитая территория: здесь существовали относительно крупные поселения, развалинами которых являются Калянтепа, Большое Кызтепа и др. Среди них выделяется Кендиклитепа, видимо, являющееся сооружением типа храма.

Следующий этап — III—V вв. Для этого времени характерны памятники типа Джангальтепа. В них выражены особенности материальной культуры западной части Кеша с признаками влияния переходивших к оседлости кангюйцев. Причина оставления поселений этого времени, видимо, кроется в сфере политических событий, связанных с крушением кушанского государства, окраиной которого был соседний Нахшеб.

В V—VI вв. в материальной культуре окраины Кеша резко выделяются новые веяния, тесно связанные с Самаркандским Согдом; эти веяния материализованы в здании и комплексе Аултепа и синхронных ему памятниках. Резкое отличие культуры, представленной Аултепа, от культуры хронологически и территориально близкой ему Джангальтепа дает основание полагать, что некий представитель согдийской аристократии вместе с подвластным ему населением покинул оазис верхней части Зарафшана и, перешедши горный хребет (это всего 2—3 дня пути для всадника), занял удобные для орошения и малонаселенные земли в средней части долины Кашкадарьи. Переселение произошло на небольшое расстояние и в пределах одной страны; миграцией это назвать нельзя.

Знаменателен факт, что единственную аналогию планировке исследованного нами здания мы пока находим только в верхней части долины Зарафшана. Примерно в 10 км южнее Самарканда, близ крупного городища Кафыркала, Г. В. Шишкина исследовала небольшой бугор, приблизительно равный Аултепа, в котором раскрыто здание с теми же основными особенностями планировки, характерными для Аултепа[36]. Помещения расположены симметрично, обходной коридор окружает центральный массив, как и на Аултепа, нет и помещений с южной стороны. Вместе с тем есть признаки, отличающие это здание от Аултепа. Это недостаточная изолированность отдельных помещений, необходимая для жилища,

[36] Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. — ИМКУ, вып. 2, 1961, с. 194, рис. 2.

и наличие продухов-щелей, пронизывающих все стены. Г. В. Шишкина определила исследованный ею памятник как руины центрального здания усадьбы крупного землевладельца, а щели в нем как продухи-каналы особой системы отопления, не известной пока на других памятниках. Однако особенности планировки здания и устройство щелей в стенах дали основание архитектору В. А. Нильсену предложить другое определение функционального назначения этого памятника: по его предположению, это была дахма — здание, в котором совершался погребальный обряд зороастрийцев, очищение костей от мягких покровов; для этого и предназначалась усиленная вентиляция[37].

Теперь появились новые данные для решения этого вопроса, мы на них остановимся.

Близ Пенджикента, в кишлаке Фильмандар, исследован бугор, который, как выяснилось, является руинами здания типа замка[38], датируемого также V в., как Аултепа и здание близ Кафыркалы; в замке Фильмандара сильно развита система бойниц. Устанавливаются признаки сходства планировки фильмандарского замка и центральной части здания близ Кафыркалы, а также сходство в устройстве бойниц-щелей в стенах обоих памятников. Дальнейшее усложнение плана последнего объясняется постепенным (в два-три этапа) расширением его путем пристройки новых стен и помещений[39]; в этом случае бойницы закладывались как ненужные и, выходит, их и приняла Г. В. Шишкина за продухи для отопления.

Однако, по нашему мнению, все три попытки объяснить устройство щелей в стенах не раскрывают их действительного назначения. Объяснение их как продухов, по которым поступал нагретый воздух в помещения, не реально потому, что, как замечает В. А. Нильсен, «при такой системе помещения наполнялись бы в определенные моменты дымом и гарью; не помогли бы никакие заслонки, и пребывание в здании людей было бы немыслимым»[40]. Доводы В. А. Нильсена не могут убедить читателя в том, что для совершения указанной им ритуальной операции требуется такое капитальное здание с изрядно изолированными для этого помещениями; в данном случае не могла бы помочь и вентиляция через эти щели.

Нельзя согласиться и с предположением, что здание близ Кафыркалы выстроено в два-три этапа, а щели в нем — заложенные бойницы: предпринимать капитальные пристройки к сооружению

---

[37] Нильсен В. А. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафыркала под Самаркандом. — ИМКУ, вып. 6, 1965, с. 116—123.

[38] Исаков А. Разведки и раскопки Косаторашского отряда в 1974 г.— В сб.: «Археологические работы в Таджикистане», вып. XIV (1974), 1979, с. 300—306.

[39] Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г.—В сб.: Археологические работы в Таджикистане, вып. XIV (1974), 1979, с. 263—265; Исаков А. И. Фильмандарский замок. — «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 4. Л., 1979, с. 50—51.

[40] Нильсен В. А. Указ. ст., с. 120.

из пахсы и сырцового кирпича было бы сложнее, чем заново возвести такое здание, отличающееся стройностью планировки. Кажется несомненным, что это здание было выстроено сразу, по одному замыслу. Что касается предполагаемых щелей-бойниц, то большая их часть расположена в нижних частях помещений и с наклоном внутрь[41]; такие щели не могли служить в качестве бойниц.

В настоящее время есть основание для более реального вывода о причине устройства загадочных щелей в стенах здания близ Кафыркалы.

При раскопках Жигатепе, в Северном Афганистане, раскрыто здание, стены которого прорезаны бойницеобразными щелями, определенными как световые проемы[42]. Данное определение явилось исходным моментом, который поможет нам определить назначение щелей в стенах здания близ Кафыркалы: это были световые проемы, одновременно служившие для вентиляции темных и закрытых со всех сторон помещений.

Чем же объяснить тот факт, что в здании Аултепа не применялся такой прием освещения и вентиляции? Ответ на этот вопрос дает сравнение планов обоих зданий. На Аултепа все помещения центрального массива соединены с коридором дверными проемами, через которые они и получали необходимый минимум света и воздуха. Иная особенность выявляется в плане здания близ Кафыркалы: почти все помещения центрального массива не имели непосредственного выхода в коридор и, таким образом, оказывались совсем изолированными от внешней среды, если бы не продухи в стенах. Совершенно не случайно то обстоятельство, что эти щели-продухи совпадают по направлению, они расположены как бы по одной линии, чем увеличивалась возможность поступления в здание света и воздуха. Данному выводу о функциональном назначении продухов как будто противоречит то обстоятельство, что они находятся в нижней части стен помещений: возможно, что в том сумеречном свете обитатели здания предпочитали иметь источник света поближе к себе.

Планировка обоих зданий (Аултепа и здание близ Кафыркалы), как видно, отражала древние традиции согдийской архитектуры; архитекторы, их возводившие, следовали выработанным еще в дофеодальное время канонам. Теперь в Согде известен полностью вскрытый памятник типа зáмка времени раннего феодализма — дворец Гордани Хисор[43], в планировке которого отражены уже другие особенности архитектуры, в нем нет и намека на симметричность планировки.

---

[41] Шишкина Г. В. Указ. ст., с. 196—197.

[42] Пугаченкова Г. А. Жигатепе (раскопки 1974 г.).—В сб.: Древняя Бактрия, вып. 2. Материалы советско-афганской археологической экспедиции. М., 1979, с. 88.

[43] Якубов Ю. Паргар в VII—VIII веках нашей эры. Душанбе, 1979, рис. 27.

Выявленные памятники — показатель определенных этапов в развитии согдийской архитектуры; они могут стать предметами особого рассмотрения в этом аспекте.

В нашем исследовании установлен факт сходства планировок построенных примерно в одно время зданий в долине Зарафшана и в долине Кашкадарьи. Следует учитывать и то, что полученный на Аултепа инвентарь близок к инвентарю памятника долины Зарафшана, но резко отличается от расположенного вблизи него другого памятника — Джангальтепа, немного более раннего. Все эти сопоставления подтверждают наш вывод о переселении группы согдийского населения из верхней части долины Зарафшана в среднюю часть долины Кашкадарьи во второй половине V в.

Дальнейшая история края, видимо, связана с тюркским завоеванием 563—567 гг. Вероятнее всего, именно в это время погибли здание, развалинами которого было Аултепа, а также Таштепа и некоторые другие. Однако часть поселений, с перерывом или без перерыва, продолжала развиваться, развалинами их стали Большое Кызтепа и Буритепа. Развивалось и Сарытепа 2 (рис. 1, *12*); в нем, в Большом Кызтепа (рис. 1, *11*) и других памятниках выявлены специфические для данной местности элементы развития культуры в VIII—XIII вв.[44]

ВДИ — Вестник древней истории
ЗВО — Записки Восточного отделения археологического общества
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
ТИИА — Труды Института истории и археологии АН УзССР
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция

[44] Усманова З. И., Кабанов С. К. К стратиграфии верхних (VIII—XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища. — ИМКУ, вып. 12, 1975, с. 103—120.

Цена 1 р. 30 к.